

Л. И. Вавулинская

**Колхозное крестьянство
и государственная политика
в середине 1940-х – конце 1950-х годов
(на материалах Карелии)**

КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Л. И. Вавулинская

**КОЛХОЗНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО
И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
В СЕРЕДИНЕ 1940-х – КОНЦЕ 1950-х ГОДОВ
(НА МАТЕРИАЛАХ КАРЕЛИИ)**

Петрозаводск
2010

УДК 947.8(470.22)
ББК 63.2(2Рос.Кар)
В 12

Рецензенты:

Старший научный сотрудник, зав. сектором истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, кандидат исторических наук **А. Ю. Жуков**

Декан исторического факультета ПетрГУ, доцент кафедры отечественной истории, кандидат исторических наук **С. Г. Веригин**

**Вавулинская Л. И. Колхозное крестьянство и государственная
В 12 политика в середине 1940-х – конце 1950-х годов (на материалах
Карелии).** Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. 235 с.

ISBN 978-5-9274-0413-1

В монографии впервые в местной исторической литературе комплексно освещены основные направления аграрной политики государства, формы и методы ее осуществления в колхозной деревне Карелии во второй половине 1940-х – 1950-е годы. На основе вовлечения в научный оборот обширного массива новых архивных источников выявлены общие закономерности и особенности функционирования колхозного строя в республике, значение предпринятых в 1950-е гг. реформ управления. Особое внимание уделено вопросам реформирования колхозной системы в Карелии, его экономическим и социальным последствиям.

УДК 947.8(470.22)
ББК 63.2(2Рос.Кар)

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Института языка,
литературы и истории Карельского научного центра РАН*

ISBN 978-5-9274-0413-1

© Вавулинская Л. И., 2010
© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2010
© Карельский научный центр РАН, 2010

*Посвящается светлой памяти
моих родителей
Ивана Михайловича
и Раисы Михайловны
Июдиных*

Оглавление

Введение	7
Глава 1. Основные направления и механизм реализации аграрной политики Советского государства в послевоенные годы	22
1. Аграрная политика и ее региональные особенности	22
2. Роль партийных, советских, общественных организаций, спецорганов республики в реализации партийно-государственных решений	28
3. Формы и методы осуществления аграрной политики	37
Глава 2. Колхозы Карелии после Великой Отечественной войны (1945–1953 гг.)	45
1. Проблема кадров в послевоенной колхозной деревне	45
2. Трудности восстановления сельского хозяйства. Материально-техническая база колхозов и сельскохозяйственное производство	52
3. Налоговая политика государства и положение колхозов	60
4. Начало реорганизации колхозного сектора сельского хозяйства	69
5. Крестьянское хозяйство	74
Глава 3. 1953 год и новая аграрная политика. Экономическая эффективность реформ управления сельским хозяйством	81
1. Изменение налоговой и заготовительной политики. Новые подходы к планированию производства и оплате труда	82
2. Финансирование сельского хозяйства и укрепление материально-технической базы колхозов	87
3. Кадры колхозов	93
4. Место приусадебного хозяйства колхозников в аграрном производстве	99
5. Результативность принятых сентябрьским пленумом ЦК КПСС решений в области сельского хозяйства	109
Глава 4. Завершающий этап функционирования колхозной системы Карелии (1953–1960 гг.)	114
1. Первый опыт реорганизованных хозяйств и положение колхозов республики в середине 1950-х гг.	115
2. Завершение реформирования колхозного строя в Карелии	126
3. Реорганизация МТС	132
4. Отраслевая структура сельскохозяйственного производства в 1950-е гг.	138

5. Экономические и социальные последствия реформирования колхозной системы	146
--	-----

Глава 5. Материально-бытовое и социально-культурное положение колхозов	153
1. Социально-демографические изменения в колхозной деревне	153
2. Материальное потребление и быт	159
3. Общественно-политическая жизнь. Культурное обслуживание деревни	173
4. Формы социального протеста крестьянства	184
Заключение	191
Примечания	197
Список использованных источников и литературы	223

Введение

Реформирование аграрного сектора экономики России, приведшее в конце 1990-х гг. к глубокому кризису, с особой остротой поставило вопросы обобщения предшествующего исторического опыта аграрной политики и научного обоснования дальнейших преобразований в этой области.

Рыночные преобразования в сельском хозяйстве Республики Карелия, сопровождавшиеся ослаблением государственного регулирования отношений между звеньями аграрного сектора и промышленностью, пятикратным увеличением диспаритета цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, резким ограничением бюджетного финансирования, ужесточением кредитной и налоговой политики, привели к катастрофическому падению объемов производства в коллективных хозяйствах Карелии. В то же время частный сектор не смог компенсировать снижение выпуска продуктов питания в общественных хозяйствах: на долю фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей Карелии в 2008 г. приходилось лишь 3,1% скота и птицы на убой в живом весе, 1,8% производства молока, 0,3% яиц, а на долю хозяйств населения – соответственно 23,5, 19,1 и 12%¹.

Резкое снижение уровня душевого потребления основных продуктов питания и сокращение их местного производства выдвигают на первый план вопрос о продовольственной безопасности республики, ее способности устойчиво обеспечивать население продуктами питания, необходимыми для нормального функционирования региона². При неблагоприятных климатических условиях ведения сельского хозяйства и низкой степени сельскохозяйственной освоенности территории края важную роль приобретает рациональная модель сочетания государственного и рыночного регулирования агросферы, использования разнообразных форм хозяйствования на земле.

Актуальность этих проблем возрастает в связи с включением сельского хозяйства в число приоритетных национальных программ. Особую значимость имеет обобщение на региональном уровне опыта аграрной политики советского государства в 1950-е гг., когда благодаря осуществлению системы государственных мер по повышению заинтересованности тружеников сельского хозяйства в результатах труда в основном за счет качественных показателей был достигнут значительный подъем производства в аграрном секторе экономики как страны, так и республики.

Интерес к теме исследования усиливается тем, что при общности процессов рыночных преобразований имеют место значительные региональные различия, обусловленные историческими, природными, экономическими, социальными, географическими, национальными особенностями. Их учет необходим для корректировки реформ и выработки региональной политики.

Развитие российской деревни в послевоенные годы было сложным и противоречивым. Она пережила тяжелое время послевоенной разрухи, крупные социально-экономические и демографические изменения, ряд реформ, имевших неоднозначные последствия для дальнейшего развития сельского хозяйства. Сложившиеся в 1930-е гг. неравноправные экономические взаимоотношения между государством и колхозами, социальное и правовое ущемление крестьян в послевоенный период дополнились более сильным диктатом и налоговым прессом³.

Вместе с тем в экономике СССР в этот период происходили перемены, связанные с отходом от военно-мобилизационного типа развития производства и осуществлением реформ управления народным хозяйством. Преобразовательные процессы в стране развернулись в неблагоприятных внешних условиях из-за гонки вооружений, непрерывной борьбы за лидерство в мире, отсутствия внешних ресурсов и помощи, тем не менее экономике СССР удалось выйти на траекторию опережающего развития. Как свидетельствуют официальные статистические данные и современные альтернативные оценки, 1950-е гг. — особенно их вторая половина — оказались наиболее успешными в послереволюционном периоде хозяйственного развития СССР. Достигнутые в 1950—1960-е гг. успехи обеспечили стране чрезвычайно высокий авторитет и первенство в важнейших областях мирового экономического развития. Однако советская экономика не смогла долго продержаться на таком уровне из-за того, что не были преодолены коренные пороки социально-экономического механизма, сложившегося в 1930-е гг.

Хронологически монография охватывает время сложившейся системы взаимоотношений государства и крестьянства в условиях колхозного строя (1945—1950-е гг.). В этот период село испытало воздействие ряда долговременных по своим последствиям факторов, связанных с реформированием аграрного сектора экономики. Для Карелии вторая половина 1940-х — 1950-е годы явились завершающими в истории сельскохозяйственных колхозов и крестьянства. В республике,

одной из немногих в стране, уже к началу 1960-х гг. все сельскохозяйственные колхозы были реорганизованы в совхозы.

Внутри этого периода правомерно выделить два этапа в истории аграрной социально-экономической подсистемы России, рубеж которых приходится на 1953 г. В течение второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. в отношениях государства с крестьянством сохранялись законы военного времени, более того, возрастала степень жесткости государственной политики, касающейся деревенского населения. 1950-е гг. явились периодом внедрения различных хозяйственных нововведений, связанных с ослаблением централизованного управления экономикой и отказом от преимущественно принудительных методов хозяйствования после смерти Сталина и смены политического курса в стране в 1953—1955 гг. Хотя в эти годы произошла корректировка государственной аграрной политики, отношение государства к крестьянству изменилось незначительно. В дальнейшем перевод колхозников на заработную плату, распространение на них пенсионной системы, развитие механизмов социальной защиты, преодоление прикрепления к земле и денатурализация хозяйства подрывают их крестьянские социальные устои⁴.

Два этапа в послевоенном развитии деревни выделяет и карельский этносоциолог Е. И. Клементьев, положивший в основу периодизации изменения в материально-технической базе отрасли, характеризующиеся с середины 1950-х гг. завершением в целом технической реконструкции отрасли, развитием узкоспециализированных производств, переходом к начальному этапу развития индустриализации, базирующейся на частичной механизации производственных процессов⁵.

Территориально исследование ограничено Карело-Финской ССР (Карельской АССР, Республикой Карелия). Современная агросистема Карелии характеризуется низкой сельскохозяйственной освоенностью территории и слабым потенциалом сельского хозяйства, отсутствием сельскохозяйственного машиностроения и производства технических средств для переработки сельскохозяйственной продукции, высокой концентрацией перерабатывающей промышленности, удаленной от сырьевых баз на значительные расстояния. На душу населения в Карелии приходится лишь 0,2 га сельскохозяйственных угодий, тогда как в соседней Финляндии — около 0,5 га. Если в Финляндии высокая окультуренность полевых угодий и высокая продуктивность животноводства способствуют не только самообеспеченности

страны основными продуктами питания, но и их экспорту, то в Карелии из-за низкого уровня зернового хозяйства животноводство полностью зависит от завозимых комбикормов⁶.

Сложные природно-климатические условия, малоплодородные почвы, распыленные среди сплошных массивов леса пашни и короткий земледельческий сезон в республике требовали огромных трудовых и энергетических добавочных затрат и оказали большое влияние на хозяйственное устройство аграрного сектора.

Объектом исследования является колхозная деревня Карелии во второй половине 1940-х — 1950-е гг. В центре внимания автора — основные направления государственной аграрной политики, формы и методы ее осуществления, результаты и влияние на развитие деревни в последующие годы; динамика социально-экономического развития колхозного производства; воздействие социально-политических и экономических факторов на демографические процессы в деревне, материально-бытовые и культурные условия жизни сельского населения.

Историография

Проблемам истории крестьянства СССР второй половины 1940-х — 1950-х гг. посвящена значительная часть литературы, в которой получили освещение материально-техническая база колхозов, колхозное производство, общественно-политическая и социальная жизнь села. Мы не ставили задачу дать полный анализ литературы по данной проблеме, так как он дан в ряде историографических работ⁷.

Хотя историография проблем развития аграрного сектора до конца 1980-х гг. носила идеологизированный характер, обусловленный общественно-политической обстановкой в стране, ее несомненным достоинством является введение в научный оборот обширного массива архивных документов, рассмотрение широкого круга проблем социально-экономического развития деревни. Обстоятельный анализ различных аспектов аграрной истории, предпринятый в работах А. П. Тюриной, В. Б. Островского, В. Г. Венжера, И. М. Волкова, М. А. Вылцана, П. А. Игнатовского⁸ и др., не утратил своей актуальности и в наше время.

Со второй половины 1980-х гг. начался новый этап изучения аграрной истории России. Возможность доступа к ранее закрытым архивным и статистическим материалам, расширение источниковой базы и тематики исследований позволили пересмотреть ряд положений и оценок советской историографии, углубить исследование многих проблем. Характерным для историографии этого времени стало значительное расширение диапазона исследований, многоаспектность и

концептуальность изложения проблемы. Необходимо отметить работы О. М. Вербицкой, Н. С. Иванова, В. П. Попова, И. Е. Зеленина, А. А. Никонова, В. П. Данилова, М. А. Безнина, Г. И. Шмелева, В. Т. Рязанова, В. А. Шестакова и др.⁹

В монографии О. М. Вербицкой «Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х годов» предпринято новое осмысление истории крестьянства России в первые послевоенные и в 1950-е годы. В нем исследованы причины сокращения численности крестьянства и ухудшения его демографического состава, освещены вопросы организации и оплаты крестьянского труда, роли личного хозяйства в жизни крестьянской семьи, доходов и структуры потребления, быта и отдельных сторон духовной культуры крестьянства.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. вологодским историком М. А. Безниным была комплексно исследована проблема послевоенного крестьянского двора. Автор поставил и обосновал вопрос о неправомерности определения крестьянского хозяйства как подсобного, так как в 1950—1960-е гг. оно наряду с колхозами и совхозами «являлось основным аграрным производителем и играло важное, а порой и основное значение в формировании совокупных доходов двора». Был также сделан принципиально важный вывод о происходившем в эти годы процессе не только «внешнего», но и «внутреннего раскрестьянивания», т. е. превращения крестьян-колхозников по сути дела в рабочих с огородом. М. А. Безниным выделены основные направления этого процесса: ликвидация основных условий воспроизводства крестьянских дворов вследствие миграционных процессов (внешнее раскрестьянивание) и разрушение хозяйства крестьянского двора, урезание его до положения подсобного, что привело к завершению в основном индивидуальной производственной сельскохозяйственной деятельности как формы хозяйствования уже в 1960-е годы (внутреннее раскрестьянивание)¹⁰.

Е. Б. Никитаева существенно дополнила содержание процессов раскрестьянивания, включив в понятие «внешнее раскрестьянивание» формальное изменение социального статуса путем государственной политики преобразования колхозов в совхозы, а с середины 1970-х гг. — межхозяйственную кооперацию и агропромышленную интеграцию. Понятие процесса внутреннего раскрестьянивания было дополнено разрушением семейно-усадебного уклада жизни крестьянской семьи¹¹.

Внимание исследователей привлекли новые аспекты послевоенной аграрной истории: менталитет крестьянства и воздействие на

него природно-географических и культурно-исторических факторов, политических структур, религии, просвещения, традиционного уклада жизни¹²; социальный протест колхозного крестьянства в хозяйственно-экономической, социально-политической и духовной сферах¹³; голод 1946–1947 гг. в СССР¹⁴; повинности колхозного крестьянства¹⁵ и др. В ходе исследования данных сюжетов авторами были сделаны обоснованные выводы о негативном воздействии послевоенной государственной политики на деревню и о необходимости учета исторических, природных, экономических, социальных, географических, национальных особенностей и традиций при дальнейшем реформировании аграрного сектора страны.

В ряде работ поднимаются проблемы репрессий власти против населения, в том числе сельского¹⁶. В ряду новых сюжетов аграрной истории — постановка проблемы социальной памяти российского крестьянства. В монографии И. Е. Козновой, подготовленной в Институте философии РАН, на основе архивных и опубликованных материалов, прежде всего личного происхождения, а также собранных автором по методу устной истории, изучена история XX века глазами крестьян на уровне событийной ретроспекции. Автор оценивает социальную память как духовный ресурс преобразований¹⁷.

Значительный интерес представляет социально-географический аспект исследования аграрной истории. В монографии А. И. Алексеева¹⁸ всесторонне рассмотрено влияние природных условий на хозяйство и жизнь сельского населения, выявлены причины различий в уровне жизни городского и сельского населения.

Показателем изменения отношения российских исследователей к изучению проблем крестьянства стало обсуждение классических западных работ по крестьяноведению на теоретических семинарах по изучению современных концепций аграрного развития (с 1992 г.). Тогда же была издана хрестоматия крестьяноведения, содержащая тексты из наиболее интересных и значимых работ западных и российских специалистов-аграрников¹⁹. Крестьяноведческие исследования позволили выделить ряд черт, общих для крестьян: семейное хозяйство, хозяйствование на земле, деревенская традиционная культура, низшее положение в системе социальной иерархии²⁰.

В 1990-е гг. появились работы, в которых предприняты попытки пересмотра подходов к анализу аграрного строя России. По мнению волюнтаристских историков М. А. Безнина и Т. М. Димони, в 1930–1980-е гг. достаточно типичное аграрное общество России трансформируется в

специфический российский аграрный капитализм. Авторы проанализировали развитие аграрного строя России 1930–1980-х гг. как совокупности разных хозяйственных укладов: государственно-капиталистического уклада, представленного прежде всего совхозами и МТС, колхозного как способа капитализации аграрного производства и старокрестьянского уклада²¹.

Одной из тенденций развития современной аграрной историографии является смещение акцентов на изучение региональной экономики и политики, выявление общих закономерностей и специфики аграрного развития регионов, в том числе в послевоенные годы²².

В числе этих работ выделяются исследования М. А. Безнина, Т. М. Димони, А. Ф. Сметанина, Д. В. Милохина, Л. В. Изюмовой, О. В. Артёмовой и др., в которых освещены разнообразные аспекты жизни колхозной деревни Европейского Севера.

Важное место в отечественной и буржуазной историографии занимает проблема реформ в области сельского хозяйства, предпринятых Н. С. Хрущевым во второй половине 1950-х гг. Оценка этих реформ столь же противоречива, как и их осуществление на практике. Так, зарубежный исследователь Дж. Милар считает, что при Н. С. Хрущеве началось создание новой модели сельскохозяйственного производства, характерными чертами которой были интенсификация и развитие товарно-денежных отношений в аграрном секторе. Большинство зарубежных авторов традиционно связывают главные заслуги Хрущева с изменениями в государственной политике по отношению к крестьянству, одновременно признавая, что реформы 1950-х гг. не изменили социалистическую природу сельского хозяйства и были направлены на повышение эффективности колхозно-совхозной системы и улучшение условий жизни населения деревни²³. По мнению Дж. Хоскинга, особенно большое значение имело то, что Хрущев «облегчил в какой-то мере состояние бедности и деморализации деревенской жизни и вновь поставил сельское хозяйство на подобающее ему место среди вопросов политики... В то же время ошибки Хрущева в аграрной политике имели тяжелые последствия для страны»²⁴.

Особое внимание в буржуазной историографии послевоенного периода уделено вопросу преобразования колхозов в совхозы. Ряд зарубежных ученых (А. Пьетр, А. Пейрс, Б. Керблай) считает, что совхозы в СССР создавались без учета экономической необходимости, в угоду идеологическим и политическим факторам, с целью обеспечения господства социалистической собственности и превращения русских крестьян в сельскохозяйственных рабочих, полностью зависимых от государства²⁵. В то же

время некоторые исследователи (Э. Шинке, К. Вадекин) признают положительные результаты в развитии колхозного производства в 1953–1959 гг., рост доходов колхозов и колхозников в связи с модернизацией производства, повышением цен на сельскохозяйственную продукцию и изменением системы оплаты труда в колхозах²⁶.

Советскими историками также высказывались разные точки зрения по вопросу о преобразовании колхозов в совхозы. Так, М. Л. Богденко считает этот акт «не результатом внутреннего развития колхозов, а вынужденной и чрезвычайной мерой, обусловленной экономической слабостью некоторых колхозов, создавшейся в результате войны и необходимостью ее преодоления в короткий срок»²⁷. А. П. Тюрина, отмечая экономическую слабость и нежизнеспособность многих послевоенных колхозов, справедливо полагает, что «колхозная система ни на одном из исторических этапов социалистического строительства не имела реальных возможностей проявить свои потенции как кооперативная форма хозяйства»²⁸.

В отечественной историографии до недавнего времени не оспаривалось в целом позитивное значение мер в отношении крестьянства, принятых в 1950-е гг. Многие исследователи считают период 1954–1958 гг. самым успешным за всю историю советской деревни. Рост валовой продукции за эти годы составил 35%, товарной – 44%. При этом производство продукции в немалой степени возросло за счет повышения урожайности культур и продуктивности скота²⁹.

В то же время предпринятое в последнее время российскими учеными углубленное изучение проблем реформирования аграрного сектора экономики в 1950-е гг. позволяет по-новому подойти к таким новациям хрущевского периода, как укрупнение колхозов и их преобразование в совхозы, реорганизация МТС, введение гарантированной оплаты труда колхозников, освоение целины и др., поставить вопросы о цене и эффективности этих реформ³⁰. В исследованиях отмечаются меры, направленные на снижение налогового гнета, повышение материальной заинтересованности колхозников, улучшение быта сельских жителей. Вместе с тем признается, что Хрущеву не удалось преодолеть сталинское наследие ни в экономике, ни в политике, а с его уходом произошел возврат к прошлому³¹.

Наряду с рассмотрением новых сюжетов и углубленным изучением традиционных вопросов аграрной истории характерным для историографии 1980–1990-х гг. было совершенствование методологии и методики исследования, выработка новых подходов к решению конкретных проблем, применение широкого круга разнообразных источников. Был

накоплен первый опыт использования нетрадиционных методов обработки источниковых материалов по истории деревни с применением ЭВМ, методики исследования протоколов сессий сельсоветов, общих собраний колхозников, актов гражданского состояния, жалоб крестьян, лишенных избирательных прав и др.³²

В целом, несмотря на значительную работу, проделанную российскими историками в области изучения колхозной деревни второй половины 1940–1950-х гг., нуждаются в дальнейшем исследовании такие проблемы, как преобразование колхозов в совхозы и сравнение показателей колхозного и совхозного производства после проведенной реорганизации, взаимоотношения колхозов и государства, колхозов и совхозов, анализ эффективности аграрных реформ 1950-х годов, восприятие крестьянством различных сторон общественной жизни и ряд других.

Если по аграрной истории России и отдельных регионов в послевоенный период уже имеется значительная литература, то в Карелии эта проблема еще не получила всестороннего освещения. Основные вопросы развития колхозной деревни республики в 1940–1950-е гг. освещены в обобщающих трудах «История Карелии с древнейших времен до наших дней» и во второй книге «Истории экономики Карелии», соответствующие главы в которых подготовлены Л. И. Вавулинской³³.

В исследованиях Е. И. Клементьева и А. А. Кожанова³⁴ дана всесторонняя характеристика сельской социальной среды республики, проанализированы особенности демографического состава населения в послевоенный период, основные тенденции развития социально-экономических основ лесной промышленности и сельского хозяйства в тесной связи с совершенствованием социально-профессиональной структуры трудовых ресурсов. Особое внимание обращено на изменения в этническом составе сельского населения Карелии в послевоенные годы. Важное место в работах авторов заняли вопросы быта сельского населения, в том числе общественного обслуживания, жилищных условий, развития приусадебных хозяйств колхозников, рабочих и служащих.

Проблемы формирования сельского населения Карелии в послевоенный период, его половозрастного, социального и национального состава, уровня образования затрагиваются в работе И. П. Покровской³⁵.

В статьях Л. И. Вавулинской³⁶ рассматривается историография проблемы, дана характеристика основных источников, выявлены особенности аграрного развития республики в послевоенный период, освещены формы и методы осуществления аграрной политики, социально-демографические изменения в колхозной деревне, место и

роль приусадебных хозяйств в сельскохозяйственном производстве, проблемы реформирования аграрного сектора экономики Карелии в 1950-е годы.

Вопросы партийного руководства сельским хозяйством в 1959–1961 гг. в республике отражены в статье С. Н. Полякова. Автор подчеркивает, что преобразование колхозов в совхозы, которые, «как правило, получали от государства дотации, являлись планово-убыточными, не полностью соответствовало государственным интересам, подрывало основы хозяйственного расчета, но в условиях того времени из двух зол надо было выбрать меньшее»³⁷.

Отдельные аспекты развития сельского хозяйства в послевоенный период освещены в коллективных трудах, вышедших в 1960–1970-е гг.³⁸, в кандидатских диссертациях экономистов³⁹, работах экономико-географического характера⁴⁰. Проблемы развития совхозов и интенсификации сельского хозяйства в последующие 1960–1970-е гг., рассматриваются в ряде работ экономистов⁴¹.

Некоторые сюжеты послевоенной колхозной деревни затронуты в статьях географа С. Б. Потахина, который на примере колхозов Шелтозерского района и Корписельгского сельского совета Суоярвского района отразил структуру земельных угодий, половозрастную структуру населения⁴².

В ряде исследований анализируются вопросы семейного быта и досуга, соотношения традиций и новаций, национальных и интернациональных элементов духовной и материальной культуры, выявлены изменения в демографических и социологических характеристиках брака и семьи сельского населения на протяжении 30 послевоенных лет⁴³. Проблемы послевоенной школы республики затронуты в статьях Г. А. Федоровича и Л. И. Вавулинской⁴⁴.

Значительный интерес для всестороннего исследования проблем послевоенной деревни представляют подготовленные на основе архивных документов публикации научного сотрудника музея «Кижи» Б. А. Гущина, а также популярные работы, написанные работниками сельского хозяйства республики, писателями и журналистами. В них отражен положительный опыт, накопленный лучшими хозяйствами республики в те годы, описаны картины повседневной жизни сельчан, подняты острые проблемы исчезающей деревни⁴⁵.

Таким образом, данная тема не подвергалась специальному исследованию. Требуют углубленного рассмотрения вопросы послевоенной аграрной политики в колхозной деревне Карелии, осуществления реформ управления 1950-х гг. и реформирования колхозного строя республики.

Характеристика источников

В последние десятилетия обогатилась источниковая база исследований по аграрной истории. Были вовлечены в научный оборот годовые отчеты колхозов, письма крестьян в органы власти, донесения спецорганов и другие источники. Вместе с тем освещение многих аспектов проблемы затруднено из-за недостатка сведений по целому ряду вопросов. В первую очередь, это касается приусадебных хозяйств колхозников, сравнительных данных по колхозам и реорганизованным в совхозы хозяйствам, показателей социального развития общественных хозяйств.

Исследование потребовало привлечения комплекса разнообразных источников. Из числа опубликованных источников следует назвать сборники документов⁴⁶, освещающие отдельные аспекты аграрной истории 1940–1950-х гг.

Важнейшими источниками являются документы партии и правительства, государственные акты, документы общественных организаций, в которых нашли отражение те или иные стороны развития аграрного сектора экономики.

В местных архивах Карелии содержится большой массив документов, характеризующих состояние сельского хозяйства во второй половине 1940-х — 1950-е гг. Наибольшая их часть сконцентрирована в Национальном архиве Республики Карелия (НА РК) — в фондах Госплана, Статистического управления, Министерства сельского хозяйства и Министерства совхозов, Совета Министров (КФССР) КАССР и др. Фонды архива содержат богатый фактический и статистический материал по вопросам развития сельского хозяйства, положения колхозов и совхозов.

Среди материалов руководящих органов власти и управления республики важное место занимает переписка с различными организациями и учреждениями, которая нередко остается вне поля зрения исследователей. Так, в фондах Совнаркома — Совета Министров Карелии — хранятся договоры колхозов Карелии с колхозами южных районов страны о поставке леса в обмен на зерно, сено, солому; документы, сообщающие о ликвидации скота в ряде подсобных хозяйств леспромхозов вследствие отсутствия необходимых сельскохозяйственных угодий, материалы о привлечении рабочих и служащих на сельскохозяйственные работы и многие другие.

Материалы правоохранительных органов (суда, юстиции, прокуратуры) и органов госбезопасности отражают факты различных форм

социального протеста колхозного крестьянства. Значительный комплекс источников составляют обследования, сводки и обзоры настроений населения, выполненные по заказу центральных органов власти. Данные о настроениях крестьянства содержат документы, отражающие взгляд на деревенскую действительность со стороны: отчеты советских и партийных работников, посланных на село для проведения тех или иных кампаний, их письма, статьи о жизни деревни и т. д. Существенно дополняют картину социально-экономической и общественно-политической жизни деревни такие массовые источники, как протоколы райсоветов и сельсоветов, местных профсоюзных и партийных организаций, документы предприятий сельского хозяйства и др.

Одним из базовых источников в работе являются сводные годовые отчеты колхозов, которые включают разносторонние сведения о численности колхозных дворов, их населении, трудовых ресурсах и их использовании, оплате труда, структуре и расходовании доходов и др. Ценные сведения о положении приусадебных хозяйств содержат земельные балансы, данные переписей и текущих учетов населения.

Разнообразные материалы по аграрной истории республики содержат также фонды партийных организаций Карелии. Это отчеты и постановления ЦК Компартии (бюро обкома) республики и райкомов партии, первичных партийных организаций, информации в вышестоящие органы власти, протоколы и резолюции конференций, пленумов, собраний, где нередкими были острые, принципиальные выступления. Документы дают представление о формах и методах осуществления аграрной политики в исследуемый период.

Особый интерес среди материалов Национального архива РК представляют письма, жалобы и заявления трудящихся в центральные и местные руководящие органы, редакции газет и журналов. В них выражена озабоченность людей бесхозяйственным отношением к земле, диктатом министерств и ведомств над колхозами и совхозами, бесправием сельского труженика. Интересный материал, отражающий общественные настроения в деревне, содержат такие массовые источники как надписи на избирательных бюллетенях, указы избирателей депутатам и др.

При работе над монографией использованы документы бывшего Карельского государственного архива новейшей истории (КГАНИ), который в настоящее время объединен с Национальным архивом РК. В связи с тем, что фонд № 8 (ЦК КП(б) Карело-Финской ССР) прошел

переработку с расформированием и изменением нумерации дел, в работе сохранены прежние ссылки на ранее выявленные документы КГАНИ.

При изучении проблем аграрной истории базовое значение имеет сельскохозяйственная статистика. Между тем в официальных материалах отсутствуют многие необходимые сведения, позволяющие провести всесторонний анализ производственной деятельности колхозов в 1940–1950-е гг., выяснить эффективность различных форм организации сельского хозяйства. Нередко в статистических сборниках приводятся в основном количественные показатели, например, рост числа клубов, библиотек, но не даются сведения об обеспеченности сельского населения их услугами.

В послевоенный период прекратилась публикация издававшихся в 1920–1930-е гг. статистических сборников, в которых содержался широкий круг динамических показателей развития сельского хозяйства с пояснением методики исчисления данных. С конца 1950-х гг. в республике стали регулярно выходить статистические сборники, однако они содержат лишь самую общую информацию в основном по количественным показателям развития сельского хозяйства: о производственном потенциале села, росте сельскохозяйственного производства, развитии земледелия и животноводства, укреплении материально-технической базы колхозов и совхозов.

Многие статистические данные не были включены в сборники, в том числе объем капитальных вложений в сельское хозяйство, их структура и использование, производительность труда, материалы бюджетных обследований семей колхозников и рабочих совхозов, практически отсутствуют сравнительные показатели деятельности колхозов, совхозов и приусадебных хозяйств колхозников. С середины 1950-х годов, когда только началось преобразование колхозов в совхозы, из статистики почти исчезли данные по государственным и кооперативным хозяйствам.

Целый ряд статистических данных оказался недоступен в силу цензурных ограничений. Так, циркулярными указаниями Главлита в 1953 г. запрещалось публиковать данные о состоянии посевов зерновых и технических культур, об их валовом сборе и урожайности, массовой гибели за текущий и предыдущий годы, о заготовительных и закупочных ценах, рыночных и кооперативных ценах, если они превышали единые государственные цены. Запрещалось также публиковать данные о перебоях в снабжении населения, о заболеваниях и падеже скота в абсолютных цифрах, о стихийных

бедствиях, об участии военнослужащих в сельскохозяйственных работах и т. д.⁴⁷

При работе с архивными источниками возникли определенные трудности. Во многих случаях необходимая информация, особенно статистические сведения, материалы о развитии социальной сферы села, приводятся в целом по сельскому населению. Поэтому нам приходилось пользоваться имеющимися данными. Слабо отражены в документах архивов вопросы о доходах и расходах колхозников, их питании и др.

Сравнение и анализ обширного статистического материала, содержащегося в фондах местных архивов, показывает, что к нему надо относиться с известной осторожностью, так как при составлении отчетов нередко допускались завышение или, наоборот, занижение данных. Показатели деятельности колхозов часто приводятся без указания, включены ли в отчетность все колхозы республики, в том числе рыболовецкие, или только сельскохозяйственные колхозы, в связи с этим возникают значительные расхождения в цифрах. Целый ряд данных статистики несопоставим не только в межрегиональном, но и республиканском разрезе. При использовании цифровых данных необходимо учитывать методику исчисления органами статистики тех или иных показателей.

Существенно дополняют архивные материалы документы республиканской периодической печати. Хотя газетные информации и статьи большей частью носят парадно-отчетный характер, они дают фактический материал о положении дел в различных колхозах, развитии земледелия и животноводства, трудностях в выполнении производственных планов.

В работе использованы воспоминания бывших руководителей колхозов и МТС Н. А. Ремизова и М. И. Захарова, а также писателей и журналистов республики И. Костина и В. Лукьянова.

В целом имеющаяся по проблеме литература и источники позволяют с достаточной полнотой решить поставленные задачи.

Основной целью исследования является характеристика социально-экономического развития колхозной деревни Карелии в послевоенные годы и выяснение эффективности осуществленных преобразований в аграрном секторе экономики республики. В связи с этим поставлены следующие **задачи**:

— показать основные направления аграрной политики государства, формы и методы ее осуществления в колхозной деревне во второй половине 1940-х — 1950-е гг.;

- раскрыть общие закономерности и региональные особенности развития сельского хозяйства Карелии в послевоенное 15-летие, их влияние на процесс реформирования колхозной системы;

- выяснить позитивные и негативные результаты реформ управления 1950-х гг., осуществленных по решению сентябрьского пленума ЦК КПСС; экономические и социальные последствия реформирования колхозной системы в Карелии;

- показать социальное и правовое положение колхозного крестьянства, его участие в общественно-политической жизни;

- проанализировать демографические процессы в колхозной деревне;

- выяснить роль приусадебного хозяйства колхозников в сельскохозяйственном производстве республики и в формировании доходов крестьянской семьи; взаимоотношения крестьянского двора и общественных хозяйств;

- выявить основные изменения в материально-бытовом положении колхозников, в развитии социально-культурной сферы села;

- осветить основные формы социального протеста колхозного крестьянства.

Методология исследования включает совокупность общенаучных и исторических методов. Основными методами изучения материалов являются конкретно-исторический и сравнительно-исторический анализ, позволяющие проследить историю колхозной деревни Карелии на протяжении 15 послевоенных лет. Эти методы сочетаются с историко-экономическим, статистическим, структурным, факторным и другими методами. В исследовании рассматриваются в комплексе исторический, экономический, социально-политический и правовой аспекты развития колхозной деревни края в послевоенные годы.

В монографии на основе вовлечения в научный оборот широкого круга источников и литературы впервые всесторонне рассматриваются основные проблемы аграрной политики во второй половине 1940-х — 1950-е гг., реформы 1950-х гг. и реорганизация колхозного строя в республике. Материалы и выводы исследования могут быть использованы при разработке программ развития аграрно-промышленного комплекса республики, подготовке обобщающих трудов по аграрной истории Европейского Севера и России, учебных пособий, спецкурсов и семинаров.

Глава 1

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

1. Аграрная политика и ее региональные особенности

С момента основания Советского государства аграрный вопрос был одним из главных. За годы советской власти деревня испытала немало экспериментов и реорганизаций, призванных в короткий срок обеспечить подъем сельскохозяйственного производства. Вместе с тем основные принципы государственного регулирования аграрных процессов по сути оставались неизменными. На протяжении после-октябрьского периода партия и государство пренебрегали интересами крестьянина-колхозника, принося их в жертву развитию других отраслей экономики и социальных групп.

В опубликованных в 1990-е гг. работах историков и экономистов вновь был поднят вопрос о содержании самого термина «аграрная политика». По мнению В. В. Милосердова, главным содержанием аграрной политики является «система стимулов, обеспечивающих заинтересованность тружеников села в конечных результатах»⁴⁸. В. П. Попов трактует экономическую политику советского государства как «поиск, налаживание и поддержание в нужном режиме специальных механизмов в экономике, которые гарантировали правящему слою стабильность его господства над населением страны и распространение своего владычества за пределы державы»⁴⁹.

Плодотворным для анализа аграрной политики, на наш взгляд, представляется использование предложенной В. В. Наухацким научной категории «модель аграрного развития», понимаемой как «определенная совокупность характерных черт, особенностей аграрной политики и аграрного развития СССР, позволяющих говорить о них как о некой целостности с присущей ей объективно характеристиками,

динамикой, механизмами функционирования, противоречиями, теоретическим арсеналом»⁵⁰.

Исходя из данного определения, можно сказать, что аграрная политика Советского государства вплоть до 1990-х гг. состояла из непоследовательных, противоречивых и кратковременных попыток реформировать аграрный сектор, не меняя общего отношения к сельскохозяйственному производству и селу, как к ресурсному потенциалу развития промышленности и города в целом. Эволюция аграрного сектора рассматривалась сквозь призму совершенствования социализма и построения коммунизма, а не как решение общесовиетской задачи модернизации аграрной экономики⁵¹.

Взаимодействие экономики и политики получило теоретическое обобщение в определении, сформулированном в резолюции IX съезда партии по вопросу о профессиональных союзах и их организации (1920 г.): «Политика есть самое концентрированное выражение экономики и ее обобщение и завершение»⁵². Первенство политики над экономикой неоднократно подчеркивал В. И. Ленин: «Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе, значит забывать азбуку марксизма»⁵³.

Отказ от рыночного хозяйства в Советском государстве сопровождался целенаправленным и принудительным процессом вытеснения и трансформации многих из ранее существовавших укладов экономической структуры. В результате в СССР сложилась трехсекторная модель народного хозяйства, включающая государственный, колхозно-кооперативный и мелкотоварный сектор (личное подсобное, индивидуальное и домашнее хозяйство). Таким образом, в процессе социалистического строительства был создан свой достаточно оригинальный вариант альтернативной экономики смешанного типа с преобладанием в ней государственно-социалистического уклада, который в принципе не соответствовал логике и главным постулатам идеологии коммунизма⁵⁴.

Сельское хозяйство в наибольшей степени ощутило негативные стороны советской административно-командной системы, стремившейся превратить крестьянский мир в свою составную часть и поставить под контроль бюрократического аппарата. На протяжении всего советского периода сельское хозяйство оставалось «донором» для развития остальных сфер экономики, прежде всего тяжелой индустрии, а с точки зрения материального благосостояния колхозники находились на самой низшей ступеньке советского общества.

Рожденные в ходе сплошной коллективизации предприятия, названные колхозами, по существу не являлись собственниками произведенной продукции, не могли самостоятельно формировать производственный план; основные и оборотные фонды колхоза принадлежали ему лишь формально; государство могло изымать денежные средства со счетов колхозов даже без соответствующего решения его правления. Коллективы предприятий были лишены элементарных демократических норм самоуправления и жизни. Государственное руководство колхозами фактически ничем не отличалось от руководства совхозами⁵⁵.

Еще в 1930-е гг. индустриализация страны в значительной степени опиралась на ресурсы деревни: создав колхозы, сталинское правительство получало из села по заниженным ценам сельскохозяйственные продукты, которые в дальнейшем продавались по гораздо более высокой цене. Колхозы были вынуждены отдавать государству не только прибавочный, но и необходимый продукт. За свой труд в колхозах крестьяне получали чрезвычайно мало и вынуждены были трудиться на приусадебных участках, чтобы обеспечить семью. Та же самая политика проводилась после окончания войны, несмотря на огромные потери, которые понесло сельское хозяйство.

Аграрная политика послевоенного времени во многом была обусловлена трудностями восстановления народного хозяйства и напряженной международной обстановкой. Втягивание нашей страны в гонку вооружений выкачивало из экономики огромные ресурсы. На военные нужды в СССР, по оценкам, использовалось до 15–20% валового национального продукта, в то время как в США — 5–10%⁵⁶. Экономика оказалась подчинена внешнеполитическим и идеологическим программам.

Победа в Великой Отечественной войне подняла способность системы к предельной мобилизации ресурсов на еще более высокий уровень, позволявший в централизованном порядке обеспечивать изъятие и перераспределение всех ресурсов страны, направление их на решение ключевых задач экономического развития. Непропорционально ускоренное развитие тяжелой промышленности надолго оставалось главным принципом экономической политики государства. Сложность экономической ситуации оправдывала экстремальные, а порой и авторитарные меры власти по восстановлению хозяйства. Эта система управления общественным производством оставалась неизменной до середины 1950-х гг.

Село вновь, как и в годы индустриализации, стало источником материальных и трудовых ресурсов для скорейшего восстановления и наращивания мощностей тяжелой промышленности. Послевоенная аграрная политика характеризовалась прежде всего неэквивалентным обменом между городом и деревней, реализуемым через особую систему ценообразования на продукцию колхозов, прикреплением крестьян к колхозам посредством особого административного режима в сельской местности, лишения колхозников паспортов и т. д.

Ряд авторов, соглашаясь с тем, что тяжелая индустрия после войны была в основном восстановлена за счет изъятых из деревни средств и ресурсов, считает, что в действительности послевоенная аграрная политика была противоречивой: в ней присутствовали и поддержка личных хозяйств крестьян, обеспечивающих полубесплатный труд колхозников, и гонения на личные хозяйства не только колхозников, но и всего населения, как не соответствующих социалистической организации сельскохозяйственного производства. Местные власти вынуждены были действовать в рамках колебаний государственной политики в отношении личных хозяйств крестьян, смягчая или ужесточая очередные решения партии и государства⁵⁷.

Аграрная политика послевоенных лет опиралась на те производственные и организационные структуры, которые были порождены коллективизацией и пережили войну⁵⁸. Тем самым старые тенденции преобладали над новыми программными установками. Отставание сельского хозяйства связывалось прежде всего с несовершенством его организационных форм, в то время как причины кризиса заключались в существовании аграрной политики государства, носившей по сути антикрестьянский характер.

Появление новой модели аграрного развития в середине 1950-х гг. обусловлено кризисным состоянием сельского хозяйства и потребностями быстро растущей экономики, необходимостью адаптации советской экономической системы к требованиям научно-технической революции. По инициативе Г. М. Маленкова были поставлены задачи пересмотра соотношения в темпах развития тяжелой и легкой промышленности, развития массового жилищного строительства, изменения аграрной политики, ослабления налогового пресса.

Аграрная политика этого периода впервые за советское время сделала акцент на использовании материальных стимулов развития производства, хотя в целом проблемы развития сельского хозяйства рассматривались в рамках социалистической парадигмы с точки зрения

реализации на практике ряда идеологических постулатов. Один из них базировался на идее преимущества государственной собственности по сравнению с колхозно-кооперативной и частной, на всемерном укрупнении и огосударствлении сельскохозяйственного производства. Реализация этой идеи на практике в 1950-е гг. нашла выражение в укрупнении колхозов и их реорганизации в совхозы и подсобные хозяйства промышленных предприятий.

Другим важнейшим постулатом аграрной политики советского государства являлось положение марксистской теории о том, что прогресс общества неизбежно будет определяться ликвидацией противоположности, а затем и существенных различий между городом и деревней. Однако на практике деревня развивалась как сырьевой придаток города и рынок сбыта его продукции, она резко отставала от города по условиям жизни, а колхозники по существу были прикреплены к земле.

Теоретические концептуальные основы аграрной политики КПСС включали также идеи о стирании классовых различий и усилении социальной однородности общества, руководящей роли КПСС в разработке и реализации аграрной политики, особых преимуществах плановой системы хозяйства при скептическом отношении к товарно-денежным отношениям, совхозах как ведущей форме организации производства, концентрации производства как важнейшей закономерности развития сельского хозяйства и др.⁵⁹ Подобный теоретический консерватизм не давал возможности коренного обновления аграрной политики.

Тем не менее в середине — второй половине 1950-х гг. несколько изменились пропорции и приоритеты в развитии сельского хозяйства, соотношение экономических и внеэкономических форм воздействия на колхозы, были отменены наиболее репрессивные меры, такие, как ссылка, предприняты шаги по усилению материальной заинтересованности крестьян в развитии общественного и личного производства.

Однако вместе с ростом закупочных цен, повысивших доходы колхозов и колхозников, росли цены на технику, строительные материалы, запасные части, минеральные удобрения. Обслуживающие сельское хозяйство организации не несли ответственности за конечный продукт. Продолжалось административное вмешательство в дела колхозов и совхозов, несправедливый обмен между городом и деревней, разрыв между закупочными и розничными ценами, который государство безвозмездно покрывало из своего бюджета. Неотъемлемой

чертой аграрной политики 1950-х гг. стала шефская помощь города деревне.

Сохранилось двоякое отношение к личному хозяйству крестьян. С одной стороны, совершенствовалась налоговая политика в отношении приусадебных хозяйств, с другой — шло сокращение размеров крестьянского землепользования, его свертывание в пользу общественных хозяйств. Личные хозяйства рассматривались как второстепенные, «неперспективные»⁶⁰.

Характерной чертой аграрной политики середины 1950-х гг. стало волевое утверждение, минуя действующие плановые директивы, волюнтаристских, нереалистичных программ действия. К их числу относились целинная эпопея, расширение посевов кукурузы и сверхпрограмма по животноводству. Инициатор этих программ Н. С. Хрущев в докладе на XXII съезде партии (1961 г.) подчеркивал: «Если в отдельных районах страны кукуруза внедряется формально, колхозы и совхозы снимают низкие урожаи, то в этом виноват не климат, а руководители... Надо заменять тех работников, которые сами засохли и сушат такую культуру, как кукуруза, не дают ей возможности развернуться во всю мощь»⁶¹.

Вследствие всех этих особенностей аграрной политики результаты ее оказались противоречивыми и кратковременными. В осуществлении аграрной политики не было стабильности, последовательности, а искажения и деформации принятых решений резко снижали их значение. Попытки достичь повышения эффективности сельского хозяйства за счет директивного планирования и наращивания капитальных вложений без серьезных изменений в системе организационно-экономических отношений, приспособить отжившие методы хозяйствования к новым условиям не могли привести к устойчивым результатам в аграрном секторе экономики.

Анализ причин отставания сельского хозяйства, предпринимавшийся на многочисленных пленумах, собраниях партийного и советского актива, заседаниях бюро партийных органов, не учитывал главного — социально-экономических условий функционирования сельской экономики. Между тем эффективность как коллективных, так и индивидуальных форм хозяйствования, зависела, в первую очередь, от действия экономических факторов, суть которых — в экономическом и социальном неравноправии города и деревни, неэквивалентном обмене между промышленностью и сельским хозяйством.

2. Роль партийных, советских, общественных организаций, спецорганов республики в реализации партийно-государственных решений

Система управления сельским хозяйством в послевоенные годы так же, как и до войны, строилась по территориально-производственному принципу и имела 5 ступеней: предприятие (колхоз, совхоз), районный отдел сельского хозяйства, областное управление сельского хозяйства, министерство сельского хозяйства республики, общесоюзное министерство сельского хозяйства. Эти организации, действуя административными методами, регламентировали всю хозяйственную жизнь колхозов. При этом без учета местных условий нередко давались многочисленные шаблонные указания по агротехнике, содержанию и кормлению скота, по структуре посевных площадей и другим вопросам.

На протяжении 15 послевоенных лет было проведено несколько реорганизаций органов управления сельским хозяйством республики: в 1946 г. вместо Министерства зерновых и животноводческих совхозов (Ф. К. Тароев) было организовано Министерство животноводства; в 1947 г. Министерство земледелия преобразовано в Министерство сельского хозяйства КФССР (Н. М. Анхимов), а Министерство животноводства – в Министерство совхозов (Ф. К. Тароев, И. М. Петров); в апреле 1953 г. Министерство сельского хозяйства и Министерство совхозов объединились в Министерство сельского хозяйства и заготовок КФССР. В сентябре того же года вновь было выделено Министерство совхозов, а в 1956 г. было организовано единое Министерство сельского хозяйства (А. И. Кравченко). Необоснованные перестройки руководящих органов нанесли немалый ущерб колхозному производству, порождая обстановку неуверенности и нервозности в работе.

Наряду с ведомственным диктатом всех звеньев Министерства сельского хозяйства постоянное вмешательство в экономическую жизнь колхозов осуществляли местные партийные организации. Состоявшийся 21–26 февраля 1947 г. пленум ЦК ВКП(б) принял постановление «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период». Особая роль в решении задач возрождения аграрного сектора экономики, повышении политической и производственной активности колхозников отводилась партийным и комсомольским организациям.

Значительно расширилась их сеть на селе, главным образом, за счет направления на работу в колхозы коммунистов и комсомольцев из учреждений и организаций районных центров. К концу июня 1947 г. в колхозы и совхозы республики было направлено 328 коммунистов.

Число первичных партийных организаций на селе увеличилось на 65, кандидатских групп — на 23 и партийно-комсомольских групп — на 30⁶².

Вопросы партийного руководства сельским хозяйством регулярно рассматривались на пленумах и заседаниях бюро ЦК КП(б) Карело-Финской ССР, райкомов партии, сельских первичных организаций.

К весне 1949 г. количество партийных организаций в колхозах республики увеличилось на 116 по сравнению с 1940 г. На селе насчитывалась 121 колхозная (в 1940 г. — 65), 204 территориальных партийных организации, кандидатских и партийно-комсомольских группы. В то же время в 785 колхозах не было партийных организаций. Среди принятых в 1946—1948 гг. кандидатами в члены партии крестьяне составляли лишь 6,9%, рабочие — 15,2%, а служащие — 75,4%, прочие категории — 2,5%⁶³.

Фактическое руководство колхозами осуществлялось вышестоящими органами, прежде всего районным звеном управления — райкомами партии и их уполномоченными: колхозы не имели права самостоятельно решать ни один действительно важный вопрос, сверху определяли даже то, в какое время начинать сев на каждом поле. Хотя пост председателя колхоза являлся выборным, в действительности на эту должность назначали по решению райкома партии и увольняли таким же образом. Председатель нес ответственность перед руководящими партийными органами за выполнение плана заготовок продукции и должен был обеспечивать поставки любой ценой. В свою очередь, районные руководители, подвергаясь такому же давлению со стороны вышестоящих партийных органов, были вынуждены покрывать дефицит в поставках сельскохозяйственной продукции государству по вине слабых колхозов за счет лучших хозяйств. В результате даже лучшие колхозы теряли всякий стимул в развитии производства.

В отчетном докладе ЦК КП (б) на втором съезде Компартии КФССР 24 апреля 1949 г. отмечались существенные недостатки в деятельности партийных организаций республики: мелочная опека и подмена государственных и хозяйственных органов, сосредоточение усилий на вопросах текущего характера и т. д. Так, Пудожский райком партии по каждому случаю посылал на село своих уполномоченных, хотя в сельсоветах имелся партийный и советский актив. Райком партии взял на себя решение всех хозяйственных вопросов. Секретари райкома распоряжались тракторами, молотилками, доставали бензин, распределяли фураж для конского обоза лесопунктов, кухонный инвентарь, проводили переключки председателей сельсоветов, подменяя

исполком райсовета. При этом в практике работы райкома партии преобладало администрирование: почти каждое решение бюро РК КП (б) начиналось с мер взыскания — указать, предупредить, объявить выговор, снять с работы. Только за 1948 г. было наложено 90 таких взысканий на партийных, советских и хозяйственных работников⁶⁴. На бюро Петровского РК партии также выносилось много вопросов, входивших в компетенцию советских и хозяйственных органов. К примеру, два раза обсуждался вопрос о развитии коневодства и дважды в решениях записывалось о том, как кормить лошадей, где и как содержать жеребых кобыл, когда проводить ветеринарный осмотр, обсуждались вопросы о завозе муки в сельпо и т. д.

Важное место в осуществлении решений партии по сельскому хозяйству отводилось комсомольским организациям. К июню 1947 г. на постоянную работу в сельское хозяйство выехали 178 комсомольцев и 275 комсомольских организаторов для развертывания массово-политической работы среди сельской молодежи. В члены ВЛКСМ было принято 247 человек из числа сельской молодежи. В результате только за 4 месяца после Февральского пленума ЦК ВКП(б) 1947 г. число комсомольских организаций на селе увеличилось на 101⁶⁵.

В газетной корреспонденции «Укрепляем комсомольские организации в колхозах» секретарь Питкярантского райкома комсомола Н. Терешкина сообщала: «За последнее время мы приняли в члены ВЛКСМ 17 юношей и девушек из колхозов. До марта (1947 г.) в нашем районе было 8 колхозных комсомольских организаций. В течение апреля-мая мы создали первичные комсомольские организации в артелях „Пионер“, „Новая Ладога“, „Искра“ и ряде других колхозов. В ближайшие дни будут оформлены комсомольские организации в колхозах им. Жданова и „8 Марта“. Тогда комсомольские организации будут во всех колхозах района. Созданием новых комсомольских организаций дело, конечно, не решается. Самое главное — добиться того, чтобы комсомольские организации жили полнокровной жизнью, были подлинными политическими вожаками молодежи»⁶⁶.

Решать эти задачи помогала последовательно проводимая линия на выдвижение комсомольцев на руководящую работу в колхозах. В мае 1949 г. на руководящих постах в колхозах работало 522 члена ВЛКСМ, в том числе председателями колхозов 16 человек и бригадирами 50 человек⁶⁷. Им принадлежала немалая роль в развертывании на селе социалистического соревнования за досрочное выполнение

плановых заданий, планов хлебопоставок государству, организации комсомольских рейдов по выявлению недостатков в работе колхозов.

Н. А. Ремизов, работавший в послевоенные годы директором Песчанской, Олонецкой, Кондопожской, Пудожской МТС, председателем исполкома Пудожского райсовета, вспоминал, что у молодежи колхоза «Комсомолец» Пудожского района, соревновавшейся на лесозаготовках с молодежью колхозов «Пламя», «Волна революции» и «Искра», был девиз:

«Хотя мы колхозники и молоды,
Но не поддадимся колхозу „Волны“.
Победим „Искру“ и „Пламя“
И не выпустим из своих рук
Переходящее Красное знамя»

Однако в целом, как отмечалось в докладной записке инструктора отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КП(б) республики К. Тимоскайнена, комсомольские организации на селе были малочисленны и организационно слабы. Из имевшихся в середине 1949 г. в Карелии 903 колхозов комсомольские организации были зарегистрированы только в 301 колхозе. На учете в колхозных комсомольских организациях состояло 1942 члена ВЛКСМ⁶⁸.

Непосредственным организатором исполнения партийных решений на селе были районные и сельские советы. Массовая работа советов была направлена на выполнение колхозами плановых заданий, подхлестывание трудового энтузиазма. Этой основной задаче были подчинены все формы работы. Только в 3-м квартале 1946 г. советы и культурно-просветительные учреждения Беломорского района провели 246 бесед и чток, на которых присутствовало 1706 человек, выпустили 20 стенных газет, 30 боевых листков, 17 газет-молний, 8 фотогазет, организовали 17 вечеров художественной самодеятельности с участием 4120 человек, 10 выставок литературы⁶⁹. На селе было развернуто соревнование за успешное выполнение планов сенокосения, уборки урожая, развития животноводства.

Сельсоветы совместно с партийными организациями проводили сходы, митинги, общие собрания крестьян. На заседаниях сессий и исполкомов многих сельских советов ставились вопросы о ходе сенокоса и хлебоборки, выполнении финансового плана, госпоставок молока и мяса, плана мобилизации средств, о подготовке к осенне-зимней путине и стойловому периоду, о работе детских садов и школ, о состоянии торговли, здравоохранения, рыбной промышленности,

животноводства и др.⁷⁰ В ряде сельсоветов работали постоянные комиссии, которые проводили проверки работы школ, детских садов и других сельских учреждений, готовили вопросы на заседания исполкомов сельсоветов. В то же время во многих сельских советах сессии по существу превратились в совещания советского актива, на которых приглашенных было в 2—3 раза больше, чем депутатов, а постоянные комиссии вследствие малочисленного состава являлись нежизнеспособными.

Послевоенные годы позволили постепенно ослабить жесткую централизацию управления, восстановить нарушавшиеся в годы войны принципы выборности в органы власти на местах, коллективные формы и методы руководства, однако наряду с этим сохранилась подчиненность советов партийным органам и исполкомам. Партийные организации определяли повестку дня и сроки проведения сессий советов, выдвигали кандидатов в депутаты, осуществляли подбор и расстановку советских кадров. Коммунисты составляли почти половину депутатов местных советов⁷¹.

Частой была смена председателей и секретарей сельских советов. В 1945 г. из 235 председателей сельсоветов сменилось 170 человек, или 73%, в 1946 г. и первом полугодии 1947 г. — из 253 председателей сельсоветов — 180 человек, или 70%, и 152 секретаря (61%). В Пряжинском районе сменилось 14 из 16 председателей, в Петровском районе — 9 из 13, Заонежском — 14 из 15⁷². Одной из немаловажных причин этого положения являлась низкая оплата труда председателей сельских советов, установленная постановлением СНК СССР от 19 апреля 1939 г. и составлявшая 150 руб. в месяц. В условиях разбросанности населенных пунктов республики, расстояние между которыми нередко составляло 30—40 км, работа председателей сельсоветов значительно осложнялась. При этом заработная плата налоговых агентов, зав. отделением почты и некоторых других сельских работников была значительно выше. Должностные оклады председателям и секретарям сельских советов КФССР были повышены лишь в 1954 г., после ликвидации 20 сельских советов. Только за 2,5 месяца 1954 г. заработная плата председателей и секретарей сельских советов возросла на 83 тыс. руб.⁷³

Серьезной проблемой оставался низкий образовательный уровень советских кадров, особенно на селе. В 1946 г. 80% председателей сельсоветов имели начальное образование, 16% — неполное среднее и лишь 4% — среднее образование⁷⁴. Это не позволяло им компетентно решать все усложняющиеся вопросы местного хозяйства.

Во второй половине 1940–1950-х гг. возросла зависимость советов от министерств и ведомств, которые часто игнорировали просьбы местных советов и запросы депутатов. На Олонецкой районной партийной конференции в 1951 г. много говорилось о порочном стиле работы Министерства сельского хозяйства, которое посылало в исполкомы поток ненужных бумаг, в результате чего отдел сельского хозяйства Олонецкого РИКа занимался составлением ответов на запросы министерства, и по этой причине работники отдела не могли выезжать в колхозы района для оказания им практической помощи. Решения вышестоящих органов доводились до сельских советов с большим опозданием.

Председатель исполкома Пряжинского райсовета Антонов сетовал на то, что за один день он получал 5 телеграмм от всех заместителей председателя Совета Министров. Эти 5 телеграмм необходимо было передать в сельские советы для исполнения. Между тем ни заместители председателя Совета Министров, ни сами министры не бывали в районе, и планы развития сельского хозяйства утверждались без учета требований и нужд районов. Так, Олонецкому району, который по наличию пахотных угодий и колхозного населения был значительно больше Пряжинского, установили план подъема залежей 1000 га, а Пряжинскому – 1200 га. Из необходимых для колхозов Пряжинского района 20 скотных дворов было запланировано лишь 8⁷⁵.

Отношение крестьян к местной власти было критическим. Сельсоветы, за редким исключением, так и не стали для них органами управления, обладающими реальной властью и влияющими на хозяйственный уклад деревни. Из-за отсутствия материальных средств сельсоветы не могли оказать реального воздействия на экономические мероприятия в деревне. Крестьяне рассматривали местную власть прежде всего как административный орган, основной задачей которого было проведение различных кампаний по распоряжению вышестоящих органов власти, как инструмент для сбора налогов.

Руководство сельским хозяйством со стороны Совета Министров также сводилось в основном к принятию многочисленных решений. Только в 1958 г. правительство республики приняло 55 постановлений по вопросам развития сельского хозяйства, однако большинство из них осталось на бумаге⁷⁶.

Бюрократический стиль работы был свойственен и многим советам, и их исполкомам. В выступлении председателя Калевальского райсовета Тойвонена на пленуме ЦК КП(б) КФССР о подготовке и

проведении весеннего сева в районе (июнь 1949 г.) отмечалось, что эти вопросы 4 раза рассматривались на заседании исполкома райсовета, 5 раз — на бюро райкома партии, 2 раза — на объединенном заседании исполкома райсовета и бюро РК КП(б), 1 раз — на сессии райсовета, 2 раза — на районном совещании работников сельского хозяйства с участием председателей исполкомов сельсоветов и правлений колхозов, 29 раз — на заседании исполкомов сельсоветов, 15 раз — на сессиях сельсоветов и 5 раз — на собраниях колхозников и совещаниях сельского актива. Это выступление вызвало смех в зале и справедливую реплику: «Заседаний больше, чем гектаров». Итогом всех этих заседаний явилось то, что сев зерновых в районе, начавшийся 14 мая, был закончен только к 15 июня⁷⁷.

Как показала проверка деятельности исполкомов районных и сельских советов в ноябре-декабре 1945 г., они нередко пытались командовать колхозами, нарушая Устав сельскохозяйственной артели. Так, исполком Ведлозерского районного совета, обсуждая 15 декабря 1945 г. вопрос о выполнении плана лесозаготовок 4-го квартала 1945 г. колхозом имени Кирова Сысоевского сельсовета, решил снять с работы председателя колхоза Васильева за срыв выполнения двухстороннего договора колхоза с леспромпхозом. СНК КФССР отменил это решение и разъяснил председателю исполкома райсовета Шамкоеву, что председатели колхозов избираются и снимаются с работы по решению общего собрания членов колхоза. Исполком Пудожского районного совета при рассмотрении 26 ноября 1945 г. кормового баланса по колхозу «Память Кирова» Семеновского сельсовета обязал колхоз «Прибой» передать излишки сена в количестве 20 т за плату по соглашению колхозу «Красное знамя», а колхоз «Парткоммуна» — за счет излишков кормового баланса выделить за наличный расчет 10 т соломы колхозу «Красное знамя»⁷⁸.

Из-за недостаточного контроля исполкомов райсоветов и их финансовых органов за расходованием средств сельсоветами частыми были случаи хищений бюджетных средств. Так, при проведении в 1948 г. ревизии в 2-х сельских и поселковом советах Куркиёвского района было вскрыто хищение бюджетных средств в сумме 10 415 руб. В Заонежском районе из 11 проверенных сельсоветов в 4-х были обнаружены недостатки государственных средств⁷⁹.

Нередкими были и случаи злоупотребления руководящих партийных и советских работников служебным положением. Совет Министров республики 27 сентября 1947 г. рассмотрел вопрос о возвращении

колхозам Ребольского района коров, незаконно взятых рядом руководящих партийных и советских работников. Однако это постановление не было выполнено⁸⁰.

В осуществлении аграрной политики партии велика была роль органов внутренних дел и госбезопасности, осуществлявших функции контроля и репрессивные функции к невыполнявшим директивы партии. «Деревня той поры была под постоянным контролем уполномоченных из районов, — была ли сенокосная, уборочная или иная кампания. Нередкими гостями были и сотрудники НКВД. Аресты и дознания, хотя и не в таком массовом порядке, как перед войной, но шли своим чередом, — вспоминал В. Лукьянов. — Люди по-прежнему трепетали при виде милиционера на сельской улице. Так, старший лейтенант Серебряков, наш уполномоченный участковый, своими разъездами нагонял страх на взрослых и детей. Особенно грозными эти его наезды были в компании с налоговым инспектором. За неуплату налогов описывали имущество. А что можно было описать в бедной колхозной избе? Люди прятали последний самовар или швейную машинку»⁸¹.

Контрольно-карательные функции по существу выполнял созданный после войны при Правительстве СССР Совет по делам колхозов с представителями на местах, действовавший до 1953 г. Он имел право привлекать к ответственности любого гражданина и организацию за малейшие нарушения Устава сельскохозяйственной артели.

Изменение политического климата в стране в середине 1950-х гг. способствовало отходу от наиболее жестких форм руководства, восстановлению уставных норм партийной жизни, упорядочению деятельности государственного аппарата. В решениях сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС и XX съезда партии (февраль 1956 г.) особое внимание было обращено на усиление партийного влияния на селе. Постановление ЦК КПСС «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата» (январь 1954 г.) предлагало перейти от практики канцелярско-бюрократического руководства к «живым делам»: обеспечению проверки решений партии и правительства, подбору и расстановке кадров с учетом реальных возможностей, сокращению и упорядочению отчетности. Были расширены права местных и отраслевых органов управления, проведены меры по сокращению и упрощению государственного аппарата⁸².

В целях регулирования роста партийных рядов был взят курс на преимущественный прием в партию рабочих и колхозников. За 1953—1955 гг. количество коммунистов в колхозах, МТС и совхозах

увеличилось с 1956 до 2211 человек, а число колхозных партийных организаций почти удвоилось⁸³. На 1 января 1958 г. из 84 председателей колхозов 60 (71,4%) являлись членами КПСС⁸⁴.

После XX съезда КПСС управление окончательно перешло в руки партийных структур с упорядоченными властными институтами. Между всеми учреждениями установилась известная субординация. Партийная вертикаль приводила в действие соответствующие хозяйственные, военные, образовательные, культурные и карательные органы, не позволяя никому из них обособиться⁸⁵. Четкость создавшейся системы обеспечивала монолитность общества и управления.

Несравнимо расширились экономические функции партийных организаций, низовым ячейкам было предоставлено право контроля за деятельностью администрации. Выполнение партийными организациями не свойственных им административных, чисто хозяйственных функций, обозначило тенденцию к технократизации партийного аппарата.

На партийных собраниях коммунисты смело вскрывали ошибки и недостатки в работе партийных организаций, но активность на местах имела четко очерченные границы. И, как правило, итогом собраний являлось единодушное одобрение проектов и решений, предлагаемых от имени бюро партийных организаций.

К началу 1959 г. в сельском хозяйстве республики (колхозах, совхозах, МТС, РТС и подсобных хозяйствах) трудилось около 200 коммунистов, что составляло лишь 8,3% всего состава республиканской партийной организации⁸⁶. В отчетном докладе на Калевальской районной партийной конференции в декабре 1959 г. секретарь райкома Александров признал: «Сельским хозяйством мы занимались мало и непродуманно. Главные наши усилия сосредоточивались на составлении разного рода планов, мероприятий, направленных на подъем колхозов, но о выполнении их никто по-настоящему не заботился»⁸⁷. Подобные недостатки отмечались и в деятельности других райкомов партии. Во многих из них не было специалистов сельского хозяйства. Так, в Сегозерском райкоме партии ни один из секретарей не знал сельскохозяйственного производства, а управление сельского хозяйства в райисполкоме возглавлял бухгалтер.

Во второй половине 1950-х гг. расширились права местных советов в планировании народного хозяйства, в их ведение были переданы предприятия коммунального и бытового обслуживания, торговли,

находившиеся ранее в распоряжении министерств и ведомств. Хотя по сравнению с предыдущим временем советы получили больше прав, самостоятельности у них не прибавилось. В районах республики установилась практика принятия большого количества совместных постановлений бюро РК КПСС и исполкомов райсоветов по хозяйственным и другим вопросам, нередко были нарушения бюджетных прав местных советов вышестоящими организациями. Не обладая реальной властью и не имея собственных средств, советы вынуждены были обращаться за помощью к министерствам и ведомствам.

Таким образом, партийные, советские, комсомольские организации, спецорганы играли важную роль в осуществлении аграрной политики государства. Они должны были беспрекословно проводить решения партии в жизнь. Строгая соподчиненность низших звеньев управления высшим порождала ненужный поток бумаг со всевозможными текущими отчетами, которые отвлекали от практической работы на местах. Самостоятельность низового и среднего звена управления была ограничена известными пределами. Партийные организации нередко подменяли советские органы и руководство колхозов в решении хозяйственных вопросов.

3. Формы и методы осуществления аграрной политики

Проведение в жизнь аграрной политики государства на местах осуществлялось с помощью различных форм и методов. Через государственные народнохозяйственные планы, машинно-тракторные станции, систему заготовок сельскохозяйственной продукции и цен на нее, капиталовложения, кредиты, поставки сельскохозяйственной техники государство определяло общее направление и темпы развития экономики колхозов.

Центральным звеном государственного руководства сельским хозяйством являлось планирование. На протяжении рассматриваемого периода практика планирования показателей колхозного производства неоднократно менялась, оставаясь постоянной в одном: в качестве исходной величины плана всегда бралось общественно необходимое количество продукции земледелия и животноводства без учета реальных возможностей хозяйств. Регулирование пропорций внутриотраслевого развития было до мелочей детальным, что лишало колхозы всякой самостоятельности.

Еще в конце 1930-х гг. были законодательно оформлены основные повинности колхозного крестьянства, установились особые формы

производственно-экономических и внеэкономических отношений, позволявшие государству осуществлять практически полный контроль над деревней. Система эксплуатации крестьянства включала отработочную, натуральную и денежную повинности.

Подробно государственные повинности колхозного крестьянства Карелии рассмотрены в последующих главах работы. В связи с этим лишь кратко охарактеризуем основные механизмы властвования государства в деревне в послевоенный период.

Основное место в системе крестьянских повинностей занимала отработочная повинность, которая выражалась в установлении обязательной нормы выработки трудодней в колхозе, а также в трудовой повинности крестьянства в других отраслях народного хозяйства — лесозаготовках, дорожном строительстве. Законодательно нормы выработки трудодней, составлявшие от 60 до 100 трудодней в год в зависимости от региона страны, были оформлены в мае 1939 г. в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». В нем для Карелии, как и других областей и республик Европейского Севера, был установлен обязательный минимум трудодней в году в размере 60⁸⁸. Колхозники, у которых за год количество трудодней не достигало установленной нормы, считались выбывшими из коллективного хозяйства и лишались права пользования приусадебным участком. Обязательный минимум трудодней, распространявшийся даже на нетрудоспособных членов колхоза, был повышен в 1942 г. в полтора раза, тогда же был установлен норматив для подростков 12–16 лет — членов семей колхозников⁸⁹. В КФССР обязательный минимум трудодней равнялся 100, а для подростков от 12 до 16 лет — не менее 50⁹⁰.

Не менее тяжелыми были для колхозников республики трудовая и гужевая повинности на лесозаготовках. К лесозаготовкам привлекались мужчины в возрасте от 16 до 55 лет, женщины — от 16 до 45 лет. Колхозники выполняли основные работы по рубке и вывозке леса, а также подготовительные работы по постройке жилья, подготовке дорог для вывозки леса и т. п. В начале 1940-х гг. в лесную промышленность Карелии ежегодно привлекалось 4–6 тыс. колхозников. К середине 1950-х гг., по мере пополнения лесозаготовительных предприятий республики постоянными кадрами, произошло сокращение использования сезонного крестьянского труда.

Другим видом государственных повинностей в колхозной деревне являлись натуральные повинности в форме обязательных поставок

государству отдельных, а к концу 1940 г. почти всех основных продуктов, производимых в колхозах и приусадебных хозяйствах (зерно, картофель, мясо, молоко, шерсть, кожевенное сырье, яйца). Их размер постоянно возрастал. До отмены с 1954 г. обязательных поставок зерна, а с 1958 г. — всех остальных видов сельхозпродукции, хозяйства колхозников СССР на душу наличного населения сдавали до 12% зерна, 3–5% картофеля, 15% мяса и сала, около 6% молочных продуктов, 15–17% яиц⁹¹. Причем государственные цены за эти продукты были чисто символическими.

Обязательные поставки продукции колхозами и приусадебными хозяйствами колхозников имели силу закона и подлежали выполнению в строго установленные сроки под угрозой судебной ответственности. Для сбора госпоставок в системе Наркомата заготовок СССР был создан специальный штат уполномоченных, которые устанавливали на местах размеры обязательных поставок государству, вручали обязательства крестьянским хозяйствам и следили за их выполнением. С 1956 г. вся ответственность за проведение обязательных поставок возлагалась на Министерство финансов СССР. Непосредственно на местах организацией госпоставок занималась налоговая инспекция финансового отдела райисполкома⁹².

Колхозы обязаны были выплачивать также натуральную оплату за выполненные машинно-тракторными станциями работы. К концу послевоенной пятилетки половину всего заготавливаемого хлеба государство получало в счет натуральной оплаты за работу МТС⁹³.

Кроме отработочной и натуральной повинностей, колхозное крестьянство обязано было уплачивать несколько видов налогов, главным из которых был сельхозналог. Он неоднократно увеличивался как во время войны, так и в послевоенный период за счет повышения норм доходности, увеличения налоговых ставок и сокращения объема льгот. Денежные изъятия у колхозников производились также через систему государственных займов, носивших по существу обязательный характер.

Чтобы заставить крестьян выполнять государственные повинности, использовались самые различные методы — от идеологических до репрессивных.

Практически единственным средством выполнения начисляемых на хозяйства обязательных поставок сельскохозяйственной продукции государству в районах с трудоемкой сельскохозяйственной продукцией стало массовое принуждение населения к полевым работам.

Помимо обязательных минимумов трудодней, существовали нормы выработки на трудодень. В апреле 1948 г. они были значительно повышены: на пахоте на 12–17%, бороновании – на 12–20%⁹⁴.

Постановлением правительства СССР от 31 мая 1947 г. была сохранена и на последующие годы практика военных лет, установившая повышенный минимум трудодней и судебную ответственность за его невыполнение. В случае невыработки обязательного минимума трудодней применялись различные меры наказания: штрафы, конфискация личных хозяйств, исправительно-трудовые работы в колхозе на срок до 6 месяцев с удержанием из оплаты трудодней до 25% в пользу колхоза, привлечение к уголовной ответственности, ссылка. Народные суды обязаны были рассматривать все дела о невыполнении обязательного минимума трудодней в 10-дневный срок и немедленно приводить приговор в исполнение. Председатели правлений колхозов, бригадиры за невыполнение постановления привлекались к судебной ответственности⁹⁵. Таким образом, спустя 5 лет после окончания войны сельское хозяйство продолжало жить в чрезвычайных условиях военного времени. Уголовная ответственность как мера наказания за невыработку обязательного минимума трудодней сохранялась вплоть до 1954 г. При этом имели место частые факты привлечения к уголовной ответственности людей, находившихся в больнице, не подлежащих мобилизации по трудовой и гужевой повинности в связи с преклонным возрастом и т. п.

В конце 1940-х гг. были усилены репрессивные меры в отношении крестьян, не выполнявших обязательный минимум трудодней. В соответствии с Указом Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни», невыработка минимума трудодней каралась по решению общего собрания колхозников 8 годами ссылки. На основании Указа только с июня 1948 по март 1953 гг. на спецпоселение в целом по стране было выслано более 33 тыс. колхозников, в том числе инвалиды, престарелые и подростки⁹⁶.

На местах были организованы собрания колхозников по выявлению лиц, уклонявшихся от работы в общественном хозяйстве, не выполнявших минимум трудодней. К началу ноября 1948 г., по отчетам Министерства внутренних дел республики, в 17 районах КФССР было проведено 19 колхозных собраний, на которых подвергнуты обсуждению 62 колхозника. 24 из них были осуждены как «тунеядцы,

разлагающие трудовую дисциплину в колхозах», и осуждены к выселению за пределы республики. 38 членам колхозов сделано предупреждение. Сразу после утверждения приговоров людей брали под стражу. В результате многие из них при посадке на поезд оказывались в летней одежде. Вместе с осужденными на высылку родителями ехали дети. Так, в г. Омск были отправлены 19 осужденных и 16 членов семей, из них 12 детей до 16 лет⁹⁷.

Жесткие судебные наказания существовали за уклонение от трудового участия или невыработку колхозниками норм на лесозаготовительных работах. Широко применялись и административные наказания, включавшие штрафы, предупреждения, обсуждение на общих собраниях колхозов, отстранение от работы и т. д. В то же время наряду с репрессивными методами мобилизации на лесозаготовки власть использовала и методы материального стимулирования — равную с постоянными рабочими оплату труда, некоторые льготы по налогам и обязательным поставкам, нормированную продажу сезонникам отдельных промышленных товаров⁹⁸.

Задавленные непосильными налогами колхозы искали выход из положения, самочинно перечисляя часть закрепленных за ними земель в угодья, с которых не начислялись обязательные поставки, предоставляли отдельным колхозникам льготы, освобождая их от обязательных поставок продукции. Подобные нарушения действующих законов жестко пресекались властью.

В 1951 г. подавляющая часть колхозов республики была подвергнута судебному воздействию по искам организаций, предприятий и учреждений за невыполнение различного рода платежей и недоимок. Наибольшее число исков было предъявлено к колхозам со стороны МТС. Многие колхозы были осуждены по 10 и более раз. Чрезмерное использование исков в суд привело к тому, что даже передовые колхозы были привлечены к судебной ответственности⁹⁹.

С целью закрепления крестьянина за землей государство широко использовало юридические рычаги. Принятый еще вторым Всесоюзным съездом колхозников-ударников 17 февраля 1935 г. Примерный Устав сельхозартели не предусматривал свободный выход из колхоза. С 1932 г. в стране действовала дискриминационная в отношении колхозников паспортная система.

В качестве дополнения к системе административных мер широко использовалась массово-политическая пропаганда. Средства массовой информации, агитаторы и пропагандисты активно внедряли в

коллективное сознание представление о необходимости материальных жертв населения для восстановления экономики. Оправдывались жесткая налоговая политика, ограбление людей посредством государственных займов, убытки граждан от денежной реформы.

Важнейшим рычагом проведения аграрной политики являлись подбор, расстановка и обучение председателей колхозов. Часто кандидатуры руководящих кадров «спускались сверху», невзирая на пожелания колхозников. При этом одним из главных критериев отбора кадров на руководящую работу являлось неукоснительное выполнение партийных решений. Председатели колхозов и бригадиры, за редким исключением, не обладали необходимой квалификацией. В 1950 г. лишь 5 из 501 председателей сельскохозяйственных колхозов Карелии имели среднее специальное образование. Все бригадиры растениеводческих и животноводческих бригад, зав. животноводческими фермами (1187 человек) имели лишь начальное образование¹⁰⁰.

В случае невыполнения или отклонения от директив партии и правительства к председателям колхозов принимались различные меры: от обсуждения их деятельности и персональных дел в партийных органах до привлечения к уголовной ответственности.

Только в 1946 г. и за 7 месяцев 1947 г. народными судами республики было осуждено 56 председателей колхозов. В 1948 г. в колхозах сменилось 186 председателей (21,7% их общего числа), в 1949 г. — 277 председателей (30,8%)¹⁰¹. Аналогичным было положение и в целом по стране, что вынудило ЦК ВКП(б) принять в июле 1947 г. постановление, осуждавшее практику частой сменяемости и необоснованного привлечения председателей колхозов к судебной ответственности.

В августе 1947 г. бюро ЦК КП(б) республики приняло постановление «О мероприятиях по ликвидации недопустимых фактов частой сменяемости и необоснованной отдачи под суд председателей колхозов», в соответствии с которым председатели колхозов могли привлекаться к судебной ответственности только с санкции прокурора республики, а их дела рассматривались в Верховном суде республики. Однако вплоть до середины 1950-х гг. положение оставалось прежним.

В 1952 г. Президиум Рыбколхозсоюза направил в прокуратуру республики материалы о привлечении к уголовной ответственности 37 председателей рыболовецких колхозов из 70 имевшихся в республике. В Беломорском районе к уголовной ответственности за различные нарушения Устава сельскохозяйственной артели, порядка обяза-

тельных поставок продукции сельского хозяйства государству были привлечены 10 из 11 председателей рыболовецких колхозов¹⁰².

Освобождение от наиболее жестких форм сталинизма началось после июльского (1953 г.) пленума ЦК партии с восстановления законности и правопорядка (с учетом условности данных терминов для того времени). Были ликвидированы все внесудебные органы, восстановлен в своих правах и усилен прокурорский надзор. Прошедшая ранее мартовская (1953 г.) амнистия прекращала использование всех без исключения приговоров, по которым колхозники приговаривались к исправительно-трудовым работам за невыработку обязательного минимума трудодней¹⁰³. Однако при этом отнюдь не были изжиты факты необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности.

Только в 1955 г. был отменен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1942 г., установивший судебную ответственность за уклонение от мобилизации и самовольный уход мобилизованных с сельскохозяйственных работ. Вместо судебной ответственности были введены меры административного воздействия: штраф, налагаемый административными комиссиями при исполкомах рай- и горсоветов (первый раз — до 100 руб., второй раз — до 300 руб.)¹⁰⁴.

21 октября 1953 г. было введено новое положение о паспортах, которое без особых принципиальных изменений действовало до 1974 г. В соответствии с положением жители сельских местностей (за исключением режимных) оставались без паспортов а «отходникам» на срок действия договора выдавались краткосрочные паспорта¹⁰⁵. Колхозники рассматривали их как формальное разрешение на сезонные работы и стремились, чтобы не связываться с милицией, обзавестись вместо них справками правлений колхозов и сельсоветов. Подобные справки оформлялись и при выезде деревенских жителей в дома отдыха, на совещания и в командировки. При выезде за пределы района на срок более 30 дней требовалось получение паспорта в органах милиции по месту жительства¹⁰⁶.

С февраля 1958 г. началась постепенная паспортизация жителей села. Им по существу было предоставлено юридическое и фактическое право свободного выбора места проживания и работы. Но лишь 28 августа 1974 г. постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию паспортной системы в СССР» приняло решение о введении с 1976 г. паспорта гражданина СССР нового образца, который были обязаны иметь все граждане, достигшие 16 лет.

Таким образом, с помощью различных форм и методов во второй половине 1940-х — 1950-х гг. государство осуществляло практически полный контроль над деревней. Невыполнение государственных повинностей колхозами и колхозниками влекло за собой как административные, так и судебные меры воздействия, позволявшие ограничить их самостоятельность и беспрепятственно извлекать сельскохозяйственную продукцию. Широкое использование средств массовой информации и агитации, кадровая политика в деревне были направлены на неукоснительное выполнение директив партии и правительства.

Содержание аграрной политики послевоенных лет во многом перекликалось с периодом 1930-х гг.: изъятие материальных средств и трудовых ресурсов из деревни для подъема тяжелой индустрии, использование преимущественно административных и репрессивных методов управления экономикой, ограничения приусадебных хозяйств колхозников.

Проведение решений партии в жизнь осуществлялось с помощью партийных, комсомольских, советских организаций, спецорганов. Жесткая зависимость от вышестоящих органов нередко порождала бюрократизм в работе местных организаций, стремление отрапортовать о выполнении партийных резолюций и постановлений, не заботясь о действительном положении дел на местах.

Период второй половины 1940-х — середины 1950-х гг. отличался широким применением внеэкономических методов воздействия на колхозы со стороны государства. Отсутствие материальной заинтересованности крестьян в развитии общественного производства пытались заменить административным нажимом, репрессивными мерами, правовой дискриминацией колхозников. Однако власти вынуждены были постепенно смягчать карательную политику, так как она не вела к укреплению трудовой дисциплины и росту производства. Лишь после сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС были сделаны шаги по использованию экономических стимулов развития производства, ослаблению налогового гнета, повышению заготовительных и закупочных цен, что принесло положительные результаты.

Глава 2

КОЛХОЗЫ КАРЕЛИИ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1945–1953 гг.)

1. Проблема кадров в послевоенной колхозной деревне

30 сентября 1944 г. территория Карело-Финской ССР была окончательно освобождена от оккупации. В течение года в освобожденных районах было организационно оформлено 675 колхозов, 10 совхозов, 19 МТС и вновь создано 5 совхозов. Они организовывались в основном за счет населения, вернувшегося из эвакуации из восточных областей страны. К началу 1946 г. в республике работали 867 сельскохозяйственных и рыболовецких колхозов, что составляло 75% к довоенному уровню¹⁰⁷.

Одной из самых острых проблем послевоенного времени в деревне республики являлась нехватка кадров. Из эвакуации не вернулось около 14 тыс. трудоспособных колхозников. К началу 1945 г. численность колхозного населения сократилась более чем в два раза по сравнению с 1940 г., при этом число женщин превышало число мужчин более чем в 5 раз¹⁰⁸. Г. Н. Куприянов, в то время первый секретарь ЦК Компартии республики, вспоминал, что в ряде районов — Куркиёкском, Сортавальском, Питкярантском, Суоярвском, Пряжинском, Ружозерском — после освобождения не было ни одного человека, в других районах насчитывалось от 5 до 35% довоенного количества населения¹⁰⁹. В основном это были женщины, старики, дети.

В 1945 г. в колхозах республики насчитывалось всего 22,2 тыс. наличного трудоспособного населения (в 1940 г. — 41,9 тыс. без Сортавальского и Суоярвского районов), из них 2,2 тыс. работали в МТС, сельсоветах и других государственных и кооперативных предприятиях и учреждениях. В колхозных работах участвовало 3,5 тыс. пожилых колхозников и 0,6 тыс. подростков в возрасте 12–13 лет¹¹⁰.

В приладожских районах — Сортавальском, Суоярвском, Питкярантском и Куркиёкском, отошедших от Финляндии к СССР

по мирному договору от 12 марта 1940 г., проблема кадров была особенно острой, так как финские власти эвакуировали жителей, а начавшееся переселение из других краев, областей и республик страны было прервано войной¹¹¹. С началом военных действий население приладожских районов было эвакуировано в тыловые области страны, главным образом, в Вологодскую область. Правительство Карелии еще в январе 1945 г. обратилось в ЦК ВКП(б) и СНК СССР с просьбой разрешить вернуть в 1945–1946 гг. 510 семей в приладожские районы Карелии, испытывавшие острую нужду в кадрах. Так, в Суоярвском районе в ноябре 1944 г. насчитывалось 1568 жителей, в то время как в начале 1941 г. — 14 500, в Питкярантском районе — соответственно 819 и 13 тыс. человек¹¹².

С целью скорейшего возвращения эвакуированного населения в пограничные районы (Куркиёкский, Сортавальский, Суоярвский, Питкярантский, Кестеньгский, Ругозерский, Калевальский, Ребольский) правительство СССР установило определенные льготы. С колхозников, возвратившихся из эвакуации в пограничные районы республики (в том числе северные), были списаны все числившиеся за ними недоимки по натуральным поставкам, денежным налогам и страховым платежам, а также отсрочены на 5 лет все виды денежных налогов и страховых платежей и на 3 года — обязательные поставки государству сельхозпродукции. Каждой эвакуированной семье выдавалось единовременное денежное пособие в размере 3 тыс. руб. за счет государства¹¹³.

В 1945–1946 гг. в колхозы приладожских районов переселились или вернулись из эвакуации более 20 тыс. человек¹¹⁴. В полном составе вернулись из Вологодской области колхозы «Новый путь» и «Оборона». Колхоз «Оборона» возвратился в Куркиёкский район в составе 169 человек и привез с собой около 200 голов крупного и мелкого рогатого скота, 17 ц семян зерновых и картофеля для весеннего сева, сельскохозяйственный инвентарь¹¹⁵. В течение 1947 г. в приладожские районы прибыло 3775 человек. К этому времени здесь было создано и работало 133 колхоза, за которыми закреплено 40,6 тыс. га пашни, 26 совхозов (24 тыс. га пашни), 5 МТС. Однако около 25 тыс. га пашни в Приладожье не использовалось. Для освоения пашенных земель требовалась дополнительная рабочая сила — не менее 11 560 семей¹¹⁶.

Реевакуация населения была связана со значительными трудностями, так как руководящие органы других краев, областей и республик не хотели отпускать от себя рабочую силу и особенно кадры специалистов.

Между тем потребность в специалистах сельского хозяйства в республике была удовлетворена лишь на 26%¹¹⁷. 26 октября 1945 г. Совнарком СССР принял постановление «О возвращении в КФССР ранее эвакуированного населения», обязывавшее союзные и союзно-республиканские наркоматы, совнаркомы республик и обл(край)исполкомы беспрепятственно отпускать всех эвакуированных из республики во время войны граждан, желающих вернуться на прежнее место жительства. К этому времени, по данным СНК КФССР, в областях и республиках СССР проживало еще более 170 тыс. эвакуированных жителей Карелии, а вернулось в республику около 127 тыс. человек¹¹⁸. Организованный прием возвращавшихся в республику из эвакуации людей в основном завершился к началу 1948 г.

Вернувшимся из эвакуации колхозникам была оказана значительная помощь. За время после освобождения республики от оккупации (30 сентября 1944 г.) до начала 1947 г. колхозам было выделено 5410 голов крупного рогатого скота, 3660 лошадей, 1810 овец, более 2 тыс. т семенной ссуды и долгосрочная денежная ссуда в сумме 10 млн рублей¹¹⁹.

Однако, несмотря на то, что после окончания войны в колхозы Карелии вернулось 16,3 тыс. семей колхозников, к концу пятилетки (1950 г.) в пределах территории бывшей КАССР трудоспособное население колхозов составило всего 47% к довоенному¹²⁰.

Другим путем пополнения кадров республики в первые послевоенные годы являлась демобилизация из Советской Армии, завершившаяся в 1948 г. В конце марта 1947 г. в республике насчитывалось 13 382 демобилизованных рядовых и сержантов, из них работали в колхозах 2605 человек (19,5%)¹²¹. Однако многие из бывших воинов покинули деревню. «К сожалению, никто из демобилизованных из армии в деревне (Демехово, Вырозерского сельсовета Заонежского района) не остался, — вспоминал В. Лукьянов. — И это, наряду с другими причинами, послужило распадом колхоза. Паспортов колхозникам не выдавали, и потому желающих работать на земле оставалось все меньше и меньше. Единственным документом сельского жителя была Трудовая книжка колхозника. В ней проставлялись трудовни за весь год. В деревне оставались лишь те, кому некуда было ехать»¹²².

Несмотря на острую нехватку рабочих рук в деревне, проводились постоянные мобилизации колхозного населения на всевозможные работы. Так, постановлением Совета Министров СССР от 31 декабря 1950 г. и распоряжениями правительства предусматривалось в 1951 г. привлечь из колхозов в порядке организованного

набора и для постоянной работы в промышленности, строительстве и на транспорте 400 человек; для работы в сезонных отраслях в весенне-летний период — 1900 человек, в том числе на лесосплав — 1600; для работы в осенне-зимний период — 4320 человек; по призыву молодежи в школы ФЗО и ремесленные училища — 850 человек; для республиканских организаций по вербовке — 800 человек — всего свыше 7 тыс. человек, что составляло почти 25% населения колхозов КФССР в трудоспособном возрасте¹²³.

Между тем в республике в 1951 г. оставались невосстановленными 167 колхозов с площадью пашни 10,7 тыс. га. В это время в Карелии имелось 470 колхозов, в том числе 389 сельскохозяйственных и 81 рыболовецкий. В них насчитывалось 20,9 тыс. семей колхозников (59,2 тыс. человек), в том числе в рыболовецких колхозах — 3 тыс. семей (9,2 тыс. человек)¹²⁴.

Для обеспечения сельского хозяйства кадрами проводилась работа по переселению в республику жителей других областей страны. Однако, как и в промышленности, она не дала ожидаемых результатов. Пятилетним планом восстановления и развития сельского хозяйства республики на 1946—1950 гг. предусматривалось переселить в колхозы до 15 тыс. семей, однако приехало в Карелию лишь 2 тыс., а осталось 1,6 тыс. семей¹²⁵.

Неудовлетворительно обстояло дело с подготовкой жилья для приема переселенцев. Так, весной 1951 г. 485 семей, прибывших в колхозы республики, не имели своих домов, 514 семей не имели скота. В Питкярантском районе не было подготовлено ни одного дома к приему 100 семей переселенцев. Многие семьи переселенцев в Сортавальском и Суоярвском районах проживали в непригодных помещениях¹²⁶.

В силу экономической слабости карельских колхозов, бытовой нестроенности, ограниченных возможностей для ведения приусадебного хозяйства многие переселенцы выезжали на прежнее место жительства или переходили на работу в лесную промышленность. К началу 1947 г. из колхозов Сортавальского района выбыло 345 семей, получивших единовременное пособие в сумме более 1 млн руб. и по 800 руб. для хозяйственного обзаведения на каждую семью. В 1950 г. из Куркиёкского района выбыло 98 из 354 семей переселенцев, из Сортавальского района — 121 из 615 семей. В 1949—1952 гг. в Олонецкий район прибыла 491 семья, за это же время 436 семей колхозников-переселенцев выехали из района обратно¹²⁷.

Нередко среди переселенцев были люди, не имевшие представления о сельскохозяйственном производстве. Из прибывших в Сортавальский район переселенцев 35% не имели опыта работы в сельском хозяйстве¹²⁸. В целом за 1949–1953 гг. в колхозах республики закрепилось только 3,5 тыс. человек трудоспособного возраста, т. е. немногим более 1/3 переселившихся. Между тем в 1950–1953 гг. на эти цели было израсходовано около 10 млн руб.¹²⁹

Такое положение вынудило правительство страны принять новые меры по обеспечению сельского хозяйства республики кадрами. Постановление Совета Министров СССР от 19 февраля 1953 г. и распоряжение от 25 марта 1954 г. предусматривали ряд льгот для переселившихся в Карело-Финскую ССР колхозников из других регионов страны, а также для семей рабочих и служащих республики, переехавших в 1953–1954 гг. на постоянную работу в колхозы республики. Они освобождались от обязательных поставок государству всех сельхозпродуктов (кроме молока) сроком на 3 года со времени вступления этих семей в колхозы; могли получить продовольственную ссуду в размере 1,5 ц зерна или муки (по соответствующему эквиваленту) на главу семьи и 0,5 ц на каждого члена семьи с погашением ее натурой в течение 3 лет со дня выдачи; им передавались по оценочной стоимости имевшиеся у сельсоветов свободные дома с надворными постройками и свободные дома в колхозах с оплатой стоимости в течение 8 лет; предоставлялись кредиты Сельхозбанка на строительство домов с надворными постройками в размере до 10 тыс. руб. на семью, с погашением полученного кредита в течение 10 лет, начиная с третьего года после получения кредита, на ремонт домов и построек — в размере до 3 тыс. руб. на семью, с погашением кредита в течение 3 лет, начиная с третьего года после получения кредита, и на приобретение крупного рогатого скота — в размере до 2 тыс. руб. на семью с погашением кредита в течение 3 лет, начиная с третьего года после получения кредита¹³⁰.

Однако постановление Совета Министров СССР не учитывало реальных возможностей колхозов республики по приему переселенцев. Так, в четыре колхоза Прионежского района по плану предусматривалось переселить 100 семей, для которых требовалось построить 100 домов. Между тем в колхозе им. Ленина не было плотника, и второй год строился телятник, где трудились 4 колхозника¹³¹. Подобная ситуация была и в других колхозах республики. В то же время пятилетним планом КФССР на 1951–1955 гг. намечалось переселить в колхозы 7 тыс. человек и в совхозы — 1400 человек¹³².

Тяжелое материальное положение колхозов, отсутствие необходимого жилья и минимальных бытовых удобств привели к тому, что из числа переселившихся в Карелию в 1951–1955 гг. 4752 семей выбыло из колхозов 2963 семьи¹³³. Часть из них перешла на работу в промышленность, на лесозаготовки.

Число колхозных дворов в республике сокращалось. Так, в Ружозерском районе за 1950–1954 гг. количество колхозных дворов уменьшилось на 53, а трудоспособных колхозников – на 118 человек, или на 21,6%¹³⁴. Многие колхозы имели только до 30 трудоспособных работников, а в 74 колхозах – от 4 до 20 человек (в колхозе «Заря» Петровского района – 4 человека, колхозе «Красный курган» Прионежского района – 6, колхозе им. Калинина Медвежьегогорского района – 7, колхозе «Красный сев» Пудожского района – 9 человек)¹³⁵.

Следствием такого положения явилось привлечение во всевозрастающих размерах рабочих, служащих, студентов, учащихся для выполнения сельскохозяйственных работ. В соответствии с установленным Советом Министров СССР порядком (постановление от 20 июня 1950 г.) колхозы обязаны были впредь до окончательного расчета с населением, привлеченным на сельхозработы, выдавать аванс на каждый выработанный трудодень в размере 1 кг зерна с заменой по договоренности 5 кг картофеля или другими продуктами. В совхозах, помимо денежной оплаты, производилась натуральная оплата в размере до 1,5 кг зерна за выполнение установленной дневной нормы выработки. За привлеченными на сельскохозяйственные работы рабочими и служащими сохранялась заработная плата по месту их работы в размере 50% среднемесячного заработка за последние 3 месяца. Позднее распоряжением Совета Министров СССР от 19 июня 1953 г. было предусмотрено сохранение 100% заработной платы за рабочими и служащими, привлеченными на сельскохозяйственные работы¹³⁶.

В начале 1950-х гг. ежегодно в сельском хозяйстве республики работало не менее 10–12 тыс. человек по 3–4 месяца. Только в 1953 г. предприятия и организации затратили на содержание рабочих, занятых в колхозах, более 12 млн руб.¹³⁷

Требовала своего решения и проблема обеспечения хозяйств квалифицированными рабочими и специалистами. Низкий уровень механизации сельского хозяйства обусловил увеличение удельного веса работников, занятых различными видами неквалифицированного труда: в 1949 г. они составили 77% против 74,7% работавших в 1939 г.¹³⁸ В 1945 г. почти 27% должностей, требующих

специалистов со средним специальным и высшим образованием, занимали практики¹³⁹. Частой была сменяемость кадров председателей колхозов. В 1946 г. из 898 председателей сменилось 454¹⁴⁰.

В послевоенный период была проведена работа по расширению существовавших до войны и организации новых учебных заведений, обеспечивавших подготовку и переподготовку сельскохозяйственных кадров всех специальностей средней и массовой квалификации. С 1945 по 1948 гг. сельскохозяйственный техникум, школа механизации, одногодичная сельскохозяйственная и межрайонные колхозные школы подготовили 3417 специалистов и квалифицированных рабочих, в том числе: 114 агрономов, 257 зооветспециалистов, 1045 трактористов и шоферов, 89 бригадиров тракторных бригад и механиков, 155 электромонтеров и электромехаников, 80 счетоводов колхозов, 807 бригадиров полеводства, овощеводства и животноводства¹⁴¹.

По постановлению февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период» значительное количество агрономов было направлено из учреждений, ведомств и учебных заведений в МТС, районные отделы сельского хозяйства и колхозы для оказания агрономической помощи¹⁴². Заработная плата им устанавливалась на 25% выше, чем работникам соответствующих категорий, занятых в управленческом аппарате. В республику прибывали также специалисты из других регионов страны. В результате уже весной 1949 г. в системе Министерства сельского хозяйства работало 1234 специалиста, или в два с лишним раза больше, чем в 1940 г., из них с высшим образованием — 195 человек (15,8%), со средним — 651 (52,7%); 388 человек (31,5%) имели курсовую подготовку¹⁴³.

С целью повышения уровня квалификации колхозников широко использовалась агрозоветучеба.

Только с 1944 по 1953 гг. в кружках зоветучебы и на 10-дневных семинарах в колхозах прошли обучение более 33,8 тыс. колхозников, или каждый 5–6-й неквалифицированный работник физического труда. Подготовка кадров средней квалификации проводилась в незначительных размерах на трехмесячных курсах при районных земельных отделах, пятимесячных курсах при межрайонных колхозных школах и частично одногодичной сельскохозяйственной школе. В среднем за год здесь обучалось 75–80 человек¹⁴⁴. Переподготовку высококвалифицированных кадров осуществляли также МТС.

В 1947 г. на базе Петрозаводского совхоза № 2 была открыта школа по подготовке руководящих кадров колхозов с двухгодичным сроком обучения и постоянно действовавшими при ней шестимесячными курсами по переподготовке председателей колхозов. В 1945—1948 гг. на курсах при школе было обучено 48 председателей колхозов. Однако работа школы не принесла ощутимых результатов: в 1952 г. лишь 9% председателей колхозов республики являлись специалистами сельского хозяйства¹⁴⁵. Теоретический курс в школе велся в отрыве от практики, отсутствовали учебники и литература по ряду дисциплин, плохо была организована учебная практика. Школа просуществовала 8 лет, и в 1955 г., когда началось объединение мелких колхозов, их преобразование в совхозы, была закрыта в связи с неукомплектованностью учащимися¹⁴⁶.

Таким образом, в начале 1950-х гг. проблема кадрового обеспечения колхозов была далека от своего решения. В деревне остро ощущался недостаток специалистов. Принятые меры по эвакуации населения и переселению в колхозы семей из других регионов страны не смогли улучшить положение в сельском хозяйстве. Недостаток рабочих рук восполнялся интенсификацией труда в колхозах и приусадебных хозяйствах колхозников, достигаемой путем применения административных и репрессивных мер против крестьянства.

2. Трудности восстановления сельского хозяйства. Материально-техническая база колхозов и сельскохозяйственное производство

После окончания Великой Отечественной войны исходный социально-экономический уровень развития колхозной деревни Карелии был крайне низким. За годы войны республика понесла потери от уничтожения посевов в сумме 116,3 млн руб., скота и птицы — 112,9 млн руб., построек и сооружений — 62,3 млн руб. В оккупированных районах не обрабатывалась примерно половина пашни, практически полностью была выведена из строя мелиоративная система, почти 42% посевных площадей требовали капитального переустройства. В конце 1945 г. в Карелии работали 24 МТС с парком тракторов в количестве 256 вместо 32 МТС (610 тракторов), имевшихся до войны¹⁴⁷. На 100 колхозов приходилось 8—9 молотилок, 5—6 сеялок. Электроэнергией были обеспечены лишь 10 из 867 колхозов и 1 МТС¹⁴⁸.

Огромные потери, которые понесло сельское хозяйство за годы войны, усугублялись продолжавшимся неэквивалентным обменом

между городом и деревней, жесткой налоговой политикой, обязанностью колхозов по поставке рабочей силы на лесозаготовки и т. д.

Повсеместно началось восстановление колхозов и совхозов. В районах, освобожденных от оккупации, их приходилось создавать заново. К маю 1945 г. в республике была восстановлена деятельность 519 колхозов из 1142 колхозов (включая рыболовецкие), имевшихся до войны. Большинство колхозов республики восстанавливались при наличии 5–7 хозяйств с расчетом пополнения в последующем за счет возвращавшегося из эвакуации населения. В действительности этого не произошло. Между тем за восстановленными колхозами закреплялись все числившиеся за ними до войны земельные угодья и устанавливались соответственные планы, с которыми хозяйства не могли справиться. Совхозы же являлись небольшими хозяйствами и не играли значительной роли в сельскохозяйственном производстве. На их долю в 1945 г. приходилось лишь 8,9 тыс. га из 57,4 тыс. га всей посевной площади республики¹⁴⁹.

Сельское хозяйство занимало незначительный удельный вес в экономике республики. Характерной особенностью сельскохозяйственных угодий края являлась их разбросанность и мелкоконтурность. Многие пахотные и сенокосные участки были мелкими, от 0,2 до 1–2 га, отдаленными друг от друга лесами. Значительная часть сенокосных и пахотных угодий заросла лесом и требовала осушения.

Сельскохозяйственное производство республики неравномерно размещалось по зонам, сосредоточиваясь в основном в южных и юго-западных районах с более благоприятным климатом. Основной его отраслью являлось животноводство, благоприятные условия для развития которого обуславливались наличием значительных площадей — пастбищных и сенокосных угодий. Полеводство в значительной степени служило производству кормовых культур.

Основные направления послевоенного развития аграрного сектора экономики республики были определены в постановлении СНК СССР от 1 сентября 1944 г. «О мерах неотложной помощи по восстановлению сельского хозяйства Карело-Финской ССР». В постановлении предполагалось, что колхозы, ряд совхозов и МТС начнут свою деятельность уже в 1944 г., намечалось возвратить эвакуированный скот, направить в республику сельскохозяйственную технику. На эти цели были выделены значительные средства. Для работы в сельском хозяйстве республики направлялись агрономы, зоотехники, мелиораторы, ветврачи, техники-строители¹⁵⁰.

Правительство СССР оказало республике значительную финансовую и материальную помощь. Карело-финская контора сельскохозяйственного банка СССР открыла для колхозов освобожденных районов долгосрочный кредит на сумму 6 млн руб., из них 4,5 млн руб. отпускались на восстановление колхозного животноводства. Колхозы Карелии в 1945–1947 гг. получили ссуду зерновых культур в размере 4094 т, 5410 голов крупного рогатого скота, 3662 лошадей, 1810 овец, технику. Весной 1945 г. на склады Сельхозснаба республики поступили 1000 конных плугов, 75 молотилок, 70 сортировок, 20 жнеек, выпущенных отечественными заводами¹⁵¹.

Трудящиеся Украины в первую послевоенную весну направили колхозам республики эшелон посевного картофеля. Из Вологодской области было отгружено 400 т семян ржи для посева. Брянский облпотребсоюз подготовил для Карелии 2 тыс. т картофеля, Горьковский автомобильный завод послал 25 автомашин. Реэвакуированному населению было выплачено единовременное пособие в сумме почти 50 млн руб. В 1946 г. колхозы и колхозники получили долгосрочный кредит на хозяйственное обзаведение в сумме 1256 тыс. руб.¹⁵²

Несмотря на огромный ущерб, причиненный войной аграрному сектору экономики Карелии, пятилетним планом на 1946–1950 гг. были поставлены задачи не только восстановить довоенные размеры посевных площадей и поголовье скота, но и превзойти довоенный объем производства на 70%. В то же время объем централизованных капитальных работ по линии республиканских министерств земледелия и животноводства определялся лишь в сумме 17 млн руб., т. е. в 14 раз меньше, чем по республиканской и местной промышленности¹⁵³.

Задачи пятилетки предусматривали увеличение посевных площадей по всем категориям хозяйств по сравнению с 1940 г. на 22% (до 134,3 тыс. га), в том числе в колхозах — до 110 тыс. га против 48,4 тыс. га в 1940 г., достижение урожайности по зерновым — до 12 ц с га, по картофелю — 125 ц с га, по овощам — 130 ц с га¹⁵⁴. В течение двух лет все колхозы должны были перейти на сплошные сортовые посевы зерновых культур и картофеля. Намечалось довести количество крупного рогатого скота до 101 тыс. голов против 82 тыс. в 1940 г., из них в колхозах — 52 тыс. против 41,5 тыс., овец и коз — до 78 тыс. против 77 тыс., в том числе в колхозах — 30 тыс. против 14 тыс. и т. д. К концу пятилетки предполагалось достигнуть удоев молока от коровы в колхозах 1400 л, в совхозах — 2 тыс. л. В каждом колхозе в течение ближайших трех лет предусматривалось создание не менее 2-х животноводческих ферм:

одной — крупного рогатого скота, другой — свиноводческой или овцеводческой. Во всех колхозах и совхозах, имевших зерновые посевы, намечалось также создание птицеводческих ферм. Были поставлены задачи восстановления и организации вновь звероводческих ферм¹⁵⁵.

Для восстановления разрушенных производственных построек и жилого фонда предусматривалась программа капитального строительства с общим объемом работ за счет средств колхозов и колхозников в 80 млн руб. Для обеспечения плана колхозного и жилищного строительства по линии колхозов должны были выделяться бригады специалистов-строителей.

Столь напряженные задания для разоренной войной деревни, потерявшей больше половины аграрного трудоспособного населения, свидетельствовали о том, что она по-прежнему рассматривалась как источник материальных и трудовых ресурсов для подъема индустрии.

В послевоенные годы вновь увеличилось число показателей сельскохозяйственного производства, определяемых государственными органами. Плановые задания колхозам состояли из 200—250 показателей¹⁵⁶. В планах определялись размеры посевов и урожайность по всем культурам, поголовье и продуктивность скота. В целях соблюдения колхозной демократии планы выносились на утверждение колхозных собраний.

Государственная помощь колхозам, так же как в 1930-е гг., выражалась, главным образом, в поставках техники. Техника оставалась собственностью государства, она передавалась для использования в колхозах через посредничество машинно-тракторных станций (МТС). Однако к концу послевоенной пятилетки МТС и колхозы располагали еще меньшим, чем до войны, количеством сельскохозяйственных машин. С их помощью выполнялись лишь операции по вспашке полей, севу и уборке зерновых. Все остальное делалось вручную.

Экономически слабые колхозы не имели возможности пользоваться услугами МТС. В конце 1940-х гг. лишь 495 колхозов (55% их общего числа) имели договоры с МТС¹⁵⁷. К тому же осуществление механизации производственных процессов в республике осложнялось каменистостью и разбросанностью земельных участков, густой сетью открытых мелиоративных канав, отсутствием необходимой техники, приспособленной к работе в условиях Севера.

Обработка характерных для Карелии каменистых почв требовала навесных орудий, однако вместо них в республику поставлялись тяжелые

новороссийские плуги. Ввиду этого многие колхозы вынуждены были обрабатывать землю сохами. Не хватало простейших механизмов для обработки почвы, тракторов. В Кестеньгском районе, например, в 1950 г. на 1 колхоз приходилось 1,5 сельскохозяйственные машины¹⁵⁸.

Трудноразрешимой проблемой являлась электрификация колхозов. Если к началу 1948 г. были электрифицированы 10 из 18 совхозов республики, то лишь 4% колхозов республики использовали электроэнергию в сельскохозяйственном производстве¹⁵⁹. Эта цифра была в два с лишним раза ниже, чем в целом по стране, где в послевоенные годы только 9% электрифицированных колхозов применяли электроэнергию в производственных целях, что объяснялось как малой мощностью сельских электростанций, нехваткой и небольшой мощностью электромоторов, полукустарным оборудованием, так и высокой ценой получаемой электроэнергии¹⁶⁰.

В колхозах республики получило распространение строительство маломощных электростанций, которое не оправдало себя, так как велось без учета экономики колхозов, по недоброкачественным проектам, без достаточных топографических и геологических изысканий и должного технического руководства. Электростанции сдавались в эксплуатацию с большими недоделками и низким качеством строительных работ, большинство их вышло из строя, в результате чего колхозы понесли большие убытки. К началу 1950 г. в республике пользовались электроэнергией 57% совхозов, 50% МТС и лишь 7% колхозов. При этом основная часть электроэнергии расходовалась колхозами на освещение и лишь 28,5% — на производственные цели¹⁶¹.

В 1952 г. правительством республики были признаны бросовыми затраты по строительству и проектированию колхозных электростанций в республике в сумме 822, 2 тыс. руб., из них 334,7 тыс. руб. было выплачено колхозам из республиканского бюджета в виде компенсации¹⁶². Только за 1950—1953 гг. на строительство сельских электростанций в республике было затрачено 2789,1 тыс. руб., а в результате введена в эксплуатацию лишь одна — Ладвинская ГЭС, мощностью 45 кВт против 80 кВт по плану. Проектная контора Министерства сельского хозяйства КФССР в 1952—1954 гг. произвела на объектах сельской электрификации работы на общую сумму 688 тыс. руб., в том числе 51,5 тыс. руб. были оплачены колхозами. Однако работы на сумму 218 тыс. руб. оказались бросовыми, а затраты на сумму 154 тыс. руб. не были реализованы¹⁶³.

Одной из важнейших черт восстановительного периода в сельском хозяйстве Карелии стало намеченное пятилетним планом сохранение

многоотраслевой структуры производства, что в условиях острой нехватки рабочей силы и техники значительно усложняло развитие сельского хозяйства.

С первых дней после окончания войны в республику стал завозиться трофейный племенной скот, а также скот, эвакуированный в годы войны в Архангельскую, Вологодскую и Ленинградскую области. При распределении поступившего скота в колхозах выявился, на первый взгляд, казалось бы, парадоксальный факт: хозяйства всячески уклонялись от закупки племенного скота. В первую очередь, это объяснялось тяжелым положением колхозов, отсутствием необходимых помещений для содержания скота, недостатком рабочих рук и нехваткой кормов. В августе 1945 г. потребности скота в концентрированных кормах за счет местного производства в республике удовлетворялись лишь на 10–15%.

В результате осенью 1946 г. в колхозах Петровского района пало 44% трофейного племенного крупного рогатого скота и 52% лошадей, в колхозах Кондопожского района – 36% крупного рогатого скота и 40% лошадей, в Пряжинском районе – 49% лошадей. В ряде колхозов было полностью ликвидировано поголовье свиней. В следующем году от падежа было потеряно 1578 голов крупного рогатого скота, 1181 лошадь, 1752 овцы, 427 свиней¹⁶⁴.

Восстановление колхозных товарных ферм попытались осуществить также за счет скота, находившегося в личном пользовании колхозников. Постановлением Совета Министров КФССР от 19 сентября 1945 г. предписывалось сохранить в личном пользовании колхозников по 1 корове с приплодом 1944 г., а остальной крупный рогатый скот обобществить для восстановления поголовья скота в колхозах.

В этой акции явственно просматривались отголоски принудительной коллективизации 1930-х гг. Однако поскольку к началу 1946 г. в республике 54,8% колхозных дворов не имели коров, одну корову имели 44,8%, а 2 коровы – только 0,4% дворов¹⁶⁵, то возможности для использования испытанных методов 1920–1930-х гг. оказались весьма ограниченными. Результатом этого явилась переориентация местных властей на всемерное содействие развитию индивидуального животноводства и птицеводства среди колхозников, рабочих и служащих. К 1949 г. уменьшилось число бескоровных хозяйств колхозников (43,8%); одну корову имели 55,5% хозяйств, 2 коровы – 0,7%¹⁶⁶.

К 1949 г. все колхозы имели фермы крупного рогатого скота, 79,3% колхозов – овцеводческие и 58% – свиноводческие фермы¹⁶⁷.

По сравнению с 1944 г. поголовье крупного рогатого скота в колхозах в 1949 г. выросло в 2,8 раза, свиней — в 11,7 раза, лошадей — в 1,7 раза, но к уровню 1940 г. оно составляло соответственно 69, 45,5 и 40,4%¹⁶⁸. Низкой оставалась породность крупного рогатого скота, составлявшая 38,5% к общему поголовью, а в ряде районов — значительно ниже: Олонецком — 21,3%, Пудожском — 5,5%, Ведлозерском — 4,4%¹⁶⁹.

Таким образом, в восстановлении животноводства наметились определенные успехи, однако не успели они закрепиться, как руководством страны была выдвинута сверхпрограмма, рассчитанная на 3 года (1949—1951) и призванная резко поднять поголовье скота и производство мясомолочных продуктов. Осуществлявшаяся по типичной логике и формуле «большого скачка», программа развития животноводства, несмотря на помощь правительства СССР, не была выполнена в республике ни по одному показателю. Удой молока на одну фуражную корову в 1951 г. составил всего 828 л против 2000 л по плану, причем по сравнению с 1949 г. он снизился на 225 л. Хотя в колхозах в 1949—1951 гг. было достигнуто увеличение поголовья крупного рогатого скота в 1,6 раза, овец — в 2,1 раза, свиней — в 2,4 раза, птицы — в 4,5 раза, производство кормов осталось на уровне 1948 г.

В результате в 1952 г. в условиях бескормицы и недостатка приспособленных помещений начался падеж и массовый забой скота в колхозах: было потеряно 7605 голов крупного рогатого скота (14,4% всего стада), 4267 свиней (14%), 12205 овец (28,4%), а в 1953 г. — соответственно: 3242 (8,2%), 3241 (9,5%), 8733 (23,3%)¹⁷⁰. Колхозы республики понесли большие убытки, так как вынуждены были сдавать государству последний скот. В 1950—1952 гг. поголовье крупного рогатого скота в колхозах сократилось с 38 до 30 тыс.¹⁷¹

Столь же противоречивые процессы наблюдались в развитии растениеводства. За 1945—1950 гг. посевная площадь в колхозах республики увеличилась на 6,7 тыс. га и составила 90% к довоенному уровню¹⁷². Однако восстановление земледелия происходило неравномерно по районам республики, существенно отставая в северо-западных районах. Так, в Кестеньгском районе к концу 1950 г. не использовалось более 80% пашни, закрепленной за колхозами района, 50% сенокосов; колхозы не обеспечивали потребности населения рабочих поселков и лесной промышленности даже картофеле и овощах. В значительной степени это объяснялось острой нехваткой рабочих рук. В течение послевоенных лет в колхозы района возвратилось только 222 семьи против 700 имевшихся в 1940 г.¹⁷³

Несмотря на неблагоприятные климатические условия для ведения сельского хозяйства, в республике не проводилась работа по разведению морозоустойчивых сортов культур. В 1950 г. сортовые посевы зерновых в республике составили 61%, а картофеля — лишь 14% к общей площади посева этих культур. К этому добавлялось повсеместное нарушение агротехники, недооценка внесения удобрений и известкования почв, запущенность семеноводства. В 1945—1950 гг. в 689 колхозах из 904 были введены севообороты, но освоены только в 85 колхозах (12% от общего числа)¹⁷⁴. В результате низкой оставалась урожайность основных сельскохозяйственных культур. В колхозах КФССР урожайность зерновых снизилась по сравнению с 1940 г. с 8,3 до 4,8 ц, картофеля — с 87 до 25,1 ц¹⁷⁵. Ввоз картофеля и овощей в республику в 1950 г. по сравнению с довоенным периодом возрос в 5 раз.

Около 4 тыс. индивидуальных хозяйств, преимущественно в Куркиёском, Питкярантском, Сортавальском районах и г. Петрозаводске, успешно занимались садоводством. За 1945—1952 гг. количество плодовых деревьев в Карелии увеличилось почти в 2 раза и составило 25,4 тыс., расширились площади под кустами смородины и крыжовника, ягодами малины и земляники¹⁷⁶.

Одним из источников доходов колхозов, помимо продукции растениеводства и животноводства, являлась деятельность подсобных предприятий. В 1948 г. при сельскохозяйственных колхозах республики насчитывалось 102 мельницы, 176 кузниц, 13 электростанций, одно валяльно-войлочное и одно веревочное производство, 2 предприятия, занимавшихся лесозаготовками. Однако часть из них бездействовала (40 мельниц, 27 кузниц, 6 электростанций). Подсобные предприятия колхозов в течение года произвели 118 телег и повозок, 577 саней, заготовили 208 куб. м деловой древесины, 6109 куб. м дров, выработали 120 куб. м пиломатериалов, добыли 27 532 ц торфа, перемололи в муку более 13 тыс. ц зерна, выработали 6,5 ц хозяйственной веревки¹⁷⁷. Продукция подсобных предприятий и промыслов использовалась на внутренние нужды колхозов, часть ее шла на продажу.

Таким образом, восстановление растениеводства и животноводства в колхозах республики проходило с огромными трудностями. На селе остро не хватало техники, семенного материала, помещений для скота. Заведомо невыполнимые плановые задания и кампании по ускоренному росту сельскохозяйственного производства, крупные ошибки при строительстве колхозных электростанций подрывали и без того слабую производственную базу колхозов.

3. Налоговая политика государства и положение колхозов

Экономическое развитие колхозов было поставлено в жесткие рамки натурального продуктообмена, носившего налоговый характер. У колхозов изымалась подавляющая часть продукции через различные каналы: обязательные заготовки, натуральные платежи МТС и др. Доля налогов, страховых платежей и сборов в общей сумме расходов и отчислений колхозов на протяжении второй половины 1940-х гг. постоянно возрастала: если в 1945 г. она составила по сельскохозяйственным колхозам республики 8,5% этой суммы, то в 1950 г. достигла своего максимума — 20%¹⁷⁸.

После войны изменился порядок обязательных поставок продукции государству. Февральский (1947 г.) пленум ЦК ВКП(б) признал необходимым вместо единой нормы обязательных поставок зерна государству для всех колхозов одного административного района применить несколько норм в районе по группам колхозов, с учетом степени освоения закрепленной за ними земли. Одновременно были установлены дифференцированные ставки натуроплаты за работу МТС. Если ранее колхоз оплачивал работу МТС независимо от сроков проведения полевых работ и полученного урожая, то теперь натуроплата взималась с учетом урожайности и сроков проведения работ¹⁷⁹.

Обязательные поставки и натуроплата за работу МТС в послевоенные годы преобладали в хлебном балансе страны. За счет этих форм поставок заготавливалась основная доля продукции (в 1946–1947 гг. — от 32 до 42%). Кроме того, по обязательным поставкам заготавливалось 20–25% зерна. Постепенно поставки зерна государству увеличивались: колхозы сдавали в среднем около ½ своего урожая¹⁸⁰.

Вплоть до 1958 г. обязательные поставки производились по символическим ценам, не превышавшим 10% стоимости продукта¹⁸¹. Для сравнения можно привести такие цифры: в 1952 г. заготовительная цена 1 ц ржи равнялась по стоимости всего лишь 1,5 м ситца, или 900 г сахара, или 500 г растительного масла¹⁸². Такие цены не обеспечивали не только расширенное, но и простое воспроизводство в колхозах и совхозах.

Журналист В. Лукьянов вспоминает: «(Деревня) Демехово входила в колхоз имени Анохина. На его полях выращивали рожь, ячмень, овес, картофель; из овощей — репу, брюкву, капусту, огурцы в открытом грунте. В Заонежье в ту пору росло все. Но обязательные госпоставки даже при хороших урожаях делали колхозы, как и самих колхозников,

нищими. И люди любыми средствами старались избавиться от колхозного ярма...»¹⁸³.

Оплата труда колхозников не зависела напрямую от результатов, достигнутых общественным хозяйством. Более того, как показала послевоенная практика, передовые колхозы после выполнения государственных планов получали повышенные дополнительные задания, что вело к обнищанию этих хозяйств. Так, в ответе Президиума Верховного Совета КФССР на запрос председателя Водлинского сельсовета Пудожского района о дополнительных заданиях колхозам района говорилось: «На ваш запрос „Все ли колхозы привлекаются к обязательной уплате дополнительного зерна государству?“ сообщаем, что на основании п. 4 постановления Совета Министров КФССР от 9 октября 1946 г. в целях выполнения по району плана хлебозаготовок к врученным обязательным счетам по натуроплате и возврату семенных ссуд разрешено исполкомам райсоветов увеличить колхозам, имеющим возможность сдавать зерно сверх плана, обязательные поставки зерна государству в пределах до 75% от размеров обязательных поставок, исчисленных по действующим нормам в районе. Следовательно, если исполком райсовета привлек к обязательным поставкам дополнительного зерна не все колхозы района, а только часть из них, то это не может служить основанием для суждения о неправильных действиях исполкома. По Пудожскому райсовету из 95 колхозов к обязательным дополнительным поставкам привлечено 51. Получается так, что тем хозяйствам, которые могут уплатить, невзирая на доходность, вручаются дополнительные задания, а тем, кто из-за своего лентяйства не может уплатить, — с того снимают. В то время как руководителей этих хозяйств надо привлечь к уголовной ответственности. Так, колхозы Салмозерского сельсовета, имеющие посевную площадь 380 га, привлекаются к дополнительной уплате зерна государству 1500 кг, а колхозы Водлинского сельсовета, имеющие посевную площадь 125 га, — на 3000 кг дополнительно. Такое решение мы считаем неправильным»¹⁸⁴.

Подобная политика вынуждала колхозы сокращать поголовье скота, занимать участки менее доходными с точки зрения налогового обложения культурами, переводить часть закрепленных за колхозами земель в угодья, с которых не начислялись обязательные поставки. Из-за недостатка рабочей силы резко увеличилась нагрузка на одного трудоспособного колхозника и одну рабочую лошадь по основным видам работ. Если в 1940 г. на одного трудоспособного колхозника

республики приходилось в среднем по 0,98 га пашни в обороте, то в 1948 г. — 2,3 га, или 234% к 1940 г.; нагрузка пашни в обороте на одну рабочую лошадь возросла с 2,2 до 7,3 га, или более чем в три раза¹⁸⁵.

На протяжении всех послевоенных лет государство продолжало через ценовую политику осуществлять неэквивалентный товарообмен между городом и деревней. Закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию не менялись с 1928 г., тогда как на промышленную продукцию выросли за это время в 20 раз. В результате полученные колхозниками средства покрывали лишь незначительную часть издержек производства, а доходы крестьян от общественного хозяйства по большинству регионов России вплоть до середины 1950-х гг. были ниже прожиточного минимума¹⁸⁶. С 1948 по 1953 г. ежегодная выдача на трудодень по сельскохозяйственным колхозам республики составляла в денежном выражении от 35 до 85 коп., зерном — от 0,5 до 1,3 кг. Другие продукты, как правило, не выдавались или в ограниченном количестве выдавались картофель и овощи¹⁸⁷.

Значительный ущерб колхозам был нанесен промышленным строительством, под которое отводились земельные площади колхозов. В первую очередь, это было связано со строительством крупных гидроэлектростанций. Так, в 1951 г. из землепользования колхозов Кондопожского района были исключены земли, затопленные Сунагэстроём¹⁸⁸.

Нередкими были случаи самовольного захвата земель колхозов различными организациями и учреждениями. Только в 1948–1949 гг. в республике было выявлено более 1,5 тыс. подобных случаев. Из года в год увеличивалась дебиторская задолженность колхозам со стороны различных организаций: в 1946 г. — 2476 тыс. руб., в 1947 г. — 2651 тыс. руб., в 1948 г. — 2817 тыс. руб., в 1949 г. — 2890 тыс. руб.¹⁸⁹ При этом частыми были факты сокрытия исполкомами районных советов фактов дебиторской задолженности колхозам. Так, при проверке представителем Совета по делам колхозов при правительстве СССР 4-х колхозов Питкярантского района была выявлена дебиторская задолженность в сумме более 100 тыс. руб., между тем, по данным исполкома райсовета, она составляла в целом по району 48 тыс. руб.¹⁹⁰

Не был наведен порядок в расчетах организаций и отдельных лиц с колхозами. Используя бесправное положение колхозов, Министерство сельского хозяйства, Министерство финансов республики, МТС, конторы государственных и сельскохозяйственных банков, заготовительные организации встали на путь массового предъявления исков к

колхозам через суд для взыскания с них просроченных налогов и прочих платежей. В 1951 г. ими было предъявлено 1304 иска в суд на сумму более 5 млн руб. В Олонецком, Пудожском, Куркиёкском, Занежском и других районах все без исключения колхозы, а отдельные из них по 10 и более раз были подвергнуты судебным санкциям по искам различных организаций¹⁹¹. В то же время органы прокуратуры и суда допускали медлительность при рассмотрении дел, связанных с возмещением убытков, причиненных колхозам различными организациями.

Даже в начале 1950-х гг. в республике было немало колхозов, где не были разработаны Уставы сельхозартелей и, соответственно, не установлены размеры приусадебных участков колхозников и количество скота в личной собственности (колхозы «Заря», «Искра», «Слава» Питкярантского района и др.). Ряд колхозов не имел государственных актов на вечное пользование землей, не заполнялись книги учета земель в исполкомах районных советов.

Село, как и прежде, оставалось источником дешевой рабочей силы для промышленности и строительства. По решению правительства СССР от 21 мая 1947 г. «О порядке проведения организованного набора рабочих»¹⁹² была возобновлена действовавшая до войны разверсточная система набора рабочей силы на селе. В Карелии положение колхозов значительно осложнялось привлечением колхозников на лесозаготовки. Рост объемов лесозаготовок в республике в послевоенные годы рассматривался правительством страны как приоритетное направление экономического развития края. Карельский лес нужен был для восстановления промышленности и жилищно-коммунального хозяйства разрушенных городов и сел. План по заготовке леса на одного колхозника в КФССР в лесозаготовительный сезон 1947–1948 гг. превышал в 3–4 раза нагрузку на одного колхозника в соседних с Карелией областях (Вологодской, Кировской, Ленинградской)¹⁹³. Колхозники привлекались на лесозаготовки в качестве пешей и конной силы — с использованием колхозных лошадей.

29 сентября 1948 г. Совет Министров СССР принял постановление, запрещавшее райисполкомам, сельским советам и правлениям колхозов препятствовать переходу колхозников, привлеченных на лесозаготовки в порядке платной трудгужповинности, на постоянную работу в лесозаготовительные организации. Тем самым вновь подчеркивалась второстепенность аграрного сектора экономики. Это же положение было закреплено в постановлении правительства республики «О мерах

по наведению порядка в наборе рабочей силы из колхозов для предприятий, организаций и учреждений» (8 сентября 1948 г.), запрещавшем прием колхозников на работу без согласия колхоза и заключения с ним договора, утвержденного общим собранием колхозников, но сделавшем исключение для лесной промышленности¹⁹⁴.

Между тем в республике из 906 имевшихся колхозов, включая рыболовецкие, не были полностью заселены и обеспечены рабочей силой 730 или 80,6%¹⁹⁵. В сезон 1948–1949 гг. из колхозов республики на лесозаготовки было привлечено 6,2 тыс. рабочих, в основном женщин и подростков, что составило 23% к числу трудоспособных колхозников, и 1650 колхозных лошадей (25% к их поголовью в колхозах).¹⁹⁶ Не случайно в ЦК КП(б) шли просьбы от исполкомов райсоветов о возвращении колхозников, занятых на лесозаготовках, в колхозы. Так, выступая на пленуме ЦК партии республики, председатель Калевальского райсовета высказал просьбу об отзыве 125 колхозников, занятых на сплаве, в колхозы на уборку сена, так как для этой работы в колхозе не хватало 206 человек¹⁹⁷.

Задания по участию колхозников в лесозаготовках увеличились по сравнению с довоенным периодом. В 1940 г. силами колхозников было заготовлено 900 тыс. ф.м.* и вывезено 700 тыс. ф.м. леса, а в 1948 г. — соответственно 1250 тыс. ф.м. (139% к 1940 г.) и 800 тыс. ф.м. (114% к 1940 г.), при этом колхозники, занятые на предприятиях Минлесбумпрома, в сезон 1948–1949 гг. выполнили план по заготовке леса на 122,6%, по вывозке леса — на 100,5%, а рабочие — на 71,6 и 77%¹⁹⁸.

Каждому району ежегодно определялся план по сезонной повинности для работы колхозников в лесу. Так, по плану 1947 г. распределение рабочей силы по Олонецкому леспромхозу было следующим: 975 колхозников, 676 постоянных рабочих и 1200 военнопленных. При этом 93 тыс. ф.м. из 177 тыс. должны были заготовить колхозники. В 1946–1949 гг. примерно пятая часть колхозников работала на лесозаготовках и сплаве, на их долю приходилось около половины всей заготовленной в Олонецком районе древесины¹⁹⁹.

Постановлением Совета Министров КФССР во время навигации 1951 г. предусматривалось привлечь на лесосплав в порядке платной трудовой повинности 1600 человек из числа сельского населения, в осенне-зимний сезон 1952–1953 гг. — 1630 человек²⁰⁰. Эти планы регулярно не выполнялись.

* Ф.м. — фестметр — мера объема древесины, равная примерно 1,3 куб. м.

Отвлечение колхозников на лесозаготовки наносило существенный ущерб экономике колхозов. В то же время в условиях крепостнического прикрепления крестьян к земле они получили легализованную возможность ухода из сельского хозяйства в лесную промышленность, где рабочий за месяц зарабатывал более 1 тыс. руб. К тому же работа на лесозаготовках давала колхозникам возможность получить некоторые льготы по налогам. Обычно по истечении срока договора мало кто возвращался в деревню, привлеченный стабильным заработком и другими преимуществами рабочих. Только за один лесозаготовительный сезон 1947–1948 гг. из колхозов республики в постоянные кадры лесной промышленности ушло 1200 человек, в результате чего ряд колхозов потеряли 50–60% рабочей силы. В целом с 1947 по 1952 г. на работу в лесную промышленность перешло более 10 тыс. трудоспособных колхозников²⁰¹.

Привлечение крестьян на лесозаготовки в порядке трудовой повинности постепенно превращало колхозника в рабочего с земельным наделом и приводило к тому, что процессы пролетаризации крестьянства Европейского Севера России происходили и «вне» сельскохозяйства²⁰².

Из-за тяжелого положения колхозы практически были лишены возможности реализовать на рынке часть продукции. В начале 1950-х гг. доля колхозов РСФСР в базарной торговле составляла 10–20%, а фонд оплаты труда – 22,9% от денежного дохода (1950)²⁰³. Такое положение вынуждало колхозы идти на нарушение установленного порядка расчетов с государством и распределять значительное количество зерна и денег по трудодням еще до создания семенных, фуражных и других уставных фондов и уплаты налогов. Так, в колхозе имени Сталина Питкярантского района из 200 собранных центнеров зерна было распределено по трудодням 111 и лишь 14 ц выделено в семенной фонд при потребности 200 ц. Колхозы «Оборона», «Дозор», им. Молотова и «50 лет Сталина» Куркиёского района, не выполнив план развития общественного животноводства, незаконно распределили по трудодням 177,6 тыс. руб., вырученных в 1951 г. от продажи скота на колхозном рынке. В колхозах «Заветы Ильича», им. Буденного, «Большевик» и «XVII партсъезд» таким же путем было распределено 20,8 тыс. руб.²⁰⁴

Значительные денежные средства в колхозах расходовались на оплату административно-управленческого персонала. Проведенная в 1946 г. проверка использования трудодней в сельскохозяйственных

артелях республики показала, что в отдельных колхозах каждый второй член артели являлся администратором, а затраты на содержание административного персонала в ряде случаев достигали 1/3 общего числа трудодней. По данным годовых отчетов колхозов, в 1947 г. перерасход трудодней на зарплату административно управленческого персонала составил 208 675 трудодней. В целом на эти цели было израсходовано 11% трудодней, а в ряде районов эта цифра была еще выше: Кондопожском — 14,4%, Сортавальском — 14,8%, Суоярвском — 16,8%²⁰⁵.

В 1948 г. основные средства производства и общественные фонды колхозов Карелии превысили довоенный уровень на 41%, а число колхозов, выдававших на трудодень более 1 кг зерна, увеличилось до 358 против 324 в 1940 г. и 75 колхозов в 1945 г.²⁰⁶ В то же время средняя денежная оценка трудодня колхозника в рублях, исходя из стоимости определенных к выдаче продуктов по государственным ценам и суммы денежного дохода, в 1950 г. не достигла уровня 1940 г. и составила 3 руб. 08 коп. (в 1940 г. — 4 руб. 60 коп.), а общий денежный доход колхозника с учетом стоимости полученных на трудодень продуктов в 1950 г. составил всего 801 руб. (в 1940 г. — 1090 руб.)²⁰⁷.

Из-за ужесточения налоговой политики государства отчисления колхозов КФССР на трудодни из года в год уменьшались. В 1949 г. они составили 24,4% всех доходов колхозов, в 1950 г. — 17,8%, в 1951 г. — 13,9%, в 1952 г. — 10,9%. В 1952 г. 183 сельскохозяйственных колхоза Карелии имели годовой доход всего до 30 тыс. руб.²⁰⁸

В ряде хозяйств республики благодаря внедрению новых приемов и методов труда, повышению его производительности удалось добиться высоких производственных показателей. Так, в заонежском колхозе им. Анохина в 1949 г. колхозники получали по 4 кг зерна на трудодень, в то время как во многих хозяйствах района — лишь по 300—400 г. Некоторые колхозники этого хозяйства вырабатывали до 600 трудодней в год, средняя же цифра по республике составляла 211* трудодней²⁰⁹. Одним из лучших колхозов республики был колхоз им. Тельмана Сортавальского района. В колхозе «Заря Севера» Беломорского района старший конюх Я. И. Юдин добился сохранения всего молодняка в течение ряда лет. Он участвовал во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1954 г., был удостоен звания Героя Социалистического Труда (1949 г.)

* По другим сведениям, средняя выработка трудодней в колхозах республики в 1949 г. составила 247 (НА РК, ф. 3, оп. 9, д. 118, л. 1).

В 1949 г. в республике работали 825 сельскохозяйственных артелей из 872 имевшихся до войны. Однако, несмотря на определенные успехи в развитии колхозного производства, коллективные хозяйства края находились в крайне тяжелом положении.

Попытки государства укрепить слабые колхозы путем предоставления им определенных льгот не дали желаемых результатов. С колхозов республики регулярно списывались недоимки по подоходному налогу, по сдаче государству сельхозпродуктов, денежная задолженность за работу МТС, предоставлялись льготные условия по обязательным поставкам и т. д. В 1952 г. колхозы республики сдали государству 16,7 тыс. ц зерна, а получили в виде семенной и продовольственной ссуды 12,4 тыс. ц. В 1953 г. — соответственно 16,4 тыс. и 70,4 тыс. ц. За эти годы с колхозов была списана задолженность по зерну в размере 100,4 тыс. ц.²¹⁰ В 1953 г. денежные затраты государства только на содержание МТС, горючее и другие расходы, кроме капитальных вложений и амортизационных отчислений, составили 15 685 тыс. руб., или в 15 раз больше чем поступления от колхозов натурой и деньгами; колхозам Карелии была оказана помощь в сумме 32 300 тыс. руб., а получено от них продукции на сумму 6 379 тыс. руб. Только с 1948 по 1953 гг. с колхозов КФСР была списана задолженность в сумме почти 20 млн руб.²¹¹

16 октября 1953 г. пленум ЦК Компартии республики подверг детальному анализу состояние сельского хозяйства Карелии. Были отмечены крайне низкая урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность скота. В 1953 г. в колхозах площадь пашни, находившейся в обработке, по сравнению с 1940 г. сократилась на 8 тыс. га, поголовье крупного рогатого скота составляло лишь 2/3 к довоенному уровню²¹².

К началу 1950-х гг. натурализация отношений обмена в сельском хозяйстве достигла крайней степени. Подавляющая часть производимой в общественных хозяйствах продукции поставлялась в счет государственных заготовок и в качестве натуральной оплаты за работы МТС, а весомую долю того, что выдавалось за работу в колхозах или производилось на крестьянских подворьях, приходилось сдавать заготовительным организациям как сельхозналог. В большинстве колхозов хозяйство превратилось в своего рода цех государственной сферы производства, продолжая номинально числиться кооперативным. Эффективность его была очень низка.

В то же время результаты работы совхозов оказались лучше. За 1949—1953 гг. совхозы за счет собственного производства увеличили

поголовье крупного рогатого скота на 39,2%, коров — на 45,6%, свиней — на 40%. На 100 га сельхозугодий совхозы имели крупного рогатого скота 28 голов, в том числе коров — 12 голов, в то время как колхозы соответственно — 9,7 и 3,8; надой молока — 309 ц и выход мяса в убойном весе — 17,5 ц, тогда как колхозы — 31 и 3,6 ц.²¹³

Отдельные колхозы настолько сократили свое хозяйство, что по существу только носили название колхоза. Так, в колхозе им. Молотова Медвежьегорского района в 1952 г. насчитывалось всего 6 дворов с 6 трудоспособными, в 1953 г. — уже 4 трудоспособными колхозниками. В колхозе имелось всего 15 га пашни, 79 га сенокосов, 8 голов крупного рогатого скота и 6 лошадей. В колхозе «Красная Гора» Кондопожского района имелось 13 колхозных дворов, 8 трудоспособных колхозников, 15 голов крупного рогатого скота. Денежный доход колхоза в 1953 г. составил 4 тыс. руб., а задолженность — 50,6 тыс. руб. Колхоз «Красный пахарь» Медвежьегорского района получил доход 10,8 тыс. руб., а задолженность составила 37,7 тыс. руб.²¹⁴

В колхозе «Совместный труд» Тунгудского района, расположенном от райцентра в 35 км, насчитывалось всего 7 трудоспособных колхозников, из них 1 — председатель колхоза, 1 — счетовод, 3 человека работали на животноводческих фермах. Пахотные земли колхоза представляли собой мелкие, каменистые участки на 2 хуторах, расположенных друг от друга на расстоянии 6 км. Поля были окружены болотами, и посевы ежегодно повреждались заморозками, особенно картофель. Сенокосные угодья представляли собой болота, непригодные для машинной обработки. В 1953 г. в колхозе насчитывалось 12 лошадей, 30 голов крупного рогатого скота, 39 овец и 4 свиньи. Из-за недостатка рабочей силы из года в год не выполнялись планы заготовки кормов и на приобретение недостающих кормов затрачивалось до 10 тыс. руб.²¹⁵

Тунгудский райком партии и райисполком неоднократно обращались в ЦК КП(б) КФССР и Совет Министров республики с просьбой об оказании помощи колхозам района, обосновывая свою просьбу острым недостатком рабочей силы (по сравнению с довоенным периодом число работников в колхозах сократилось более чем на 65%) и невозможностью применения техники на каменистых, болотистых почвах. В качестве одного из путей выхода райком партии и райисполком предлагали объединить ряд колхозов района: «Победа», «Совместный труд», «Путь 11 пятилетки», «им. Буденного»²¹⁶.

Таким образом, жесткая налоговая политика, неэквивалентный товарообмен между городом и деревней обусловили тяжелое положение колхозов республики. Село оставалось источником дешевой рабочей силы для промышленности и строительства. В силу региональных особенностей республики здесь получило широкое распространение привлечение колхозников на лесозаготовки, что наносило существенный ущерб экономике колхозов и способствовало оттоку рабочей силы в лесную отрасль. Во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. возросла задолженность колхозов государству, сократились объемы сельскохозяйственного производства. Необходимость реформирования сельского хозяйства остро ощущалась на рубеже 1940—1950-х гг. на всех уровнях власти.

4. Начало реорганизации колхозного сектора сельского хозяйства

В начале 1950-х гг. в сельском хозяйстве республики были приняты две крупные кампании, преследовавшие цель улучшить положение в аграрном секторе экономики — сселение хуторов в новые колхозные поселки и укрупнение мелких колхозов.

Первая из них касалась пограничных приладожских районов КФССР, присоединенных к республике по мирному договору с Финляндией в 1940 г. Созданные в послевоенные годы в Куркиёском, Сортавальском, Питкярантском и Суоярвском районах колхозы базировались на существовавших ранее хуторах. Здесь находилось более половины всей пахотной земли республики.

Постановлением Совета Министров СССР от 3 января 1951 г. «О мероприятиях по дальнейшему развитию сельского хозяйства Карело-Финской ССР» предусматривалось сселение в течение 1951—1953 гг. 2700 хуторских дворов колхозников в Сортавальском, Куркиёском, Суоярвском и Питкярантском районах в новые колхозные центры. Для колхозов, сселяемых с хуторов, был предоставлен кредит в размере 100% денежных затрат сроком на 10 лет с погашением, начиная с 4-го года после получения ссуды, уменьшены нормы сдачи по обязательным поставкам государству продуктов полеводства и животноводства и размер подоходного налога на 50% сроком на 3 года. Колхозникам предоставлялся кредит в размере фактических денежных затрат, но не свыше 10 тыс. руб. на хозяйство с последующим отнесением 50% суммы затрат за счет государства и погашением оставшейся части в течение 10 лет, начиная с 3-го года после получения ссуды²¹⁷.

Однако вследствие экономической слабости колхозов и неспособности самих переселенцев оплатить 50% расходов по переносу домов и построек на новое место жительства идея сселения хуторов потерпела крах. К началу 1952 г. было перевезено всего 226 хозяйств, из них поставлено на новом месте 133 дома, а заселено только 30 вместо 770 домов по плану. В целом за 3 года (1951–1953) на новом месте было поставлено 192 дома²¹⁸. Помимо необоснованных денежных затрат государства, кампания привела к потере части трудового потенциала приладожских районов.

В начале 1950-х гг. в республике, как и в целом по стране, был взят курс на укрупнение колхозов и ликвидацию мелких хозяйств. Его теоретическим обоснованием служило представление о преимуществах крупного производства перед мелким. Очередная коренная ломка деревенского уклада ставила целью унифицировать деревню и еще больше централизовать управление крестьянами²¹⁹. К тому же в крупных хозяйствах изымать продукцию было легче, нежели в мелких и единоличных хозяйствах. Руководство страны пыталось решить не только производственные, но и социальные проблемы деревни, которые казались легче выполнимыми в крупных поселках. В печати широко освещался опыт (в основном только положительный) отдельных укрупненных хозяйств.

8 апреля 1950 г. подобное решение было принято на совещании актива колхозов Ладвинского сельсовета: «Обменявшись мнениями о перспективах дальнейшего общественного хозяйства колхозов, мы, участники совещания актива сельхозартелей Ладвинского сельсовета, считаем, что главным тормозом подъема всех отраслей колхозного производства, повышения колхозов и зажиточности колхозников является наличие в одном селе 9 мелких артелей. При таком распылении сил и средств производства не представляется возможности наиболее разумно использовать сложную машинную технику, повысить культуру земледелия, применить новейшие достижения мичуринской агробиологической науки, сконцентрировать работу специалистов сельского хозяйства.

В течение ряда лет многие колхозы сельсовета получают низкие урожаи, отстают с повышением продуктивности общественного скота, имеют мизерные денежные доходы. Запущены такие важнейшие в условиях нашей республики отрасли хозяйства, как овощеводство, картофелеводство, не организовано садоводство и пчеловодств. Экономическая несостоятельность мелких колхозов не позволяет развернуть крайне необходимое капитальное строительство. Низкие натуральные и

денежные доходы являются серьезным тормозом к увеличению недельных фондов колхозов и повышению оплаты колхозников.

Ознакомившись с выступлением секретаря ЦК ВКП(б) товарища Н. С. Хрущева перед избирателями и сообщениями печати о мероприятиях, проводимых в Московской и Ленинградской областях, совещание колхозного актива Ладвинского сельсовета считает, что объединение мелких артелей в крупные является крайне необходимым мероприятием, обеспечивающим организационно-хозяйственное укрепление колхозов и повышение зажиточности колхозников. Совещание постановляет:

1. Считать целесообразным объединить колхозы села Ладва „Луч“, „I Мая“, „ШКМ“, „Согласие“, „Красный Пахарь“, „Новая жизнь“, „Вызов“, „Единение“, „Искра“ в две сельскохозяйственные артели с земельными массивами по берегам реки Ивинки.

2. Войти на общие собрания колхозников с предложением о создании колхоза на левом берегу Ивинки — в составе сельхозартелей „Луч“, „ШКМ“, „Красный пахарь“, „Новая жизнь“, „Согласие“, колхоза на правом берегу Ивинки — в составе сельхозартелей „Единение“, „Вызов“, „Искра“.

3. Просить райком партии и исполком райсовета провести по всем колхозам общие собрания колхозников по вопросу объединения мелких колхозов в две крупные сельхозартели. Закончить всю организационную работу по слиянию мелких колхозов до начала весеннего сева.

4. Просить ЦК КП(б) и Совет Министров Карело-Финской ССР утвердить настоящее решение»²²⁰.

30 мая 1950 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле». В постановлении ставилась задача за счет укрупнения хозяйств создать условия для лучшего использования техники, применения электроэнергии в колхозном производстве, строительства благоустроенных колхозных селений. При этом подчеркивалась необходимость осуществления объединения на добровольных началах и решения этих вопросов на общих собраниях колхозников с присутствием не менее 2/3 числа членов сельхозартели»²²¹.

Как часто практиковалось в те годы, решение партии воплощалось в жизнь административными методами и ударными темпами, сходными с темпами коллективизации конца 1920-х — начала 1930-х гг. При этом нередко игнорировался тот факт, что постановление

рекомендовало проводить широкую разъяснительную работу и соблюдать принцип добровольности путем решения данного вопроса на общих собраниях колхозников.

Только за 2,5 месяца (июль—сентябрь) 1950 г. из 350 мелких хозяйств республики было создано 125 укрупненных. В отдельных районах (Шелтозерский, Пряжинский, Пудожский) после укрупнения число колхозов сократилось почти наполовину²²². Многие укрупненные колхозы представляли собой искусственные объединения трех-пяти (и более) мелких, по существу, самостоятельных хозяйств, связанных плохими дорогами.

К началу 1951 г. уже 480 мелких артелей в 16 районах Карелии были объединены в 163 укрупненных колхоза. Если до объединения на один колхоз в среднем приходилось 99 га пашни, 148 га сенокосов, 35 голов крупного рогатого скота и 8 лошадей, то в укрупненных хозяйствах — 322 га пашни, 427 га сенокосов, 106 голов крупного рогатого скота и 27 лошадей²²³. Число дворов в среднем на один колхоз увеличилось с 23 до 33²²⁴. Однако и после укрупнения хозяйств эта цифра была в 5 раз меньше, чем в среднем по стране. На первых порах укрупнение колхозов не сопровождалось уменьшением посевных площадей и сокращением числа колхозных дворов. Последствия сказались позднее²²⁵.

В некоторых укрупненных хозяйствах расширились возможности использования техники, улучшились экономические показатели, возросли денежные доходы. Так, в колхозе «Пламя» Олонецкого района в 1950 г. они выросли на 36% по сравнению с 1949 г.²²⁶ В колхозе имени Тельмана Сортавальского района в 1953 г. урожайность зерновых составила 19,3 ц с гектара, в то время как в среднем по колхозам республики 4,9 ц, овощей — соответственно 345 и 43 ц, удой молока на корову — 2936 л при среднем по республике 766* л²²⁷. В результате укрупнения хозяйств на 28% сократилось количество административного персонала в колхозах, за счет этого была достигнута экономия по трудодням на 90,3 тыс. и в денежном выражении — около 150 тыс. руб.

В целом с 1949 г. по 1953 г. число сельскохозяйственных колхозов в республике сократилось в 2,2 раза (с 825 до 373)²²⁸. Укрупнение хозяйств продолжалось и в последующие годы, хотя и меньшими темпами. Опыт укрупнения колхозов был использован при реорганизации сельхозартелей в 1955—1959 гг.

* По другим сведениям — 836 кг (См.: НА РК, ф. Р-700, оп. 25, д. 135, л. 46).

Таблица 1. Число колхозов и совхозов (на конец года; единиц)²²⁹

	1940	1945	1950	1955	1960
Число совхозов	20	21	30	30	46
Число колхозов, включая рыболовецкие и промысловые	1142	867	583	349	13
В том числе сельскохозяйственные	872	784	501	262	—

В послевоенные годы преимущественной формой организации труда в колхозах являлись звенья. В условиях низкого уровня механизации производства и преобладания ручного труда звеньевая система внутри бригад оказалась наиболее целесообразной. С пополнением хозяйств техникой и укрупнением колхозов основной производственной единицей становятся бригады, в основном полеводческие. Внутри бригад, вплоть до 1958 г., сохранялись звенья. В 1950-е гг. происходил процесс укрупнения производственных бригад в колхозах, появились их новые формы, такие как комплексные бригады, обслуживавшие растениеводство и животноводство. Организация таких бригад позволила сократить штаты, рациональнее использовать ресурсы и снизить себестоимость продукции. В растениеводстве наряду с тракторно-полеводческими бригадами стали применяться специализированные бригады и звенья комплексной механизации, в животноводстве получили распространение бригады по обслуживанию скота определенных видов.

Массовое укрупнение хозяйств не принесло ожидаемых результатов, так как не учитывало специфику северного земледелия, которое исторически было мелкоконтурным и разрозненным и базировалось на основе малодворной деревни. Не учитывались при этом разбросанность населенных пунктов республики, отсутствие развитой транспортной сети. Несмотря на расширение посевных площадей и увеличение численности скота, концентрации производства в укрупненных колхозах не произошло. В них не было единой организации земельной территории, скот размещался мелкими группами в нескольких населенных пунктах, в неприспособленных помещениях. Медленно решались вопросы внутрихозяйственного землеустройства, ликвидации чересполосицы, устройства дорог, совершенствования структуры производства, не хватало кадров специалистов. Из-за ликвидации мелких колхозов оказались заброшенными десятки тысяч гектаров плодородных земель в наиболее древних очагах аграрного освоения. К тому же эксперименты начала 1950-х гг. привели к

ущемлению социальных интересов жителей небольших селений, а в последующем — к запустению деревень.

Укрупнение колхозов позволило усилить вертикаль государственной власти, сконцентрировать наличные силы и средства производства. Руководство не смущали низкие результаты работы колхозов, объединенных без учета региональных особенностей. Преимущества централизованного управления отодвигали на второй план экономические показатели развития сельского хозяйства.

Резкое падение темпов развития сельского хозяйства в начале 1950-х гг. как в целом по стране, так и в республике, вызвало необходимость поисков выхода из тяжелой ситуации. Они велись в русле частичных реорганизаций и уступок крестьянству. В соответствии с Законом Верховного Совета СССР от 15 марта 1953 г. «О преобразовании министерств СССР» в республике была осуществлена централизация управления сельским хозяйством: Министерства сельского хозяйства, совхозов, лесного хозяйства, аппарат уполномоченного Министерства заготовок СССР, Управление по делам охотничьего хозяйства, Главное управление мелиорации, Переселенческое управление, Управление по делам сельского и колхозного строительства (в части колхозного строительства) объединены в одно Министерство — сельского хозяйства и заготовок КФССР²³⁰.

Постановлением Совета Министров СССР от 18 июля 1953 г. «О государственном плане заготовки хлеба из урожая 1953 г. по КФССР» местным советским, сельскохозяйственным и заготовительным органам было запрещено налагать на колхозы дополнительные обязательства по сдаче государству сверхпланового зерна. За нарушение установленного порядка сдачи государству зерна предусматривалось привлечение к уголовной ответственности²³¹. Однако эти меры не меняли существа взаимоотношений государства и крестьянства и не могли улучшить ситуацию в сельском хозяйстве.

5. Крестьянское хозяйство

До войны в деревне соблюдался негласный компромисс, в соответствии с которым крестьянам было позволено обрабатывать свои мелкие огородные участки. Крестьянин должен был отработать минимум трудодней и выплатить денежный налог, чтобы получить право пользоваться приусадебным участком и держать скот в личном пользовании. Границы личного хозяйства крестьянина на долгие годы определил

«Примерный Устав сельскохозяйственной артели» (1935 г.). В соответствии с ним размеры приусадебных участков, не считая земли под жилыми постройками, были определены в $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{2}$ га, а в отдельных районах, в зависимости от местных условий, до 1 га²³².

Но и этот сохранившийся с довоенных времен компромисс был нарушен во второй половине 1940-х гг. Индивидуальные хозяйства были обложены чрезвычайно высокими денежными и натуральными налогами с тем, чтобы заставить крестьян работать в колхозах. Помимо стремления регламентировать труд, введение этих налогов должно было ограничить наиболее прибыльную частную хозяйственную деятельность. В ответ крестьяне начали избавляться от коров и вырубать фруктовые деревья, чтобы выращивать картофель.

Решение о повышении налогов на личные крестьянские хозяйства было принято уже в 1946 г. Дважды за послевоенный период повышался сельскохозяйственный налог: в 1948 г. он вырос на 30%, при этом сумма налога на единоличные хозяйства была на 100% выше, чем на хозяйства колхозов; в 1952 г. вновь были повышены налоги и учитываемые нормы доходности для личных хозяйств колхозников, причем впервые к оплате привлекались доходы колхозников, полученные от общественного хозяйства по трудовым, чего не делалось даже в годы войны²³³. Резко повысились также сборы и налоги с доходов сельских жителей от продажи на рынке. Только за 1949–1952 гг. сумма налогов на крестьянский двор в России выросла с 419 до 528 руб.²³⁴ В целом размер сельхозналога с дохода личных хозяйств колхозников, рабочих и служащих возрос в 1951 г. по сравнению с 1939 г. более чем в 5 раз²³⁵.

Размер налога с крестьянских хозяйств определялся на основе средних норм доходности по каждому виду выращиваемой культуры и по каждому виду скота. Нормы доходности устанавливались произвольно и далеко не всегда соответствовали реальному доходу, получаемому с имеющегося земельного надела. Система обложения была сложной и часто приводила к ошибкам и злоупотреблениям.

В экономически слабых колхозах (а таких в республике было большинство) общая сумма налогов и сборов с крестьянского двора, как правило, превышала денежные доходы колхозной семьи от работы в общественном хозяйстве и должна была покрываться за счет продажи значительной части продуктов с личного подворья. Кроме

сельскохозяйственного налога, колхозный двор должен был ежегодно выплачивать обязательные страховые платежи, местные налоги, «добровольное» самообложение, выполнять обязательства по поставкам продукции государству.

«Владельцы частных коров в первые послевоенные годы обязаны были снабжать молоком семьи, где не было коров, но были дети, — вспоминал В. Лукьянов. — Колхозная семья имела право на участок, содержание коровы и мелкого скота. Все это привязывало человека к земле. Излишки продуктов, а в некоторых хозяйствах они стали появляться, колхозники вывозили на рынок. Сдавать государству приходилось все: молоко и масло, яйца и шерсть. Для себя почти ничего не оставалось»²³⁶.

В 1948 г. постановлением правительства республики колхозники, рабочие и служащие, имевшие посеы зерновых культур, стали привлекаться к обязательным поставкам с площади фактического посева по нормам, установленным для единоличных хозяйств, т. е. на 60 кг выше среднерайонных норм, установленных для колхозников, обслуживаемых МТС²³⁷.

Меры власти по ограничению приусадебных хозяйств колхозников, рабочих и служащих привели к сокращению крестьянского землепользования. С 1950 по 1953 гг. площадь приусадебной земли колхозных дворов в республике сократилась с 4,4 до 3,8 тыс. га, в то же время количество приусадебной земли в среднем на одно хозяйство осталось на том же уровне²³⁸. В 1951 г. в Карелии насчитывалось 276 безземельных крестьянских хозяйств (1,2% к их общему числу). На один колхозный двор в КФССР в это время приходилось 18,8 соток, тогда как в Архангельской и Вологодской областях — 28 соток, а на Северо-Западе, в центральных и некоторых других районах страны вплоть до начала 1960-х гг. приусадебные участки колхозников составляли 40–50 соток²³⁹.

Допустимое количество скота в приусадебных хозяйствах колхозников было определено в постановлении бюро ЦК КП(б) КФССР от 11 января 1945 г. Оно предусматривало, что каждый колхозный двор может иметь 1 корову, до 2 голов молодняка, 1 свиноматку с приплодом, 10 овец и коз, неограниченное количество птицы и кроликов. Каждый колхозный двор должен был в 1948 г. поставить государству по 140 л молока от каждой коровы²⁴⁰.

Тяжелое положение колхозов после войны заставило власти пойти на развитие индивидуального животноводства. В августе 1947 г. было

принято постановление правительства республики об оказании помощи бескоровным колхозникам в обзаведении скотом, в котором намечалась закупка 2 тыс. телок, находившихся в личном пользовании граждан, для продажи бескоровным колхозникам, в первую очередь, семьям погибших воинов и инвалидов войны, а также передовикам производства. Для покупки скота колхозникам предоставлялся кредит сельскохозяйственного банка в сумме до 600 руб. на хозяйство сроком на 3 года. Колхозы получили право покупать скот для бескоровных членов артелей сверх плана покупки скота для животноводческих ферм (в этом случае колхозники должны были вернуть долг колхозам в течение 2–3 лет), а также выдавать на трудодни колхозникам или продавать им из сверхпланового поголовья скота часть молодняка²⁴¹.

Принятые меры позволили к 1950 г. значительно увеличить число колхозных дворов, имевших одну корову (до 57% по сравнению с 44% в 1945 г.). Число дворов, не имевших никакого скота, сократилось по сравнению с 1945 г. с 39 до 18%. В личной собственности колхозников в 1950 г. насчитывалось 17 тыс. голов крупного рогатого скота, в хозяйствах рабочих и служащих — 22 тыс. Однако увеличение налогов на крестьянские хозяйства вновь привело к сокращению количества крупного рогатого скота в личной собственности колхозников: в 1950–1952 гг. на 10% увеличилось число дворов, не имевших крупного рогатого скота²⁴². К концу 1953 г. в Карелии 39,8% крестьянских дворов не имели крупного рогатого скота, в том числе 46,5% — коров, 1/5 часть хозяйств колхозников не имела никакого скота. В ряде районов эта цифра была еще выше: Лоухском — 30,1%, Сегозерском — 31,1%, Беломорском — 34,2%. Наиболее высокая обеспеченность колхозников скотом наблюдалась в сельскохозяйственном Олонецком районе. Если из каждых 100 дворов колхозников в республике не имели никакого скота 23,3%, а коров 46%, то в Олонецком районе соответственно 15 и 30%²⁴³.

Сокращение количества скота в личных хозяйствах колхозников в начале 1950-х гг. объяснялось не только высокими ставками сельскохозяйственного налога, но и низкими закупочными ценами на животноводческую продукцию, поставляемую государству в обязательном порядке, слабой обеспеченностью скота кормами. К поставкам продукции животноводства нередко привлекались хозяйства колхозников, не имевшие скота, и райисполкомы обращались с ходатайствами в органы власти об освобождении их от поставок на определенные сроки.

Таблица 2. Группировка наличных дворов колхозников по степени обеспеченности скотом²⁴⁴

Дата	Всего дворов	Дворов без всякого скота		Без крупного рогатого скота		Без коров		С одной коровой	
		всего	в %	всего	в %	всего	в %	всего	в %
1.01. 1946 г.	22997	8951	38,9	10227	44,5	12611	54,8	10106	44
1.01. 1950 г.	22403	4045	18,1	6659	29,6	9464	42,3	12758	56,9
1.10. 1953 г.	18946	3841	20,3	7541	39,8	8808	46,5	9944	52,5

Дата	С одной коровой совместно-го пользования		С двумя коровами		Без овец и коз		Без свиней	
	всего	в %	всего	в %	всего	в %	всего	в %
1.01. 1946 г.	181	0,8	99	0,4	15304	66	22831	99,3
1.01. 1950 г.	84	0,4	97	0,4	10538	47	20848	93,1
1.10. 1953 г.	181	1,0	13	—	10271	54,2	14737	77,8

Жесткие меры принимались против колхозников, не выполнивших обязательный минимум трудовой. Считалось, что главными причинами, препятствующими работе крестьян на колхозных полях, являются отходничество в город на заработки и труд на собственных приусадебных участках. Хотя и то и другое не укладывалось в рамки «чистого социализма», власть была вынуждена мириться с этими явлениями. Приусадебные участки служили источником основной части дохода крестьянских семей. Кроме того, они облагались значительными налогами, пополнявшими казну²⁴⁵.

Несмотря на повышение налогообложения на крестьянские хозяйства, доля личных хозяйств населения в совокупном аграрном производстве была очень значительной, а порой превышающей показатели общественного сектора. Если в 1930-е — 1940-е гг. в районах Севера подавляющую часть валовой сельхозпродукции давали колхозы, доля которых составляла в 1941 г. 74%, в 1945 и 1950 гг. по 68% всей валовой продукции сельского хозяйства Европейского Севера, то в Карелии распределение производимой продукции между категориями хозяйств существенно отличалось: здесь в 1940-е — 1950-е гг.

достаточно большую роль играли колхозные дворы (от четверти до трети ее валового объема), выше была и доля совхозного уклада²⁴⁶.

В 1950 г. в личных подсобных хозяйствах колхозников КФССР производство мяса и сала всех видов составило 52% к производству в общественном хозяйстве колхозов и личных хозяйствах колхозников; производство молока — 59%; валовой сбор картофеля составил 63% к валовому сбору в общественном хозяйстве колхозов и личных хозяйствах колхозников, овощей — 36%²⁴⁷. В целом же в приусадебных хозяйствах колхозников, рабочих и служащих Карело-Финской ССР в 1950 г. было произведено 70% картофеля, 36% овощей, 61% мяса и сала всех видов в убойном весе, 66% молока от общего объема производства сельскохозяйственной продукции²⁴⁸. Крестьянские хозяйства успешно конкурировали с колхозно-совхозной системой и по ряду других экономических показателей: урожайности, продуктивности скота. Личные хозяйства колхозников являлись также важнейшим источником совокупных доходов двора и основных продуктов питания колхозников.

Таким образом, во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. ужесточилась налоговая политика государства. Личные хозяйства колхозников не могли эффективно развиваться из-за всевозможных ограничений и непомерно высоких налогов. Тем не менее они играли существенную роль в общем объеме сельскохозяйственного производства в республике. Это достигалось за счет интенсификации труда в приусадебных хозяйствах колхозников, вынужденных увеличивать трудовые затраты в нерабочее время, чтобы прокормить свою семью и рассчитаться с государством по обязательным поставкам и налогам.

За годы, прошедшие после войны, деревня не только не достигла довоенного уровня производства, но и была поставлена на грань полного разорения. Острая нехватка рабочих рук и квалифицированных специалистов, простейшей техники, семян, сельскохозяйственных построек дополнилась тяжелым налоговым гнетом, административными и судебными мерами в отношении коллективных и индивидуальных хозяйств, не выполнявших планы обязательных заготовок продукции, нарушавших установленный порядок расчетов с государством. Росту производства препятствовала и существовавшая система планирования сельского хозяйства с ее чрезмерной централизацией.

После войны так же, как и в 1930-е гг., широкое распространение в республике получила практика привлечения колхозников на лесозаготовки в порядке трудовой повинности. Набор рабочей силы из колхозов на лесозаготовки в эти годы был по существу оформлен юридически, что создало легальную возможность ухода из деревни. Малочисленные колхозы, многие из которых насчитывали от 4 до 20 трудоспособных колхозников, не могли справиться с плановыми заданиями, с них ежегодно списывалась задолженность государству. Полученная колхозами Карелии в 1953 г. государственная помощь в 5 раз превысила стоимость полученной от них продукции.

Предпринятое в начале 1950-х гг. укрупнение мелких колхозов позволило несколько улучшить использование техники, осуществить специализацию производства в ряде хозяйств, однако в целом оно не могло изменить ситуацию в аграрном секторе экономики республики. Фактически восстановительные процессы в сельском хозяйстве края продолжались в начале 1950-х гг.

На рубеже 1940–1950-х гг. настоятельной необходимостью стал хотя бы частичный отход от состояния мобилизации и чрезвычайщины, которое не могло длиться долго. Перед аграрным сектором экономики стояли насущные задачи перехода от экстенсивных к интенсивным формам ведения хозяйства, от преобладания ручного труда к индустриальным методам. Однако попытки улучшить положение в аграрном секторе экономики в этот период сводились сначала к усилению административного воздействия на колхозы, а затем к частичным реорганизациям и уступкам крестьянству. Более решительные шаги в этом направлении были предприняты сентябрьским (1953 г.) пленумом ЦК КПСС.

Глава 3

1953 год И НОВАЯ АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕФОРМ УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ

Вторая половина 1950-х гг. явилась периодом поиска новых форм и методов руководства сельским хозяйством, когда была предпринята попытка перейти от жесткого «чрезвычайного» управления отраслью к управлению на основе сочетания централизованного планирования и хозяйственной самостоятельности колхозов и совхозов²⁴⁹. Конкретную программу мероприятий в этой области разработал сентябрьский (1953 г.) пленум ЦК КПСС. Решения пленума предусматривали изменение приоритетов экономического развития и курса аграрной политики государства, введены в действие стимулов, связанных с личной заинтересованностью в результатах труда.

Пленум проанализировал причины отставания сельского хозяйства: сосредоточение материальных, финансовых и людских ресурсов на развитии тяжелой промышленности в ущерб сельскому хозяйству и легкой промышленности; нарушение принципа материальной заинтересованности крестьян; ограничение личного приусадебного хозяйства и подчинение его общественному производству; массовый отток крестьян в города; неэффективное использование техники и низкая трудовая дисциплина. Пленум впервые признал, что в сельскохозяйственном производстве, как и в промышленности, действует закон стоимости, складываются себестоимость, цена, прибыль, рентабельность.

Предложенные пленумом меры, имевшие относительно радикальный характер, предусматривали значительное повышение заготовительных и закупочных цен на все виды сельскохозяйственной продукции, снижение норм обязательных поставок государству колхозами, личными хозяйствами колхозников, рабочих и служащих и т. д.

Правда, расчет на быстрый подъем сельского хозяйства в результате этих мер не лишен был утопизма: ставилась задача в ближайшие 2—3 года в достатке удовлетворить растущие потребности населения в продовольственных продуктах и обеспечить сырьем легкую и пищевую промышленность²⁵⁰.

1. Изменение налоговой и заготовительной политики. Новые подходы к планированию производства и оплате труда

По решению пленума ранее существовавшая система заготовок продуктов животноводства и растениеводства в порядке сверхплановой сдачи и закупок по предельно-закупочным ценам была заменена единой системой государственных закупок по повышенным ценам. Заготовительные цены увеличивались: на скот и птицу — в 5,5 раза, молоко и масло — в 2 раза, картофель — в 2,5 раза, овощи — на 25—40%; закупочные цены повышались в среднем на мясо — на 30%, молоко — в 1,5 раза. В 1955 и 1958 гг. цены были вновь повышены и более дифференцированы по зонам с учетом себестоимости²⁵¹. Пересматривалась система расчетов с колхозами за реализованную продукцию. Им стали оплачивать денежные авансы, часть которых предназначалась для выдачи колхозникам по трудодням в течение всего сельскохозяйственного года.

Одновременно снижались нормы обязательных поставок колхозами сельхозпродукции государству. Уменьшился удельный вес обязательных поставок в общем объеме заготовок сельхозпродуктов, и, наоборот, увеличились государственные закупки по более высоким ценам. С колхозов была списана вся задолженность государству по состоянию на 1 января 1953 г. Им предоставлялось право беспрепятственно продавать на рынке или в потребительской кооперации излишки картофеля и овощей после выполнения месячных планов сдачи продукции государству независимо от выполнения плана в целом по району²⁵². Была отменена уголовная ответственность за невыполнение обязательных поставок сельхозпродуктов колхозами и единоличными хозяйствами.

Позднее, в 1958 г., обязательные поставки колхозами сельхозпродукции были полностью отменены и заменены государственными закупками по повышенным ценам. Одновременно был изменен и порядок взыскания с колхозов платежей в бюджет, действовавший еще с 1937 г. и предусматривавший судебный порядок изъятия имущества в

счет недоимок по государственным и местным налогам и обязательным натуральным поставкам. Взыскание недоимок с колхозов стало производиться в порядке, установленном для государственных и кооперативных предприятий и организаций²⁵³.

Проще стала аграрно-экономическая структура. После ликвидации многочисленных заготовительных контор и роспуска налоговых инспекторов, уполномоченных, остались по сути два звена: колхоз и МТС или одно — совхоз, владевший техникой. Однако большинство хозяйств оказались слабо связаны между собой производственно-экономическими взаимоотношениями.

Важное значение придавалось осуществлению мер по усилению финансирования аграрного сектора, укреплению материально-технической базы и кадрового потенциала колхозов, усилению роли МТС в развитии колхозного производства. Начисление натуроплаты за работы МТС ставилось в зависимость от реальных результатов колхозного производства.

9 марта 1955 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об изменении практики планирования сельского хозяйства». В ходе обсуждения проекта постановления пленума по этому вопросу на общих собраниях колхозников республики вносились предложения по организации планирования сельскохозяйственного производства с учетом местных почвенно-климатических условий, многолетней практики, наличия рабочей силы и имеющихся пахотных угодий. Повсеместно высказывалась необходимость предоставления колхозам права по своему усмотрению определять основные направления развития хозяйства и структуру посевных площадей. Предлагалось наряду с утверждением государственного плана на текущий год доводить до колхозов плановые задания на будущий год и т. д.²⁵⁴

Часть этих предложений нашла отражение в постановлении ЦК КПСС. В нем серьезной критике подверглись Госплан и Министерство сельского хозяйства СССР за детальное планирование посевов по всем видам культур, видам скота и количеству поголовья, что не давало возможности колхозам и совхозам проявлять инициативу в более правильном и рациональном ведении хозяйства²⁵⁵. Новый порядок планирования сельскохозяйственного производства предполагал установление колхозам только объемов заготовки продуктов полеводства и животноводства: по обязательным поставкам, по натуроплате за работы МТС, по контрактации и закупкам государственных заготовительных органов и потребительской кооперации, а

также по объему тракторных работ, проводимых МТС в колхозах. Планирование начиналось снизу, с учетом местных условий и возможностей. Колхозам разрешалось самостоятельно определять размеры посевных площадей под сельскохозяйственные культуры и количество продуктивного скота, исходя из плана производства продукции на каждые 100 га сельхозугодий. В тех случаях, когда представленный колхозом вариант плана «снизу» не обеспечивал (по мнению вышестоящего руководства) выполнения планового государственного задания, райисполкомам вменялось в обязанность «рекомендовать» колхозам внести в свои планы необходимые изменения. Таким образом, местное руководство получило возможность на «законной основе» разверстывать между колхозами планы, спускаемые сверху.

Несмотря на введение нового порядка планирования, на местах почти ничего не изменилось. Не были установлены стабильные планы сдачи государству продукции на ряд лет, планы заготовок часто менялись, вводились дополнительные задания, что не позволяло хозяйствам в полной мере воспользоваться своими правами. Сроки доведения планов до хозяйств сплошь и рядом нарушались. Производственные планы колхозов на следующий год составлялись в сентябре — октябре, тогда как государственные заготовки доводились до хозяйств только в январе — феврале. Вследствие этого колхозам приходилось вносить коррективы в свои планы. Колхозам и совхозам предписывались свыше системы земледелия, структуры посевов, специализация хозяйств и т. д.

Выступая на собрании республиканского актива 16 февраля 1955 г., председатель колхоза «Коммунар» Сортавальского района Митраков отмечал, что в колхозе сохранилось формальное планирование, не учитывавшее возможности хозяйств, что привело к нерациональному использованию производственных ресурсов, высоким затратам труда и средств на единицу продукции. Исторически сложившимся направлением хозяйства в районах Приладожья являлось развитие животноводства, а плановые органы давали задания по посеву зерновых и пропашных культур. «И мы сеем и требуем из года в год от государства семена, — подчеркнул председатель колхоза, — а осенью подчас не собираем даже тех семян, которые сеяли весной. Летом 1954 г. по всем приладожским районам проходило обследование земель и выяснилось, что части пахотной земли и других сельхозугодий в хозяйствах не существует, так как она либо заболочена, либо заросла кустарником. Однако и после этого

план зерновых на 1955 г. нам дают, исходя из старого неверного земельного баланса»²⁵⁶.

Те же мысли звучали в выступлении председателя исполкома Петровского райсовета Алешина: «В планировании была такая практика, когда учитывали не по количеству наличия пастбищных угодий, а по количеству скота. В этом году нам дали план поднять залежей 80 га, а таких, пригодных для обработки механизмами, у нас нет». В выступлениях на собрании партийного актива Ведлозерского района в 1955 г. отмечалось, что перспективные планы колхозов являлись нереальными, составлялись наспех, формально и не учитывали возможности колхозов, а цифры спускались сверху, без согласования с председателями колхозов и колхозниками²⁵⁷.

По решению сентябрьского пленума ЦК КПСС были приняты меры по повышению материальной заинтересованности работников сельского хозяйства в развитии производства: снижены нормы обязательных поставок продукции с личных подсобных хозяйств, предусмотрены твердые ставки налогообложения в соответствии с размерами приусадебных хозяйств, изменена оплата труда. После сентябрьского пленума более широкое распространение получило денежное и натуральное авансирование колхозников. До этого времени колхозники получали заработную плату один или два раза в год, по итогам хозяйственной деятельности артели. Принятое 6 марта 1956 г. постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах» ввело форму денежной оплаты по дифференцированным расценкам труда. Постановление рекомендовало колхозам по решению общих собраний выдавать колхозникам ежемесячно в течение года авансом на трудодень не менее 25% денежных доходов, фактически полученных от всех отраслей общественного хозяйства, и 50% денежных средств, получаемых в виде авансов по контрактации, закупкам и обязательным поставкам сельскохозяйственной продукции. Аванс не мог превышать окончательную оценку трудодня, произведенную в конце года. Госбанку было рекомендовано по требованию колхозов зачислять эти средства на особый счет, с которого деньги могли расходоваться правлением колхоза только для выдачи колхозникам авансов и для распределения по трудодням²⁵⁸. Это позволяло колхозникам заранее знать свой заработок и создавало уверенность в оплате труда в течение года.

Введение ежемесячного авансирования явилось началом практического сближения форм оплаты труда в колхозах и на государственных предприятиях. К этому времени трудодень исчерпал свои возможности и не отражал конкретного количества труда и времени, затраченного колхозником на единицу продукции. К тому же введение гарантированного авансирования колхозников призвано было удерживать их в колхозах. В конце 1957 г. 47,9% всех колхозов СССР имели денежный фонд авансирования, 57,2% колхозов выдавали денежный аванс 4 и более раз в год, а 23% — ежемесячно²⁵⁹.

В Карело-Финской ССР за 1953–1956 гг. денежные доходы колхозов на 100 га сельхозугодий выросли с 6,9 тыс. руб. до 20,9 тыс. руб., а выдача на 1 трудодень деньгами увеличилась с 0,75 до 3,31 руб. Если в первом полугодии 1954 г. в целом по республике было выдано колхозникам в виде аванса 137,6 тыс. руб., или 59,9% из подлежащих выдаче средств, то в середине 1958 г. во всех колхозах применялось ежемесячное гарантированное авансирование колхозников в размере 3–7 руб. на выработанный трудодень²⁶⁰. Это значительно повысило материальную заинтересованность колхозов. Однако нередкими были нарушения в расходовании средств текущих счетов колхозов в Госбанке, которые использовались не на авансирование колхозников, а на производственные нужды колхозов. Оплата труда в разных колхозах была неодинаковой.

Одновременно был пересмотрен порядок денежной оплаты. Если раньше она устанавливалась сверху за перевыполнение плана в одинаковых размерах для всех колхозов края, области, республики, без учета уровня производства, то теперь она учитывала условия данного колхоза и поощряла высокие результаты работы. Колхозы самостоятельно могли устанавливать порядок и размер дополнительной оплаты труда колхозников «за перевыполнение планов урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства»²⁶¹. В ряде колхозов успешно применялась более прогрессивная оплата труда руководящих работников, установленная в зависимости от объема производства и реализации продукции.

В 1959 г. в 12 колхозах республики была введена денежная оплата труда колхозников без начисления трудодней. С одной стороны, эта мера существенно улучшила материальное положение членов сельхозартелей, с другой, введение гарантированной оплаты труда колхозников способствовало все большему превращению их в наемных рабочих²⁶².

В 1953 г. было принято новое положение о паспортах, которое узаконило выдачу краткосрочных паспортов «отходникам» на срок действия договора. Эта мера по существу ничего не меняла в правовом положении крестьян, прикрепленных к колхозам. Вплоть до 1965 г. они не имели государственных пенсий и до 1974 г. — паспортов. Колхозники не пользовались оплачиваемыми отпусками, не могли покидать свое место жительства.

Таким образом, реформы управления, осуществленные в аграрном секторе экономики по решению сентябрьского пленума ЦК КПСС, призваны были внести коррективы в послевоенную аграрную политику и несколько облегчить положение деревни. Изменение налоговой и заготовительной политики, введение нового порядка планирования и ежемесячного авансирования колхозников существенно повысили их материальную заинтересованность в развитии производства. Однако непоследовательность и противоречивость в их проведении в жизнь, сохранявшееся администрирование в отношении колхозов не позволили использовать потенциал реформ в полной мере.

2. Финансирование сельского хозяйства и укрепление материально-технической базы колхозов

В 1950-е гг. государство увеличило финансовые ассигнования на развитие сельского хозяйства, предоставило колхозам кредиты. После сентябрьского пленума были пересмотрены условия кредитования: удлинены сроки, расширен перечень мероприятий, на которые выдавались ссуды, а с 1955 г. почти вдвое снижена процентная ставка.

С колхозов были списаны долги по обязательным поставкам МТС, предоставлены льготы по подоходному налогу, на 40% снижены цены на запчасти, бензин, расценки за ремонт техники и т. д.²⁶³ Хотя капитальные вложения в сельское хозяйство в целом по стране в 1951–1960 гг. составили только 18% от общего объема капитальных вложений, но, по сравнению с предшествующим периодом, это было заметным достижением²⁶⁴. Объем капитальных вложений в аграрный сектор экономики в республике в 1959 г. в 6 раз превысил уровень 1953 г. и составил 54,1 млн руб.²⁶⁵ Однако как увеличение объемов капитальных вложений, так и их освоение быстрее происходило в совхозах:

Таблица 3. Освоение капитальных вложений в колхозах и совхозах

Освоено капитальных вложений (млн руб)	1954		1955		1956		1957	
	колхозы	совхозы	колхозы	совхозы	колхозы	совхозы	колхозы	совхозы
	6,8	12,4	9,3	18,9	11,9	32,4	12,8	39,7

Таким образом, за 1954–1957 гг. в колхозах было освоено 47,7 млн руб. капитальных вложений, а в совхозах — 140,2 млн руб., т. е. в три раза больше²⁶⁶. К 1959 г. капитальные вложения в колхозах существенно уменьшаются в связи с преобразованием значительной части колхозов в совхозы.

Особое внимание было обращено на укрепление материально-технической базы колхозов. В хозяйствах развернулись строительные работы. Для улучшения колхозного строительства при Совете Министров республики в начале 1954 г. был создан Главколхозстрой. За 1952–1956 гг. в колхозах республики силами промышленных предприятий, строительными организациями и колхозами было построено 292 скотных двора, 48 телятников, 148 свинарников, 47 овчарен, 109 конюшен на 33540 голов скота, помещения для птицы, силосные сооружения и т. д. Колхозы вложили в строительство животноводческих помещений 45,1 млн руб.²⁶⁷

В структуре основных производственных фондов сельского хозяйства преобладали средства производства, которые непосредственно не воздействовали на уровень производительности земледельческого труда (здания, сооружения, передаточные устройства и т. п.). Из-за медленного строительства и распыления средств по множеству объектов существовал значительный разрыв между капитальными вложениями и приростом основных фондов сельского хозяйства. В 1958 г., например, план строительства животноводческих помещений в колхозах КАССР был выполнен лишь на 28,8%. По этому показателю из 71 автономных республик, краев и областей РСФСР республика оказалась на последнем, 70-м месте (по Камчатской области не было данных)²⁶⁸.

Потребности колхозов и совхозов в технике, запасных частях, хозяйственном оборудовании частично удовлетворялись за счет их производства на промышленных предприятиях республики. В 1955 г. по заказу колхозов и совхозов артель «Кустпромметалл» освоила выпуск одноконных сенокосилок. Металлозавод организовал производство

телег, колес и т. д. На Соломенском лесозаводе были изготовлены силосные башни, передвижные кухни, домики для тракторных бригад²⁶⁹.

В январе 1954 г. секретарь ЦК КП Карело-Финской ССР А. Егоров обратился с письмом в Президиум ЦК КПСС, в котором отмечались особенности сельскохозяйственных угодий республики (мелкоконтурность, каменистость, заболоченность, открытая осушительная сеть с наличием узких полос) и обосновывалась необходимость поставки легкой, подвижной техники с высокой проходимостью. ЦК КП республики просил рассмотреть вопрос об организации промышленного производства сельскохозяйственных машин, пригодных для работы в северных условиях: самоходных комбайнов на гусеничном ходу с навесным копнителем, малогабаритных самоходных молотилок, самоходных сенокосилок и навесных поперечных граблей с шириной захвата около 4 м, малогабаритных картофелеуборочных комбайнов длиной не более 4—4,5 м и самоходного универсального силосного комбайна малой ширины захвата. Был также поставлен вопрос о создании тракторного культиватора для продольной междурядной обработки на мелких, узких участках пашни. В ответе Министерства машиностроения СССР на просьбу республики указывалось на полную пригодность использования выпускавшейся техники в условиях Карелии и содержалось обещание рассмотреть предложения о производстве новой техники при разработке плана опытно-конструкторских работ на 1955 г.²⁷⁰

Начиная с 1956 г. конструкторские учреждения и коллективы предприятий страны усилили работу по конструированию и внедрению в производство самоходных шасси с навесными и полунавесными орудиями к ним, а также гидравлических систем управления ими. В мае 1958 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление о переводе промышленности на выпуск навесных сельскохозяйственных машин и орудий. Завершился переход на производство дизельных тракторов, повысился удельный вес универсальных тракторов²⁷¹.

В результате разработки новых видов сельскохозяйственной техники произошли качественные изменения в материально-технической базе колхозов и созданных на их базе совхозов. Хотя с 1 июля 1956 г. по 1 июля 1960 г. количество тракторов в сельскохозяйственных предприятиях республики уменьшилось на 180, или на 14%, и на долю аграрного сектора приходился всего 1071 трактор (18% их общей численности в республике)²⁷², улучшился качественный состав

тракторного парка. К концу 1950-х гг. в сельском хозяйстве уже почти не применялись трактора, работавшие на керосине, по сравнению с 1956 г. в два раза уменьшилось количество тракторов марки «ХТЗ-7». В то же время увеличилось количество более совершенных пропашных тракторов. Пополнение хозяйств техникой шло в основном за счет приобретения новых, более усовершенствованных и пригодных для местных условий машин. Прицепные машины и орудия заменяются навесными, удобными для использования в условиях Севера, а крупногабаритные агрегаты — меньшими и более маневренными. Так, по сравнению с 1956 г. количество навесных тракторных плугов увеличилось на 53% (на 59 шт.), навесных культиваторов — в 3,7 раза (с 20 до 75 шт.)²⁷³. Широкое применение получили самоходные комбайны, машины для приготовления кормов, стогометатели и др.

Использование новых видов оборудования позволило в более широких масштабах механизировать сельскохозяйственные работы. В 1959 г. в колхозах республики сев зерновых был механизирован на 72%, уборка зерновых — на 67%, посадка картофеля — на 45%. Около половины, а в ряде случаев 60–70% трудоемких работ в животноводстве выполнялось при помощи машин и механизмов. Однако, несмотря на пополнение более совершенной техникой, уровень механизации сельскохозяйственного производства оставался низким. В 1959 г. уборка картофеля была механизирована на 30%, сенокосение — на 32%²⁷⁴.

Высоким был процент износа техники на предприятиях Министерства сельского хозяйства. В 1956 г. вследствие полного износа были непригодны к использованию 12% тракторных плугов общего назначения (в 1960 г. — уже 25%), 25% тракторных плугов специального назначения (в 1960 г. — 31%), 11% борон, мотыг и катков (в 1960 г. — 23%), 15% тракторных культиваторов (в 1960 г. — 28%), 23% зерновых тракторных сеялок (в 1960 г. — 33%), 26% сеялок тракторных специального назначения (в 1960 г. — 25%), 13% сено- и силосуборочных машин (в 1960 г. — 18%)²⁷⁵ и т. д. Низкой оставалась выработка на условный трактор на полевых работах, составившая в 1957 г. 71,9 га мягкой пахоты при плане 108,4 га²⁷⁶.

По уровню технической оснащенности, объему механизированных работ сельское хозяйство Карелии к концу 1950-х гг. находилось на начальном этапе индустриального развития. В то же время намечался переход от частичной к комплексной механизации, что позволило в основном завершить техническую реконструкцию отрасли и

создать принципиально новую материально-техническую базу производства²⁷⁷.

Сентябрьский пленум ЦК КПСС особое внимание уделил электрификации сельскохозяйственного производства. Получившая распространение в послевоенные годы практика строительства маломощных колхозных электростанций не оправдала себя и нанесла урон экономике колхозов. Строительство таких электростанций дорого обходилось колхозам, а работали они недолго. К тому же при строительстве не учитывалась целесообразность и экономическая выгода ГЭС. Так, Нюхотская электростанция строилась для одного колхоза, потребности которого определялись в 60 квт, в то время как потребности в электроэнергии близлежащих предприятий и организаций составляли 400–500 квт.²⁷⁸ На строительство тепловой электростанции в рыболовецком колхозе «Победа» (Кемский район) в 1953 г. было затрачено 140 271 руб., однако во время проектирования ГЭС не было учтено расстояние до источника водоснабжения, и электростанция работала с большими перебоями. В рыболовецком колхозе «Восход» на строительство ГЭС было затрачено 345 774 тыс. руб., но в технической документации не была предусмотрена головная плотина ГЭС и регулирующий уровень воды перемычка, поэтому электростанция могла бесперебойно работать только во время весеннего паводка.

Строительство многих других колхозных электростанций (Нижне-Путкинской и Великонивской в Заонежском районе, Коткозерской и Вагвозерской в Олонецком районе, Нюхотской, Сумпосадской и Вирмской в Беломорском районе, Вокнаволоцкой и Войницкой в Калевальском районе, Пильмасозерской и Авдеевской в Пудожском районе) также осуществлялось по недоброкачественным проектам, разработанным трестом «Главсельэлектро», и сдавалось в эксплуатацию с большими недоделками и низким качеством работ. К середине 1956 г. эти электростанции вышли из строя, что привело к большим убыткам колхозов и задолженности Сельхозбанку по ссудам. Восстановление ГЭС было признано нецелесообразным, и постановлением Совета Министров республики от 23 июня 1956 г. решено возместить из республиканского бюджета затраты на строительство ГЭС, на погашение ссудной задолженности и процентов по ссудам в сумме 538,6 тыс. руб.²⁷⁹

Во второй половине 1950-х гг. проектирование и строительство линий электропередач, сооружение трансформаторных подстанций, необходимых для снабжения сельских потребителей, стали производиться за счет колхозов и государства (до 1953 г. эти работы велись

только за счет колхозов). Постановлением Совета Министров СССР от 25 августа 1953 г. «О проведении работ по электрификации колхозов путем присоединения к государственным энергосистемам, промышленным и коммунальным электростанциям» был отменен один из пунктов постановления правительства от 29 июня 1950 г., запрещавший расходование материальных и денежных средств на электрификацию колхозов за счет присоединения к электросетям несельских электростанций²⁸⁰. Сентябрьский пленум 1953 г. закрепил этот курс и ориентировал промышленные министерства и ведомства на участие в строительстве сельских электростанций.

В республике была проведена работа по присоединению колхозов и совхозов к государственным высоковольтным линиям электропередачи, коммунальным и промышленным электростанциям, а также по строительству собственных электростанций. Из 80 рыболовецких колхозов в начале 1955 г. было электрифицировано 20, из них государственными электролиниями пользовались 11, а 9 имели свои электростанции²⁸¹. Однако использование электроэнергии в производственных процессах было незначительным. Это объяснялось как недостаточными капитальными вложениями в сельское хозяйство, так и относительной дороговизной электричества. В 1954 г. тариф на электроэнергию, отпускаемую государственными энергосистемами для нужд сельского хозяйства, был снижен с 3,7 до 1,9 коп. за квт/час, но даже и при этом снижении было выгоднее во многих случаях применять не электрические, а дизельные двигатели²⁸². К тому же не был преодолен дефицит электрооборудования в колхозах.

К 1959 г. были полностью или частично электрифицированы 40 из 41 совхоза, 44% рыболовецких колхозов и около 1/3 подсобных хозяйств. К этому времени в сельском хозяйстве республики насчитывалось 155 электростанций с общей установленной мощностью 4,7 тыс. кВт и имелось 1488 электродвигателей общей мощностью 7,6 тыс. квт. Удельный вес электроэнергии производственного назначения возрос в колхозах до 40%, в совхозах — до 90%, в РТС — до 92%²⁸³.

Укрепились связи сельского хозяйства с научными учреждениями республики. Широкое применение на практике нашли способы механизированной подготовки биологически активных торфяных удобрений, предложения по селекции сельскохозяйственных растений и внедрению новых высокопродуктивных сортов многолетних трав и др., разработанные сотрудниками Института биологии Карельского филиала АН СССР.

Увеличение финансирования аграрного сектора экономики и укрепление его материально-технической базы позволили к концу 1950-х гг. в основном завершить техническую реконструкцию отрасли, хотя уровень механизации и электрификации ряда производственных процессов, особенно в колхозах, оставался низким.

3. Кадры колхозов

Несмотря на пополнение колхозов кадрами специалистов после войны, эта проблема была еще далека от решения. В конце 1953 г. из 373 председателей сельскохозяйственных и 72 председателей рыболовецких колхозов республики только 42 являлись специалистами сельского хозяйства, лишь 1 имел высшее образование, 41 человек (9%) – законченное среднее, 13 (3%) – неполное среднее образование. 376 председателей колхозов (85%) имели начальное образование и 14 (3%) – образование ниже 4-х классов. Более чем в 100 колхозах не было агрономов или зоотехников²⁸⁴.

Сентябрьский пленум ЦК КПСС в качестве одной из первоочередных задач выдвинул задачу обеспечения колхозов руководящими партийными и советскими кадрами, специалистами с высшим и средним специальным образованием. В 1953 г. в 168 из 373 сельскохозяйственных колхозов состоялись отчетно-выборные собрания, во время которых было переизбрано 142 председателя колхозов. 58 председателей колхозов были сняты с работы за плохое руководство, а 6 человек – за нарушение Устава сельскохозяйственной артели. Из числа вновь избранных председателей колхозов 44 являлись специалистами сельского хозяйства. Состав руководящих кадров колхозов был укреплен коммунистами. Из 373 председателей сельскохозяйственных колхозов на 1 апреля 1954 г. 225 являлись членами и кандидатами в члены КПСС, 19 – членами ВЛКСМ²⁸⁵.

За год, прошедший после сентябрьского пленума, на руководящую партийную и советскую работу в сельскохозяйственные районы был направлен 131 человек, в том числе 15 работников аппарата ЦК КП КФССР, 5 работников аппарата Совета Министров республики, 30 работников министерств и ведомств. На должности директоров, главных инженеров, главных агрономов, главных зоотехников и зав. ремонтными мастерскими рекомендован 101 человек. В колхозы направлено 409 специалистов сельского хозяйства. Для улучшения агрономического и зоотехнического обслуживания колхозов из штатов МТС переведено в колхозы 217 специалистов.

Одновременно осуществлялась работа по возвращению в колхозы бывших колхозников, работавших в городах и рабочих поселках Карелии. В то время как в сельском хозяйстве республики ощущался острый недостаток рабочих рук, население городов и рабочих поселков быстро увеличивалось, в основном за счет сельского населения. Так, с 1946 по 1953 гг. население Петрозаводска увеличилось в два раза²⁸⁶. В результате проведенной работы в колхозы из городов и рабочих поселков вернулись 1442 человека. В письме в редакцию заводской газеты «Онежец» рабочий Онегзавода П. Д. Шубин писал: «Я проработал на Онежском машиностроительном заводе 19 лет. По призыву партии я еду в деревню Кижы Заонежского района, в свой колхоз для практического выполнения решений партии и правительства»²⁸⁷.

Комсомол к середине ноября 1954 г. направил на работу в сельское хозяйство республики 2453 человека, из них в колхозы — 1570 человек, МТС — 276 человек, в совхозы — 476 человек. Однако из-за необеспеченности нормальным жильем, задержки выплаты и низкой заработной платы 307 из них вернулись обратно, так и не приступив к работе²⁸⁸.

Только из Петрозаводска к январю 1955 г. в сельские районы республики на работу было направлено 1614 рабочих, служащих и специалистов сельского хозяйства, из них 219 коммунистов и 1003 комсомольца. 38 человек были назначены председателями колхозов, 5 — директорами совхозов, 65 направлены на партийную и советскую работу²⁸⁹.

В 1955 г. в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 марта «О мерах по дальнейшему укреплению колхозов руководящими кадрами»²⁹⁰ в стране была предпринята крупномасштабная акция по направлению на село не менее 30 тыс. человек из числа партийных, советских и хозяйственных кадров, инженеров, рабочих и служащих. По своим масштабам и методам осуществления эта кампания напоминала призыв 25 тыс. рабочих в сельское хозяйство в начале 1930-х гг., однако теперь в деревню направлялись не рабочие, а в основном — производственно-техническая интеллигенция, специалисты сельского хозяйства.

Одними из первых отозвались на обращение партии зам. заведующего сельхозотделом ЦК Компартии республики П. П. Рожков, директор республиканской партийной школы Н. Е. Овчинников, секретарь ЦК ЛКСМ республики В. С. Степанов, председатель исполкома Питкярантского райсовета М. Д. Дудкин и др. Из 615 человек, подавших в республике заявления и изъявивших желание поехать в колхоз,

ЦК Компартии республики отобрал на должности председателей колхозов 95 человек, из них были избраны 48 человек. При подборе кадров на руководящую работу в сельском хозяйстве особое внимание обращалось на политические и деловые качества, уровень образования. Ряд колхозов возглавили специалисты с сельскохозяйственным образованием: колхоз им. Егорова Олонецкого района — зав. учебной частью республиканской средней сельскохозяйственной школы Н. М. Демидов, имевший зоотехническое образование; колхоз «Сталинский путь» Петровского района — зам. зав. сельскохозяйственным отделом ЦК КП КФССР, агроном П. П. Рожков и др.

В составе 95 человек, отобранных в августе 1955 г. для работы председателями колхозов, высшее образование имели 24 человека, среднее — 20, неполное среднее — 9, семилетнее — 25, низшее — 9 человек. Из них 85 являлись членами и кандидатами в члены КПСС, 1 — комсомольцем и лишь 9 человек — беспартийными. По месту работы: 34 являлись партийными работниками, 15 — советскими работниками, 15 — работниками аппарата министерств и сельскохозяйственных органов, 13 — руководителями предприятий и цехов, 18 — инженерно-техническими работниками, мастерами, бригадирами, рабочими²⁹¹.

Однако нередкими были случаи, когда на руководящую работу в колхозы посылали людей, не знавших специфику сельского хозяйства и не имевших практического опыта в этой области. Так, зам. председателя исполкома Пудожского райсовета М. Н. Сорокин по решению сессии райсовета был рекомендован на работу в качестве председателя колхоза «1 Мая» Каршевского сельсовета. Обосновывая свое несогласие с решением сессии, М. Н. Сорокин написал в своем заявлении, что никогда в жизни не работал в сельском хозяйстве и не хочет загубить дела в колхозе. Из 20 лет трудовой деятельности он 4 года работал рыбаком, 2 года — избачем, 6 лет был в армии, после окончания республиканской партийной школы работал первым секретарем райкома комсомола, зам. председателя райисполкома по социально-культурным вопросам. За отказ от работы в колхозе решением сессии Пудожского райсовета М. Н. Сорокин был снят с работы²⁹².

Кадром, направленным на работу в сельское хозяйство, устанавливались существенные материальные льготы: повышенная зарплата, сохранение общего стажа по месту прежней работы, льготные кредиты на бытовое обустройство в деревне и др. По Карелии ежемесячная доплата за счет государства была установлена 99 председателям колхозов²⁹³.

Посланные из города на работу в деревню специалисты помогали деревенским кадрам усвоить навыки технической и производственной организации труда. Многие из них с большой ответственностью отнеслись к своему назначению и, болея душой за улучшение положения дел в колхозах, пытались разобраться в причинах отставания аграрного сектора республики. Направленный Петрозаводской партийной организацией на работу председателем колхоза «На страже» Олонецкого района А. Д. Смирнов в мае 1954 г. докладывал в ЦК КП КФССР о том, что из 104 членов колхоза работали в сельском хозяйстве 74 и то — нерегулярно, числились членами колхоза, но не работали годами — 30 человек, проживали в с. Видлица, но работали на производстве 125 человек²⁹⁴.

В ноябре 1954 г. А. Д. Смирнов вновь обратился в ЦК партии республики: «По решению ЦК КП КФССР в мае 1954 г. я был направлен на должность председателя колхоза. Направляя меня в колхоз, ЦК обещал помощь, а в действительности этого не произошло. Снова обращаюсь к вам: окажите практическую помощь в укреплении колхоза рабочей силой. При создавшемся положении колхоз не растет, а все слабеет. Имеющаяся рабочая сила в колхозе не достаточна, а, главное, почти не работают колхозники, за исключением колхозников, занятых в животноводстве. Колхозники отказываются работать бесплатно, заявляя, что мы больше за 200 граммов и 30 коп. деньгами на трудодни работать не будем. Нас обманывают из года в год, а перспектив на улучшение нет никаких. Колхозники нашего колхоза потеряли всякую веру в лучшую жизнь. Одним председателем колхоза не укрепить. Самое главное — нужны рабочие руки, а их нет. Обидно, что в таком населенном пункте, как Видлица, больше 2 тыс. жителей, а в колхозе нет рабочей силы. На работу приходит не больше 2—3 человек, а в отдельные дни не бывает никого. Для обеспечения кормами 76 голов крупного рогатого скота, 22 лошадей, 60 овец, 22 свиней требуется ежедневно не менее 6 человек, не говоря о других работах. Прошу вас дать положительный ответ и определить пути укрепления колхоза рабочей силой. В случае непринятия мер буду писать письмо на имя тов. Хрущева»²⁹⁵.

Хотя в ряде случаев направленные на работу в деревню руководящие кадры сумели укрепить хозяйства, наладить организацию труда и завоевали авторитет у членов колхоза, в большинстве своем «тридцатитысячники» глубоко не знали специфики сельскохозяйственного производства, деревенского образа жизни. В целом этот опыт оказался неудачным.

Серьезной проблемой оставалась подготовка кадров председателей колхозов. С середины 1950-х гг. предпочтение в подготовке руководящих кадров было отдано сельскохозяйственным техникумам. Подготовка специалистов средней квалификации для сельского хозяйства в республике осуществлялась в 3 техникумах: сельскохозяйственном, зооветеринарном и лесном. На 1 января 1954 г. в них обучалось соответственно 639, 346 и 120 человек²⁹⁶. Качество подготовки оставляло желать лучшего, так как зооветеринарный и лесной техникумы не имели своей учебно-производственной базы, а сельскохозяйственный техникум готовил специалистов многих профессий, что отрицательно сказывалось на уровне обучения.

С 1959 г. была полностью отменена ежемесячная денежная доплата председателям колхозов из государственного бюджета, введенная в 1955 г. Правительство республики и обком партии обратились в Совет Министров РСФСР с просьбой о сохранении денежных доплат председателям 59 колхозов Карелии на 1959 г.²⁹⁷

Во второй половине 1950-х гг. состав председателей колхозов существенно изменился. Если в 1953 г. членами и кандидатами в члены партии являлись 55% председателей сельскохозяйственных колхозов, то к началу 1958 г. — уже 71,4%. Число специалистов со средним специальным образованием среди председателей колхозов увеличилось с 9,7 до 32%, а имевших высшее образование составило 6%²⁹⁸.

Предпринимались меры по обеспечению хозяйств кадрами специалистов. Неэффективное использование специалистов в сельском хозяйстве, когда агрономы и зоотехники обслуживали по несколько колхозов, вынудило правительство искать пути выхода из этой ситуации. 20 августа 1955 г. постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению агрономического и зоотехнического обслуживания колхозов», агрономы и зоотехники были переведены из МТС в колхозы, на содержание колхозного бюджета с временной (в течение 3 лет) государственной дотацией. В зависимости от квалификации они получали доплату в размере от 300 до 500 руб. в месяц (в старом масштабе цен)²⁹⁹. С переводом специалистов в колхозы они лишились права на оплачиваемый отпуск, оплату больничных листов, существенно потеряли в зарплате, что усилило отток из колхозов квалифицированных кадров. В 1956 г. текучесть кадров специалистов в колхозах РСФСР составила 18% их общего числа, в 1957 г. — 21%, 1958 г. — 25%. Значительная часть ушедших из колхозов специалистов порвала с сельским хозяйством и де-квалифицировалась, что имело отрицательный не только хозяйственный,

но и социально-психологический эффект: падала привлекательность профессий агронома и зоотехника в глазах сельской молодежи³⁰⁰.

Выступая на пленуме обкома партии 27 июня 1958 г., министр сельского хозяйства республики Кравченко отмечал, что «партийные и советские органы, руководители предприятий и учреждений мирятся с тем ненормальным положением, когда многие специалисты сельского хозяйства не желают ехать в колхозы и совхозы, а устраиваются работать в городских и районных центрах не по специальности. Даже некоторые выпускники агрономического отделения Петрозаводского государственного университета отказываются ехать на работу в колхозы». Такие факты министр сельского хозяйства объяснял тем, что университет, его преподаватели оторваны от жизни, мало связаны с колхозным и совхозным производством³⁰¹.

В целом в середине 1950-х гг. в аграрном секторе республики положение с обеспеченностью кадрами специалистов было несколько лучше, чем в других отраслях. В 1957 г. из 131 главного агронома, главного зоотехника и главного ветврача в совхозах и МТС только 1 человек не имел специального образования, а почти 70% лиц, занятых на указанных должностях, имели высшее образование. В то же время среди инженерно-технических работников совхозов, МТС и подсобных хозяйств почти 50% (38 из 79) являлись практиками и не имели даже среднего специального образования³⁰². Высокой была текучесть кадров специалистов, они часто перемещались из одного хозяйства в другое без крайней необходимости. В 1957 г. по всем группам специалистов сменилось 25,4% специалистов, а по главным специалистам — 40,8%³⁰³.

Правительство республики принимало меры по улучшению обеспечения специалистами сельскохозяйственных предприятий. В 1957–1959 гг. в республику прибыло 700 специалистов сельского хозяйства, в том числе 177 — с высшим и 523 — со средним образованием. В 1959 г. удельный вес специалистов сельского хозяйства среди работавших в этой отрасли составлял 6,5% против 2,2% в 1950 г.³⁰⁴

На 1 января 1959 г. в системе Министерства сельского хозяйства республики работали 976 специалистов сельского хозяйства, из них с высшим образованием — 317, со средним — 659. Из общего числа специалистов сельского хозяйства 218 трудились в колхозах, из них 109 имели высшее и 7 — среднее образование. Обеспеченность кадрами специалистов в колхозах была значительно ниже, чем в совхозах. Так, на 1 января 1959 г. в совхозах работало в три раза больше

специалистов со средним специальным и высшим образованием (10% против 3% в колхозах)³⁰⁵.

Медленно решались проблемы подготовки кадров массовых профессий. С 1954 г. основной формой их подготовки стали училища механизации сельского хозяйства системы государственных трудовых резервов, созданные на базе бывших училищ и школ механизации сельского хозяйства, ряда ремесленных училищ и школ ФЗО. Они имели годичный срок обучения и готовили в основном трактористов, комбайнеров и их помощников. В 1951–1959 гг. в училищах механизации сельского хозяйства республики было подготовлено 2,7 тыс. рабочих³⁰⁶. Ввиду слабой материальной базы училища механизации сельского хозяйства не могли решить задачу подготовки кадров широкого профиля по нескольким смежным профессиям. Позднее, в 1962 г. они были переведены на базу 8-летней общеобразовательной школы и стали готовить кадры по 5 основным специальностям по полутрехгодовой и двухгодичной программам. Кроме училищ механизации, широко использовалась курсовая подготовка, индивидуальное и бригадное обучение новым профессиям. В результате на селе увеличилось число работников квалифицированного физического труда – механизаторов: трактористов, комбайнеров, шоферов, машинистов, работников, занятых на ремонте, наладке и техническом обслуживании техники.

Часть механизаторских кадров (менее 10%) направлялась в колхозы, совхозы и МТС целевым назначением за счет выпускников ремесленных училищ и школ ФЗО, часть – поступала из промышленных предприятий республики. Однако из числа обученных лишь каждый 6-й связывал свою трудовую деятельность с сельским хозяйством³⁰⁷.

К концу 1950-х гг. положение с кадрами специалистов в сельском хозяйстве республики существенно улучшилось. Колхозы и совхозы пополнились выпускниками учебных заведений Карелии, а также прибывшими в республику специалистами из других регионов страны. Расширилась подготовка кадров массовых профессий. Все это позволило обеспечить более квалифицированное руководство сельским хозяйством.

4. Место приусадебного хозяйства колхозников в аграрном производстве

В постановлении сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» было отмечено нарушение принципа материальной заинтересованности колхозов и колхозников в развитии производства, правильного сочетания

общественного и личного хозяйства, выразившееся в завышенных нормах поставок продукции и высоких налогах с приусадебных хозяйств. Следствием этого стало сокращение поголовья скота в личной собственности колхозников³⁰⁸. Пленум принял решения о списании задолженности прошлых лет по обязательным поставкам продуктов животноводства хозяйствами колхозников, рабочих и служащих по состоянию на начало 1953 г., о снижении норм этих поставок, а также о лучшем обеспечении скота колхозников кормами.

Принятый августовской (1953 г.) сессией Верховного Совета СССР Закон о сельскохозяйственном налоге установил новый порядок налогообложения. Ранее личные подсобные хозяйства облагались налогом с учетом доходов от каждой засеваемой на участке культуры, от каждого вида скота, независимо от размеров хозяйства, что сдерживало их развитие. Наиболее продуктивные хозяйства оказывались в самом невыгодном положении. Колхозники часто отказывались от коров, так как доход от них учитывался при обложении сельскохозяйственным налогом, причем по завышенным нормам доходности.

Система обложения была весьма сложной, часто допускались ошибки при определении размера облагаемого дохода. Кроме того, множественность форм заготовок, многообразие цен, различные условия оплаты, сложность системы учета и расчетов с поставщиками привели к созданию громоздкого и дорогостоящего заготовительного аппарата³⁰⁹.

Новый порядок налогообложения предусматривал твердые денежные ставки с каждой 1/100 гектара приусадебной земли (независимо от вида культур и общей суммы доходов с личного хозяйства колхозника и не члена колхоза). Они были дифференцированы по союзным республикам, с учетом их экономических особенностей. Кроме того, устанавливались предельные ставки, ограничивавшие отклонения от средних в сторону уменьшения или увеличения по отдельным автономным республикам, краям, областям, в зависимости от их экономических особенностей. В соответствующих пределах допускались отклонения от средних ставок также по отдельным районам, а в необходимых случаях — и по отдельным селениям. Предельные ставки налога с 1/100 га для РСФСР были установлены от 3 до 14 руб. при средней 8,5 руб. В среднем с каждого колхозного двора в СССР налог был уменьшен с 484 до 275 руб.³¹⁰

Сельскохозяйственный налог был дифференцирован также по группам плательщиков. С единоличных крестьянских хозяйств он взимался по твердым ставкам, установленным для колхозов, но увеличенным вдвое, т. е. на 100%. Таким же налогом облагались лица,

выбывшие из колхоза, независимо от срока и причин. Были установлены льготы по сельхозналогу и порядок рассмотрения жалоб на неправильное налогообложение. От налогообложения освобождались семьи погибших участников и инвалидов войны, партизан, инвалидов труда, военнослужащих, работники лесозаготовительных и лесосплавных предприятий, если размеры их хозяйств соответствовали установленным нормам. Сохранялись ранее действовавшие льготы хозяйствам престарелых граждан и членов их семей, сельской интеллигенции, переселенцев, колхозников, работавших на лесозаготовках и др. В то же время, при невыполнении отдельными членами семей колхозников установленного минимума трудодней, сумма налога на хозяйство повышалась на 50%. Налог увеличивался также, если член семьи выбыл из колхоза и работал по найму³¹¹.

В результате изменения принципов обложения стало возможным проводить исчисление сельскохозяйственного налога в начале календарного года, что позволило более равномерно распределять сроки уплаты налога в течение года. Общая сумма налога в 1953 г. уменьшилась на 43%, а в 1954 г. — в 2,5 раза по сравнению с 1952 г.³¹²

До реформы в более выгодном положении, с точки зрения налогообложения, находились приусадебные хозяйства, не имевшие скота, так как он облагался высокими налогами. В целях стимулирования увеличения количества скота в личной собственности колхозников была установлена скидка с исчисленной суммы налога в 1953 г. в размере 50% и в 1954 г. — 30% тем колхозникам, которые не имели коров в личных хозяйствах. С 1955 г. хозяйства, не имевшие коров, выплачивали налог полностью. После сентябрьского пленума улучшилась выдача сена колхозникам за счет 10% от общего количества сена, заготовленного для колхоза³¹³.

Принятые пленумом решения стимулировали рост количества крупного рогатого скота и свиней в приусадебных хозяйствах населения, хотя довоенный уровень к 1956 г. был достигнут только по количеству крупного рогатого скота. Количество же коров, овец и коз даже уменьшилось. Что касается приусадебных хозяйств колхозников, то по сравнению с 1940 г. количество крупного рогатого скота было меньше в два раза, в том числе коров — в 2,7 раза, свиней меньше в 5,2 раза, овец и коз — в 3 раза. Правда, надо учитывать, что к этому времени значительная часть колхозов была реорганизована в совхозы и подсобные хозяйства предприятий, и приусадебные хозяйства колхозников уже учитывались как хозяйства рабочих.

Таблица 4. поголовье скота в хозяйствах колхозников, рабочих, служащих и других групп населения (на 1 января; тыс. голов)³¹⁴

Годы	Крупный рогатый скот			В том числе коровы			Свиньи			Овцы и козы		
	Всего по республике	В личных подсобных хозяйствах населения	В том числе в хозяйствах колхозников	Всего по республике	В личных подсобных хозяйствах населения	В том числе в хозяйствах колхозников	Всего по республике	В личных подсобных хозяйствах населения	В том числе в хозяйствах колхозников	Всего по республике	В личных подсобных хозяйствах населения	В том числе в хозяйствах колхозников
1941	85,6	37,2	26,5	50,8	30,9	21,7	36,7	18,4	11,4	77,7	62,6	40,1
1946	44,4	21,2	14,7	22,3	15,0	10,4	3,0	0,3	0,1	31,2	24,4	15,8
1951	88,4	39,1	17,5	46,2	29,9	13,3	23,5	6,8	1,9	90,5	65,0	22,8
1953	73,6	30,8	12,1	42,9	26,2	10,3	21,7	6,7	1,4	80,9	56,8	15,6
1956	70,7	37,2	13,6	39,8	23,5	8,1	30,9	13,9	2,2	58,5	52,9	12,8
1958	79,0	39,3	6,6	47,6	28,5	5,0	43,2	12,2	1,5	64,2	63,8	10,1

Постановление Совета Министров республики от 23 сентября 1953 г. предусматривало снижение налога с доходов от неземледельческих занятий в сельской местности. От уплаты подоходного налога были освобождены мужчины старше 60 лет и женщины 55 лет и старше, а также граждане 1-й и 2-й групп инвалидности, доход которых от сельского хозяйства не превышал 600 руб. в год. Колхозники и единоличники, занимавшиеся кустарными и ремесленными промыслами, обязаны были регистрировать свои промыслы³¹⁵.

Существенно уменьшилась общая сумма налогов, сборов и затрат колхозного крестьянства на приобретение облигаций и госзаймы. Если в начале 1950-х гг. она составляла 20% всех денежных расходов крестьянского двора Европейского Севера, то в 1953 г. — до 11%, а к концу 1950-х гг. — до 3,5% общих денежных расходов колхозников³¹⁶.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 21 сентября 1953 г. в КФССР были снижены нормы обязательных поставок государству продуктов животноводства хозяйствами колхозников, рабочих и служащих. Они были установлены в следующих размерах: мяса — 30 кг в живом весе с хозяйства колхозника в год; молока — 100 л в год с одной коровы; шерсти — 200 г в год с каждой овцы³¹⁷. В 1954 г. колхозники, рабочие, служащие, члены рыболовецких и промысловых артелей были освобождены от обязательных поставок зерна. Повысились заготовительные цены на мясо, молоко, шерсть, картофель и овощи, сдаваемые колхозниками государству в порядке обязательных поставок.

Однако уровень обязательных поставок продукции личными хозяйствами оставался высоким. В результате в середине 1950-х гг. в Карелии доля хозяйств, не выполнивших их полностью по отдельным видам продукции, даже возросла. Если в 1953 г. доля недоимщиков по мясу составляла 18,8% хозяйств, то в 1956 г. — 34,3%, по продуктам растениеводства — соответственно 14,5 и 16,5%³¹⁸.

Постановлением Совета Министров СССР от 13 апреля 1954 г. была отменена уголовная ответственность за невыполнение обязательных поставок сельхозпродуктов колхозами и единоличными хозяйствами. Ее заменили штрафом в размере 1-2-кратной стоимости несданных продуктов, а также лишением права пользования приусадебным участком на срок до 2 лет. Вместе с тем в качестве меры наказания сохранялась опись имущества и изъятие продукции в бесспорном порядке³¹⁹. После 1954 г. решения по взысканию недоимок принимались уже не судом, а райисполкомами. Только в 1955 г. в КФССР было вручено

2832 предупреждения недоимщикам по мясу, в 76 хозяйствах произведена опись имущества (что составило 50% от числа всех недоимщиков), по 254 хозяйствам приняты решения о взыскании недоимок. Недоимщики по молоку получили 3513 предупреждений, у 111 хозяйств было описано имущество (84% недоимщиков), решения о взыскании недоимок были приняты по 370 хозяйствам³²⁰.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах помощи по организационно-хозяйственному укреплению колхозов и совхозов Карело-Финской ССР» от 1 марта 1956 г. колхозникам республики были предоставлены льготы: они освобождались от обязательных поставок сельхозпродукции государству в 1956–1960 гг.; с хозяйств колхозников списывалась числившаяся за ними на 1 января 1956 г. задолженность по обязательным поставкам государству мяса, молока, шерсти, кож и картофеля³²¹.

Впервые за два десятилетия тягостное бремя, которое несло сельское население, было облегчено, что сказалось на улучшении результатов производственной деятельности приусадебных хозяйств колхозников, рабочих и служащих. Из-за неполноты сведений по индивидуальным хозяйствам воспользуемся данными Статистического управления республики, исчисленными расчетным путем с использованием косвенных показателей. Согласно этим сведениям, в 1955 г. валовой надой молока в совхозах составил 11,4 тыс. т, в колхозах — 10,1, а в индивидуальных хозяйствах колхозников — 14,8 тыс. т, рабочих и служащих — 32,6 тыс. т. В 1956 г. частный сектор произвел 63% валовой продукции молока, 54% мяса и сала, 59% картофеля, 11% овошей, 91% яиц³²².

При этом производство молока в личных приусадебных хозяйствах колхозников в 1955 г. составило 59% к общему производству в общественном хозяйстве колхозов и личных хозяйствах колхозников, в то время как в РСФСР — 56%, в Коми АССР — 43%. Производства мяса и сала всех видов соответственно: в КФССР — 64%, в РСФСР — 54%, в Коми АССР — 36%³²³.

Принятая 20 августа 1956 г. новая Конституция Карельской АССР зафиксировала, что каждый колхозный двор, кроме основного дохода от общественного коллективного хозяйства, мог иметь в личном пользовании небольшой приусадебный участок земли и в личной собственности — подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь — согласно Уставу сельскохозяйственной артели. В статье

10 подчеркивалось, что «право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, их жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан, — охраняются законом»³²⁴.

Между тем именно в середине 1950-х гг. вновь усилилось наступление на личные хозяйства колхозников, рабочих и служащих. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г. «Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели» подчеркивалось: что «Весь опыт колхозного строительства убедительно говорит о том, что наиболее полное удовлетворение личных потребностей колхозников может быть осуществлено только путем всемерного развития общественного производства колхозов. Личное приусадебное хозяйство колхозного двора должно носить подсобный характер... У нас уже имеется немало колхозов, в которых производство сельскохозяйственных продуктов достигло такого уровня, когда натуральные и денежные доходы, получаемые колхозниками по трудодням от общественного хозяйства, настолько возросли, что колхозник не заинтересован иметь личное подсобное хозяйство в размерах, предусмотренных Уставом». Колхозам было рекомендовано при определении размеров приусадебных участков не допускать «увеличения приусадебного земельного фонда за счет общественных земель колхоза, а, наоборот, стремиться к его сокращению»³²⁵. Обновленный Устав сельхозартели ограничивал продажу колхозами продукции на рынке, уменьшил нормы содержания скота в личных хозяйствах.

Проводившаяся со второй половины 1950-х гг. политика ограничения приусадебных хозяйств сильнее всего сказалась на состоянии животноводства в индивидуальном секторе. Постановлением Совета Министров СССР от 27 августа 1956 г. колхозникам и другим гражданам, державшим скот в личной собственности, запрещалось использовать в качестве корма для скота хлеб, крупу и другие продукты, приобретенные в государственных и кооперативных магазинах. Отдаленность пастбищ и сенокосных угодий, трудности с обеспечением животных зернофуражом и концентрированными кормами, запрещение колхозам и совхозам продавать населению поросят и другие причины сдерживали развитие домашнего животноводства.

С 1 января 1958 г. обязательные поставки колхозных дворов, а также хозяйств рабочих и служащих были полностью отменены. В июне 1958 г.

постановлением Совета Министров СССР «Об отмене обязательных поставок и натуроплаты за работы МТС, о новом порядке, ценах и условиях заготовок сельскохозяйственных продуктов» повышенные закупочные цены, установленные для колхозов, были распространены и на продукцию, продаваемую государству колхозниками³²⁶.

Некоторые послабления в отношении личных приусадебных хозяйств позволили увеличить производство сельскохозяйственной продукции. В 1958 г. в целом по стране личные подсобные хозяйства давали 27% товарной продукции мяса, 16% молока, 61% яиц, 11% шерсти³²⁷. В Коми АССР в 1958 г. 52,2% валовой продукции сельского хозяйства приходилось на индивидуальный сектор колхозников, рабочих, служащих и подсобные хозяйства промышленных предприятий³²⁸.

Подобное положение сложилось и в Карельской АССР. В 1959 г. в приусадебных хозяйствах рабочих, колхозников и служащих было сосредоточено 57% молочного стада, практически все поголовье коз и овец, 20% свиней. В отдельных районах поголовье коров в общественном секторе играло по существу ничтожную роль и составляло в Кемском районе — 28%, в Кондопожском — 32%, Беломорском — 33%, Пряжинском — 37%. По данным официальной статистики, в 1958 г. в личных хозяйствах населения республики было получено 47,1% валовой продукции сельского хозяйства, в 1959 г. — 43,1%³²⁹.

Таблица 5. Удельный вес колхозов, совхозов, других государственных хозяйств и приусадебных хозяйств населения в производстве сельскохозяйственных продуктов (в процентах)³³⁰

	Колхозы, совхозы и другие государственные хозяйства						Приусадебные хозяйства колхозни- ков, рабочих, служащих и других категорий населения					
	1940	1950	1953	1955	1957	1959	1940	1950	1953	1955	1957	1959
Картофель	65	30	22,6	45,7	43,9	48,8	35	70	77,4	54,3	56,1	51,2
Овощи	85	64	83,8	92,6	95,0	95,8	15	36	16,2	7,4	5,0	4,2
Мясо и сало	—	39	43,1	59,7	50,0	62,6	—	61	56,9	40,3	50,0	37,4
Молоко	35	34	30,9	37,4	40,2	45,2	65	66	69,1	68,5	59,8	54,8
Яйца	—	3	5,9	9,9	12,4	24,8	—	97	94,1	90,1	87,6	75,2

Хотя в 1953–1959 гг. удельный вес индивидуальных хозяйств в производстве основных видов сельскохозяйственной продукции снизился: мяса и сала — с 57 до 37%, молока — с 69 до 55%, картофеля — с 77 до 51%, овощей — с 16 до 4%, яиц — с 94 до 75%, абсолютное производство продукции в них, за исключением овощей, возросло³³¹.

В общем совокупном доходе колхозной семьи в РСФСР подсобные хозяйства играли также отнюдь не вспомогательную роль. В 1953–1960 гг. подсобное хозяйство членов колхозов приносило семье от 42 до 46% всего ее совокупного дохода в год (в 1946–1951 гг. – от 42 до 65%) в то время, как доход от общественного хозяйства составлял от 33 до 40% (в 1946–1951 гг. – 15–20%)³³². В середине 1950-х гг. 20–25% трудовых затрат (по времени работы) всех членов крестьянских семей Нечерноземья использовалось в личном хозяйстве, доход от которого составлял около 50% совокупного дохода двора³³³.

В условиях Карело-Финской ССР при недостаточном уровне развития общественного сельского хозяйства, отсутствии централизованного снабжения сельской местности продуктами животноводства и растениеводства, неразвитости транспорта и сельской торговли личное хозяйство для всех категорий населения являлось одним из главных источников получения основных продуктов питания и составляло непереносимое условие воспроизводства рабочей силы. Исключительное значение оно имело для колхозного крестьянства, являясь существенным источником фонда потребления, регулятором общих доходов семьи, формой возмещения затрат труда в общественном производстве.

Несмотря на полную отмену обязательных поставок с приусадебных хозяйств, стимулировавшую рост поголовья скота, наступление на приусадебные хозяйства было продолжено. На декабрьском (1958 г.) пленуме ЦК КПСС было заявлено, что «с ростом общественного хозяйства колхозов личное хозяйство колхозников будет постепенно утрачивать свое значение. Колхозникам станет выгоднее получать продукты из колхоза, чем тратить свой труд на их производство в личном хозяйстве. Это будет содействовать дальнейшему росту производительности труда и принесет большое облегчение колхозникам и особенно колхозницам, даст им возможность больше иметь времени для отдыха, образования, культурного роста и участия в общественной жизни»³³⁴. В качестве одного из путей решения животноводческой проблемы стало рассматриваться обобществление скота личных хозяйств, что еще больше обострило продовольственное положение.

12 августа 1959 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках», предусматривавший «по мере улучшения государственной торговли молоком и молочными продуктами, мясом и мясными продуктами решать вопросы о запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих не только в

столицах автономных республик, краевых, областных центрах и прилегающих к ним окрестностях, но и в других городах и их окрестностях, а также в рабочих поселках»³³⁵. Согласно Указу скот изымался с выплатой его стоимости по государственным заготовительным ценам, действовавшим до 1958 г. при оплате скота, сдававшегося хозяйствами колхозников, рабочих и служащих в порядке обязательных поставок.

10 сентября 1959 г. бюро обкома партии рассмотрело вопрос о запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках республики. Бюро подчеркнуло, что содержание скота в личной собственности граждан «приводит к расходованию значительного количества хлеба и других продовольственных товаров из государственных фондов, приводит к спекуляции, создает антисанитарные условия в городах и рабочих поселках»³³⁶.

На местах немедленно началась реализация постановления, причем нередко с грубыми нарушениями. Скот изымался не только у рабочих и служащих, но и у колхозников, причем фактически за бесценок. От рабочих совхозов требовали сдать скот в течение нескольких месяцев, угрожая в случае отказа лишить их выпасов³³⁷. Лицам, имевшим личный скот, отводились пастбища и выгоны с плохим травостоем, расположенные далеко от селений. Лишь в конце 1964 г. был отменен ряд ограничений, касающихся содержания скота в личных хозяйствах.

В 1950-е гг., по данным земельных балансов, шло постоянное сокращение размеров землепользования крестьянского двора:

Таблица 6. Землепользование колхозного двора в Карелии за 1953–1960 гг.³³⁸ (включая рыболовецкие колхозы)*

Годы	Число хозяйств колхозников	Всего приусадебной земли (тыс. га)	В том числе сельхоз. угодий	В том числе		Приусадебной земли в среднем на 1 хозяйство (соток)
				пашни	сенокосов	
1950	22682	4,4	3,7	3,7	—	19,4
1953	19478	3,8	3,3	3,2	0,1	19,5
1954	19344	3,8	3,3	3,3	—	19,6
1955	15943	3,1	2,7	2,7	—	19,4
1956	8983	1,6	Нет свед.	1,1	—	17,8
1957	8085	1,4	1,1	1,1	—	17,3
1958	7154	1,3	1,0	1,0	—	18,2
1959	4892	0,9	0,8	0,8	—	18,4
1960	1131	0,2	0,1	0,1	—	17,7

**Примечание. Дополнение автора (Л. В.)*

Дважды — в середине 1950-х гг. и конце 1950-х — начале 1960-х гг. было проведено массовое сокращение крестьянских участков. По Нечерноземью в целом размер приусадебной земли в среднем на один двор сократился с 34,4 сотки в 1950 г. до 31,9 сотки в 1958 г., в Карелии — с 19,4 сотки до 18,2 сотки³³⁹. Это вызвало многочисленные нарушения землепользования со стороны крестьян, самовольный захват отрезанной у крестьян и заброшенной земли, сенокосных участков.

Таким образом, ограничение приусадебных хозяйств колхозников, снижение цен на колхозном рынке, повышение закупочных цен, некоторое увеличение продажи продовольственных товаров в государственной и кооперативной торговле привели к снижению товарности приусадебных хозяйств колхозников. Однако, несмотря на усиление тенденции к свертыванию приусадебного хозяйства, оно было сохранено как социальный институт. Более того, в конце 1950-х — начале 1960-х гг. не произошло значительного спада в производстве личных подсобных хозяйств, их удельном весе в общей продукции сельского хозяйства (за исключением держателей скота в городах и рабочих поселках). Здесь сказался большой запас прочности, созданный для них в 1953—1958 гг.

5. Результативность принятых сентябрьским пленумом ЦК КПСС решений в области сельского хозяйства

Экономические и организационные меры, предпринятые в 1950-е гг. в области сельского хозяйства, дали определенный импульс его развитию. Эти меры явились одной из главных причин оживления деревни. Они позволили значительно увеличить денежные доходы сельхозартелей Карелии и отчисления на трудодни, которые составили в 1953 г. 19,3% от общей суммы доходов колхозов, а в 1954 г. — 24,7%, в 1955 г. — 27,1%, в 1956 г. — 40,6%³⁴⁰.

По данным выборочного обследования 20 сельхозартелей в 7 районах республики, их денежные доходы в 1956 г. увеличились на 35% по сравнению с 1955 г. За счет отмены поставок зерна, снижения поставок ряда продуктов сельского хозяйства и роста производства увеличилась выплата по трудодням. Если в 1955 г. на 1 трудодень было выдано 580 г зерна и 1 руб. 36 коп. деньгами, то в 1956 г. — соответственно 800—810 г зерна и 2 руб. 20 коп.³⁴¹

Некоторым колхозам благодаря предоставленным государством льготам, повышению заинтересованности в результатах труда и четкой

его организации удалось во второй половине 1950-х гг. добиться определенных успехов. Председатель одного из таких колхозов — колхоза «Шунгский» Заонежского района — Ф. И. Дерибин в 1959 г. опубликовал брошюру, в которой поделился опытом ведения хозяйства. В колхозе насчитывалось 144 крестьянских семьи с числом трудоспособных 145 человек. За одним из крупнейших колхозов района было закреплено 6644 га земли. До 1956 г. хозяйство являлось отстающим. Правление колхоза решило изменить отношение членов артели к колхозному труду путем повышения материальной заинтересованности. Прежде всего был изменен порядок предоставления колхозникам приусадебных участков. Размер участков был установлен в зависимости от участия членов артели в общеколхозных работах. Так, семье, имевшей 3—5 трудоспособных работников, при выработке каждым из них по 250 трудодней, выделялось 0,3 га приусадебной земли; при наличии 2-х трудоспособных и выработке по 250 трудодней — 0,25 га; при одном трудоспособном — 0,2 га. При невыработке установленного минимума трудодней приусадебные участки определялись в меньшем размере — 0,05—0,1 га на семью³⁴². Колхозный транспорт для личных целей членам артели также предоставлялся в зависимости от участия в колхозных работах.

Особое внимание обращалось на укрепление производственных бригад, наведение порядка в оплате труда. Правление колхоза внесло много нового в оплату труда административного и обслуживающего персонала, трудодни которому начислялись также в зависимости от произведенной продукции. При такой системе оплаты труда повысилась заинтересованность административно-хозяйственных работников в увеличении производства продукции. Росту производственной активности колхозников способствовало введенное в 1956 г. ежемесячное авансирование. В 1958 г. колхозники каждый месяц получали аванс по 5 руб. на трудодень. Если в 1955 г. средняя выработка на трудоспособного колхозника составляла 269 трудодней, то в 1957 г. — 386 трудодней³⁴³. Прекратился уход колхозников на заработки в промышленность, в 1957—1958 гг. в колхоз вернулись 8 человек, ушедшие на работу в другие отрасли.

Основные показатели деятельности колхоза в полтора — два раза превысили средние показатели по району. Доходы от реализации продукции животноводства за 1955 — сентябрь 1958 гг. возросли в 4 раза, от реализации картофеля — в 35,5 раза, от других отраслей — в 10,6 раза. В целом же доход колхоза за это время увеличился со 151 тыс. руб. до

855 тыс. руб. Значительно повысилась урожайность основных сельскохозяйственных культур: в 1958 г. был получен урожай ржи в среднем по 11 ц, а на отдельных участках — по 18–20 ц с га; картофеля — 100 ц с га, а на отдельных участках — 150–200 ц с га. Надой молока на фуражную корову увеличился с 599 до 2522 кг, т. е. в 4,2 раза³⁴⁴.

В д. Падмозеро Заонежского района были созданы молодежные звенья и бригады, оплата труда которых производилась по количеству вложенного труда и полученному результату. Благодаря ликвидации уравниловки и обезлички в оплате труда выросло производство продукции, а оплата трудодня с 1953 по 1959 гг. увеличилась в 9 раз. В колхозе «Волкостров» того же района была введена денежная оплата труда, и в неделимый фонд колхоза отчислялось 20% заработанных средств. Это позволило накопить на текущем счету артели 30 тыс. руб.³⁴⁵ В 8 колхозах республики в 1959 г. была установлена оплата труда руководящих кадров в зависимости от производства продукции³⁴⁶.

Результаты производственной деятельности улучшились и в ряде других колхозов республики. Так, в колхозе «Шунгский» Заонежского района за 1953–1958 гг. удои молока на корову увеличились в 5,6 раза (с 505 до 2826 кг), им. Сталина Заонежского района и им. Калинина Олонецкого района — в 4 раза (соответственно с 530 до 2130 кг и с 563 до 2235 кг) и др.³⁴⁷ Высоких показателей в работе добились заонежский колхоз «Красный шуньжанин», совхоз «Салми» Питкярантского района, колхоз им. Тельмана Сортавальского района и др. Председателю колхоза им. Тельмана А. О. Дубровскому впоследствии было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В 1953–1958 гг. валовая продукция сельского хозяйства республики возросла с 31,5 млн руб. (по основным видам в сопоставимых ценах) до 99 млн руб. т. е. более чем в три раза, причем прирост производства был достигнут, главным образом, за счет повышения урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности скота³⁴⁸.

Снизилась себестоимость производства основных видов продукции. Улучшилось положение колхозов, неделимые фонды которых в 1953–1958 гг. увеличились в 1,5 раза, основные средства производства — в 2 раза, а денежные доходы — в 3,6 раза³⁴⁹. Рост производства сельскохозяйственной продукции, совершенствование налогообложения способствовали увеличению оплаты труда колхозников по трудодням. В

1958 г. сумма натуральной и денежной оплаты по трудодням составила 12300 тыс. руб. против 4238 тыс. руб. в 1953 г., а доходы колхозников от общественного хозяйства в расчете на одного работающего выросли за это время с 836 до 2751 руб.³⁵⁰

Определенные успехи в развитии сельского хозяйства республики во второй половине 1950-х гг. были налицо, вместе с тем темпы роста сельского хозяйства не отличались устойчивостью, а исходные позиции были довольно низкими. Новые, более высокие цены на сельскохозяйственную продукцию не создавали равных условий для хозяйств с различной специализацией и уровнем развития. К тому же непрерывное повышение цен на промышленную продукцию в соответствии с ростом ее себестоимости уже к концу 1950-х гг. обесценило прибыли колхозов и совхозов³⁵¹.

Оставался разбухшим заготовительный аппарат. Заготовку сельскохозяйственных продуктов в республике в 1955 г. осуществляли одновременно 4 самостоятельных организации: уполномоченный Министерства заготовок, контора «Заготовживсырье», Карфинпотребсоюз и Главное управление мясомолочной промышленности. Аппарат этих организаций насчитывал 923 человека³⁵².

Учитывая незначительные размеры сельскохозяйственного производства в Карелии, Совет Министров республики и областной комитет партии провели работу по упрощению и удешевлению аппарата сельскохозяйственных органов. В этих целях в 1956 г. было осуществлено объединение Министерств сельского хозяйства и совхозов в одно — Министерство сельского хозяйства, что позволило сократить 308 человек с годовой экономией 2,1 млн руб.³⁵³

В целом производство основных видов сельскохозяйственной продукции в республике осталось убыточным. Валовая продукция сельского хозяйства по всем категориям хозяйств в 1955 г. составила лишь 74% к 1950 г. (в сопоставимых ценах 1951 г.), в том числе по колхозам — 74%, совхозам — 104%, личным хозяйствам колхозников — 46%³⁵⁴.

Намеченный сентябрьским пленумом партии курс на необходимые в сельском хозяйстве преобразования быстро был свернут, новый порядок планирования так и не осуществлен. Не были созданы финансовые и материально-технические предпосылки для внедрения интенсивных методов хозяйствования. Непоследовательность в осу-

ществлении преобразования аграрного сектора экономики, его организационная необеспеченность, преобладание административных путей решения проблем над использованием материальных стимулов производства и т. д. свели на нет то положительное, что было достигнуто в колхозах и совхозах.

Недостатки экономического механизма пытались вновь подменить организационными мерами. Вскоре верх стали брать непродуманные решения, прожектерские проекты, рассчитанные на невиданный подъем сельского хозяйства и благосостояния народа в кратчайшие сроки — освоение целины, кукурузная кампания, ликвидация МТС и продажа их техники колхозам в кратчайшие сроки, реорганизация районного и вышестоящих звеньев управления и др.

Глава 4

ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОЛХОЗНОЙ СИСТЕМЫ КАРЕЛИИ (1953–1960 гг.)

Среди реорганизаций, осуществленных в аграрном секторе экономики во второй половине 1950-х гг., центральное место занимает преобразование колхозов в совхозы.

Первые шаги по реформированию колхозного строя в стране были предприняты уже в конце 1954 – начале 1955 гг. Они коснулись сравнительно небольшой группы слабых колхозов, расположенных в западных и центральных районах страны (Ленинградской, Новгородской, Московской, Смоленской, Калужской областях), понесших за годы войны наиболее тяжелые потери. Кроме них, в 1955 – начале 1956 гг. на базе экономически слабых колхозов было создано еще 62 совхоза в других областях РСФСР, в Карелии, Белоруссии и Прибалтийских республиках³⁵⁵.

Официально начавшаяся реорганизация колхозов мотивировалась необходимостью избавления от отсталых колхозов, но по существу представляла собой целенаправленную политику огосударствления колхозно-кооперативной собственности. Эта политика базировалась на упрощенных схемах и представлениях о переходе советского общества к коммунистическим общественным отношениям и о государственной форме собственности как высшей по отношению к кооперативной. Процесс сближения форм собственности, и прежде всего по уровню обобществления, считался важнейшим залогом стирания существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом, рабочим классом и колхозным крестьянством.

Очевидно, были и другие причины преобразования колхозов в совхозы. Особенности колхозного производства и налоговой системы не давали государству возможность изымать в бюджет всю вновь произведенную стоимость (как это происходило в совхозах), чтобы потом

определенную ее часть вернуть в виде зарплаты. В лучшем случае для колхозов с высокими доходами государство могло установить повышенные нормативы отчислений в неделимые фонды.

1. Первый опыт реорганизованных хозяйств и положение колхозов республики в середине 1950-х гг.

22 февраля 1955 г. Совет Министров и ЦК КП КФССР приняли постановление «О расширении хозяйства совхозов, организации и расширении подсобных хозяйств промышленных предприятий за счет передачи им земель и общественного имущества ряда колхозов Карело-Финской ССР»³⁵⁶. В соответствии с постановлением в виде опыта на базе 77 колхозов и 12 МТС в республике было образовано 13 совхозов и 3 звероводческих фермы, 40 колхозов влились в уже существующие совхозы. На землях 55 колхозов создано 21 подсобное хозяйство леспромхозов, основными направлениями которых являлись свинооткормочное и картофелеводческо-овощное³⁵⁷.

Так, пригородному совхозу им. Зайцева были переданы земли и общественное имущество колхозов «Красный партизан» Прионежского района, им. Молотова Кондопожского района и им. Гуркина Пряжинского района. С присоединением колхозов совхоз получил дополнительно более 900 га пахотной земли, около 3 тыс. га сенокосных угодий и более 950 га пастбищ, и его посевная площадь увеличилась почти в 3 раза³⁵⁸. Это позволило улучшить снабжение населения столицы республики овощами и картофелем. В то же время хозяйство совхоза оказалось территориально разбросанным, оно располагалось на территории 4-х пригородных районов в радиусе около 35 км, что существенно затрудняло оперативное руководство сельскохозяйственными работами.

По воспоминаниям М. И. Захарова, возглавившего в 1955 г. колхоз им. Ленина в д. Готнаволок (Кондопожский район), колхозники сомневались в необходимости преобразования колхоза, так как положение значительно улучшилось после решений сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС. В то же время закупочные цены оставались низкими. В 1956 г. колхоз им. Ленина вошел в совхоз «Кончезерский», объединивший все колхозы района.

Проведенная в марте 1955 г. реорганизация ряда слабых колхозов благодаря значительным государственным инвестициям и лучшей организации труда дала некоторые положительные результаты. Повысилась

урожайность сельскохозяйственных культур, выросло количество скота в хозяйствах и его продуктивность³⁵⁹. Возрос уровень технической оснащенности хозяйств, усилилась специализация и концентрация производства. С передачей колхозов совхозам и подсобным хозяйствам часть трудоспособных членов семей колхозников вернулась из промышленных предприятий в совхозы.

«Первым руководителем совхоза „Толвуйский“, в который входили все деревни Кузаранды, Вырозера и Падмозера, стал Владимир Дерусов, — вспоминал В. Лукьянов. — Надо сказать, у совхоза были неплохие результаты. В иные годы „Толвуйский“ сдавал до 40 т картофеля, это десятая часть всех производимых в республике клубней. Были хорошие надои молока, выполнялось задание и по мясным поставкам»³⁶⁰.

Надежды, которые руководство республики возлагало на реформирование колхозного строя, были обусловлены крайне тяжелым положением коллективных хозяйств КФССР. Хотя после сентябрьского пленума увеличились поступления от государственных поставок, денежные доходы колхозов были низкими. В 1953 г. весь денежный доход 373 сельскохозяйственных колхозов республики составил 20 600 тыс. руб., или в среднем 55 тыс. руб. на 1 колхоз. Денежный доход до 20 тыс. руб. получили 88 колхозов, а свыше 100 тыс. руб. — только 49 колхозов. Денежная задолженность колхозов государству на 1 мая 1954 г. в два раза превысила их годовой доход и составила 40 500 тыс. руб.³⁶¹

Денежные доходы колхозов республики были значительно ниже, чем в целом по РСФСР. В середине 1950-х гг. разница в доходах еще больше усилилась. Если в 1949 г. на 1 колхоз республики приходилось почти в 3 раза меньше денежного дохода, чем в целом по РСФСР (соответственно 23 тыс. руб. и 66 тыс. руб.), то в 1954 г. — уже в 6,5 раз меньше (соответственно 88 и 568 тыс. руб.)³⁶². Получаемые ежегодно колхозами семенные, продовольственные и фуражные ссуды в 2–3 раза превосходили сдачу ими зерна государству. Задолженность колхозов Сельхозбанку на 1 января 1956 г. составила 32,6 млн руб., Госбанку — 7,3 млн руб., в то время, как весь денежный доход колхозов за 1955 г. не превышал 20 млн руб.³⁶³ Не выполняя план по доходам, многие колхозы были вынуждены расходовать на производственные нужды и оплату трудодней средства неделимых фондов.

Государство ежегодно списывало с колхозов задолженность по денежным и натуральным ссудам. Только в 1956 г. была списана задолженность прошлых лет по ссудам, подоходному налогу и денежной

оплате МТС в сумме 3,5 млн руб. Кроме того, по линии Сельхозбанка и Госбанка отсрочены на 5 лет платежи по ссудам в сумме 7 млн руб. Без учета расходов, связанных с оплатой городского населения и студентов, привлеченных на сельскохозяйственные работы, государственные затраты на колхозное производство составили 24,2 млн руб., тогда как стоимость сданной колхозами государству продукции за год в закупочных ценах составила 7,5 млн руб. Кроме того, колхозы республики задолжали Сельхозбанку и Госбанку 19,5 млн руб.³⁶⁴

Общественное хозяйство многих колхозов пришло в упадок и поддерживалось лишь благодаря помощи государства. В большинстве колхозов основные средства производства и продуктивный скот были приобретены почти наполовину за счет государственных средств. Так, удельный вес государственных средств, вложенных в основные средства производства, по колхозам Пудожского района составил 54%³⁶⁵. Строительство общественных построек и приобретение техники в этих артелях велось исключительно за счет государственного кредита. В некоторых артелях очередные платежи только по ссудам Сельхозбанка превышали сумму годовых отчислений в неделимые фонды.

Многие колхозы насчитывали всего до 30 трудоспособных колхозников, а в 74 колхозах их число составляло от 4 до 20 человек. Несмотря на тяжелое положение колхозов, крестьяне обязаны были выплачивать средства по подписке на государственные займы, которые ежегодно не выполнялись. В 1950-е гг. продолжалась практика привлечения колхозников на лесозаготовки, которые в это время приобретают широкомасштабный характер. В 1955 г. ЦК КП КФССР обратился в Совет Министров СССР с просьбой о прекращении с 1955 г. привлечения колхозников на лесозаготовительные и сплавные работы, так как колхозы испытывали острый недостаток рабочей силы и не справлялись с выполнением плановых заданий³⁶⁶.

Оплата трудодня в колхозах была крайне низкой. В 1953 г. 38 колхозов совсем не выдавали на трудодни зерно, 287 колхозов — картофель и 12 колхозов — денег³⁶⁷. В 1957 г. денежная оплата трудодня по отстающим колхозам при почти полном отсутствии натуральных выдач не превышала 3—4 руб. на трудодень³⁶⁸. При этом оплата трудодня существенно различалась по районам республики. Так, в 1957 г. было определено к выдаче на один трудодень в сельскохозяйственных колхозах по зонам МТС.³⁶⁹

Таблица 7. Выдача продуктов и денег на трудодень и себестоимость трудодня в денежном выражении по зонам МТС в 1957 г.

МТС	Зерна (г)	Картофеля (г)	Овощей (г)	Сена (кг)	Денег (руб.)	Себестои- мость трудо- дня в денеж- ном выраже- нии с учетом натуральных выдач (руб.)
Великогубская	620	—	50	2,4	2=95	5=35
Заонежская	608	3	13	2,8	3=20	5=93
Ухтинская	—	530	76	3,1	3=45	5=40
Кондопожский рай- он	300	—	—	2,4	5=00	8=03
Олонецкая	645	265	197	2,3	4=24	6=82
Куйтежская	440	150	230	2,6	3=56	5=23
Песчанская	270	540	230	2,7	2=26	4=59
Пудожская	500	38	280	2,7	2=50	5=20
Ругозерский район	417	640	100	2,8	3=80	7=48
Лавоярвинская	596	370	299	2,3	6=28	9=44

Норма выдачи зерновых в республике оставалась на том же уровне, что и в конце 1940-х гг., а в составе трудодня она уменьшилась в 2,3 раза, что было связано с сокращением полеводства и специализацией на мясо-молочном животноводстве. Совсем не выдавали на трудодни масло и яйца, в незначительных количествах выдавались мясо и молоко.

Таблица 8. Оплата трудодня в сельскохозяйственных колхозах КФССР³⁷⁰

	1940 г.	1944 г.	1946 г.	1948 г.	1950 г.	1952 г.	1954 г.	1956 г.	1958 г.
Зерно, кг	0,97	1,5	0,6	1,2	0,9	0,5	1,04	0,81	0,39
Картофель, кг	0,94	0,3	0,4	1,2	0,1	0,25	0,57	0,22	0,09
Овощи, кг	0,16	0,2	0,4	0,3	0,12	0,02	0,33	0,1	0,04
Сено, кг	0,95	1,9	1,4	1,4	1,13	1,0	2,3	2,0	2,85
Солома и мякина, кг	1,14	1,8	0,5	—	0,52	0,1	0,04	0,2	0,12
Деньги, руб.	1=13	0=60	1=29	0=85	0=53	0=35	1=19	3=31	5=08

Низкая оплата трудодня обуславливала незаинтересованность колхозников в развитии общественного производства. Среднегодовая выработка трудодней одним трудоспособным колхозником в Карелии была ниже, чем в ряде областей Северо-Запада: в 1956 г. она составила 346, в то время как, например, в Архангельской области — 398,

в Ленинградской области — 381. Средняя же денежная оценка трудодня колхозника в Карелии равнялась 6 руб. 10 коп., в Архангельской области — 5 руб. 19 коп., в Ленинградской области — 7 руб. 39 коп.³⁷¹

По подсчетам О. М. Вербицкой, во второй половине 1940-х — 1950-х гг. ежегодно от 12 до 19% российских крестьян не вырабатывали годового минимума трудодней³⁷². Для Карелии, как и в целом для России, была характерна тенденция к увеличению доли колхозников, не вырабатывавших минимума трудодней. Так, в 1949 г. не выработали обязательного минимума трудодней 3,8% трудоспособных колхозников сельскохозяйственных артелей, в 1950 г. — 4,3%, 1953 г. — 12,2%, 1954 г. — 14,9%, 1955 г. — 16,8%, 1956 г. — 16%, 1957 г. — 16,2%³⁷³. Лишь к концу 1950-х гг. доля не выработавших минимума трудодней колхозников снизилась по региону Европейского Севера до 6–7%, возросла среднегодовая выработка на трудодень, однако это не делало его более полновесным³⁷⁴.

Вологодским историком Т. М. Димони подробно проанализированы причины невыполнения минимума трудодней колхозниками Европейского Севера России во второй половине 1940–1950-х гг. Среди них: уход на заработки на лесозаготовки, в промышленные предприятия, отсутствие детских садов и яслей в большинстве колхозов, низкий уровень механизации производства, низкая оплата труда³⁷⁵.

Корреспондент газеты «Ленинская правда» П. Политов 9 ноября 1957 г. направил письмо Секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву, в котором вскрыл целый ряд недостатков в руководстве сельским хозяйством в районе Калевалы. В письме говорилось о ликвидации в колхозах района овцеводческих и птицеводческих ферм, сокращении площадей посевов картофеля и овощей, уменьшении маточного поголовья коров, хранении техники под открытым небом. Приводились такие факты бесхозяйственности, как, например, порча всей заготовленной в 1957 г. колхозами района сельскохозяйственной продукции на складах отдела рабочего снабжения Ухтинского леспромхоза, что принесло государству убытки за 10 месяцев в сумме около 200 тыс. руб.³⁷⁶ Корреспондент сообщал о фактах иждивенческой практики ряда колхозов района. Так, в колхозе «Красная звезда» в 29 хозяйствах имелся всего 21 трудоспособный работник. Вследствие отдаленности от райцентра на 150 км и от ближайшего населенного пункта на 90 км при полном бездорожье колхоз был лишен возможности вывоза и реализации производимой продукции, механизации трудоемких работ и электрификации села. За колхозом было закреплено 28 га пашни, 98 га сенокосов и 70 га

пастбищ. На фермах колхоза содержалось 47 голов крупного рогатого скота, в том числе 26 коров. Колхоз давал государству в год 2574 кг мяса, 13 тыс. кг молока, 6 кг шерсти. В то же время по линии райпотребсоюза для колхозников ежегодно завозилось 45 т продовольственных товаров. Стоимость перевозки одной тонны груза обходилась государству в 760 руб. В 1956 г. денежный фонд колхоза составил 82 149 руб., а на содержание 14 служащих деревни государством выплачивалась заработная плата в сумме 85 360 руб. в год³⁷⁷. В 1957 г. стоимость сельхозпродукции, сданной и проданной колхозом государству, страховые и прочие платежи составили 37,5 тыс. руб., а затраты государства на обслуживание населения деревни Бабыя Губа — 179,96 тыс. руб.³⁷⁸ Подобные колхозы были в каждом районе республики.

Так, после рассмотрения на бюро обкома партии положения дел в колхозах Лоухского района в сентябре 1955 г. туда была направлена на две недели комиссия для оказания помощи райкому партии³⁷⁹.

Сложным было положение рыболовецких колхозов, где на добычу рыбы затрачивалось около 2/5 рабочего времени, т. е. на 30% меньше, чем на сельскохозяйственные работы, являвшиеся подсобной отраслью хозяйства. На эти работы привлекалось до половины и больше членов колхоза. Такая ситуация вынуждала колхозы идти на крайние меры. 22 октября 1954 г. на бюро ЦК КП КФССР был рассмотрен вопрос о грубых извращениях в практике руководства колхозами в Тунгудском районе, где райком партии и райисполком санкционировали массовый забой скота в рыболовецких колхозах. С января 1953 г. до октября 1954 г. в этих колхозах поголовье коров уменьшилось на 56%, свиней — на 44%, полностью были ликвидированы овцефермы с поголовьем 159 овец³⁸⁰. При этом некоторые колхозы района не рассчитались полностью с государством по поставкам мяса. Бюро ЦК КП сочло такую практику антигосударственной и поручило прокурору республики расследовать факты массового уничтожения скота в колхозах района и привлечь виновных к ответственности.

Между тем Тунгудский райком партии и райисполком неоднократно обращались в ЦК КП и Совет Министров республики с просьбой о помощи экономически слабым колхозам района, которые из-за отдаленности от райцентра, бездорожья, недостатка рабочих кадров, отсутствия пригодных земель для применения механизмов не имели перспектив развития. В январе 1954 г. 5 колхозов Тунгудского района были переведены на Устав рыболовецкой артели («Вперед», им. Антикайнена, «Рабочий», «Восход», «Красный пахарь»)³⁸¹.

Реорганизация сельскохозяйственных артелей в рыболовецкие сопровождалась забоем скота. Так, на отчетно-выборном собрании членов колхоза «Вперед» (25 февраля 1954 г.) было принято решение полностью ликвидировать стадо овец и свиней, а число крупного рогатого скота сократить с 44 до 10³⁸². Аналогичные явления были отмечены в колхозах Пудожского, Кемского, Кестеньгского, Лоухского, Ругозерского, Сегежского и Прионежского районов.

В 1953–1955 гг. были предприняты меры по облегчению положения рыболовецких колхозов: они были освобождены от заданий по производству сельскохозяйственной продукции, повысились заготовительные цены на рыбу и т. д., что способствовало некоторому увеличению доходов от рыболовства³⁸³.

В качестве одной из форм оказания помощи сельскому хозяйству со стороны государства, как и в 1920–1930-е гг., рассматривалось шефство промышленных предприятий над колхозами, совхозами и МТС. Хотя после сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС изменился подход к организации шефства предприятий и организаций над колхозами и все шефские работы на селе должны были проводиться за счет средств колхозов, многие колхозы и МТС не имели средств для возмещения шефам произведенных ими затрат, поэтому помощь по-прежнему оказывалась бесплатно.

На 1 января 1954 г. шефством было охвачено 22 МТС и 165 колхозов республики, однако, по неполным данным, ремонт, строительство и работы по механизации животноводческих помещений силами шефствующих организаций велись лишь в 68 колхозах³⁸⁴. При этом закрепление шефов за колхозами проводилось в основном по месту их расположения, и не имевшие промышленных предприятий районы не получали никакой помощи. Не были привлечены к шефству предприятия лесной промышленности, не определялись конкретные объемы и сроки оказания помощи, в результате она расплывалась на выполнение мелких нужд колхозов и МТС.

В 1954 г. рабочие и служащие Петрозаводска отработали в колхозах и совхозах, главным образом, на уборке урожая, 220 тыс. человеко-дней. Горожанами было построено и отремонтировано в колхозах более 80 животноводческих помещений, 37 овоще- и зернохранилищ³⁸⁵. Рабочие Онежского завода построили скотный двор на 100 голов скота в подшефном колхозе «Коммунар» Пудожского района, артель «Куст-промметалл» — небольшую электростанцию для Эссойльской МТС³⁸⁶. Коллектив завода № 789, взявший шефство над колхозами им. Ленина

и им. Сталина Прионежского района, отработал в сельском хозяйстве 7950 человеко-дней, при этом затраты завода по выплате заработной платы рабочим и служащим, работавшим в колхозах в период уборочной кампании, а также по работе автотранспорта составили 160 тыс. руб. Управление Кировской железной дороги совместно со строительно-монтажным поездом № 138 затратило на помощь 4 колхозам и МТС Ведлозерского района 763,8 тыс. руб.³⁸⁷

В связи с острым недостатком рабочей силы в колхозы ежегодно для проведения сельскохозяйственных работ привлекалось большое количество рабочих и служащих (более 13 тыс. человек)³⁸⁸, что дорого обходилось государству. Только в 1954 г. затраты государства на оплату труда привлеченных на сельскохозяйственные работы горожан составили 12 млн руб., тогда как колхозы сдали государству продукцию всего на 17,6 млн руб.³⁸⁹ Широко использовался на сельскохозяйственных работах труд студентов, школьников. В июне 1954 г. в колхозах и совхозах республики работали 397 учащихся 6–10 классов³⁹⁰. В 1956 г. на заготовку кормов по разнарядке предусматривалось послать 3220 человек, в том числе 1150 студентов вузов и средних учебных заведений республики³⁹¹.

К началу 1956 г. в республике насчитывалось 352 колхоза, из них 263 сельскохозяйственных и 89 рыболовецких, 29 совхозов, 24 МТС, 4 ММС, 1 ЛМС.³⁹² Несмотря на значительные капитальные вложения в сельское хозяйство в послевоенные годы, общий объем сельскохозяйственного производства в республике в 1955 г. остался на уровне 1940 г., а по некоторым отраслям даже не достиг довоенного уровня³⁹³. По сравнению с довоенным уровнем более чем на треть сократились посевные площади, малопродуктивным оставалось животноводство, мало производилось картофеля и овощей. Только в 1954 г. в республику было завезено 17,2 тыс. т картофеля, 11,3 тыс. т овощей, 7,4 тыс. т мяса, 29,2 тыс. т масла и молочных продуктов в переводе на молоко. За счет же собственного производства получено 13,3 тыс. т картофеля, 7,7 тыс. т овощей, 3,1 тыс. т мяса, 16,5 тыс. т молока. В следующем, 1955 г., картофеля завезено уже 20 тыс. т, а овощей – 14,5 тыс. т³⁹⁴.

Учитывая тяжелое положение колхозов республики, 1 марта 1956 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах помощи по организационно-хозяйственному укреплению колхозов и совхозов Карело-Финской ССР». В нем отмечались серьезные ошибки в руководстве сельским хозяйством республики: укрупнение многих колхозов без учета природно-экономических условий

и территориальной разбросанности населенных пунктов; запущенность животноводства; низкая урожайность сельскохозяйственных культур вследствие грубых нарушений агротехники, недооценки семеноводства, внесения удобрений и известкования почв; низкий уровень оплаты трудодня в колхозах; уход населения из колхозов на работу в лесную промышленность и другие отрасли народного хозяйства.

Колхозам и совхозам республики был предоставлен ряд льгот. С сельскохозяйственных и рыболовецких колхозов списывалась вся числившаяся за ними на 1 января 1956 г. задолженность по обязательным поставкам, натуроплате за работы МТС и по возврату ссуды зерна, картофеля, овощей, сена, мяса, молока и шерсти. Министерству финансов СССР и Госбанку было предложено списать в виде исключения со слабых колхозов числившуюся за ними задолженность по ссудам Сельхозбанка в сумме до 2,5 млн руб.; рассрочить экономически слабым колхозам на 5 лет платежи по ссудам Сельхозбанка, подлежащие уплате в 1956—1957 гг., в сумме до 4 млн руб. (начало погашения платежей было установлено с 1960 г.); отсрочить в виде исключения колхозам республики на 2 года погашение задолженности по ссудам Госбанка в сумме до 3 млн руб.; списать с колхозов задолженность по подоходному налогу в сумме до 0,5 млн руб. и задолженность прошлых лет по денежной оплате за работы МТС и специализированных станций в сумме до 0,5 млн руб.

Предусматривалось также освобождение сельскохозяйственных и рыболовецких колхозов Карелии, начиная с 1956 г., от обязательных поставок государству зерна, овощей, картофеля, сена и шерсти. Нормы обязательных поставок молока и мяса были снижены на 50% сроком на 5 лет при соответственном увеличении государственных закупок молока, мяса, картофеля и овощей. Кроме того, государство взяло на себя расходы по проведению в колхозах республики в 1956—1960 гг. проектно-изыскательских работ, строительства, переустройства, восстановления и капитального ремонта осушительной сети, а также выполнению работ по уничтожению кустарников на сельхозугодиях химическим способом. Госэкономкомиссии СССР было предложено выделить правительству республики 60 т семян клевера, 40 т семян вики, 5 тыс. т минеральных удобрений, 5 тыс. т концентрированных кормов.

Для вновь организованных совхозов разрешалось выделить дополнительно на капитальные вложения 5 млн руб. за счет общего объема капитальных вложений в республике на 1956 г., на организационные расходы — 1,8 млн руб. и на прирост собственных оборотных средств —

1 млн руб. за счет бюджета республики на 1956 г. Совхозам была установлена временная надбавка к сдаточным ценам на молоко, мясо крупного рогатого скота и свинину на 1956–1958 гг. в размере 35% и в виде исключения разрешено направлять плановые прибыли не на капитальные вложения, а в фонд укрепления и расширения хозяйства³⁹⁵.

Постановление признало целесообразным продолжить практику реорганизации экономически слабых колхозов в совхозы и с учетом накопленного в 1955 г. опыта включить в состав совхозов и подсобных хозяйств еще 150 колхозов Карелии, а 20 перевести на устав рыболовецких артелей³⁹⁶.

15 марта 1956 г. Совет Министров КФССР принял постановление «Об организации новых и укрупнении существующих совхозов и подсобных хозяйств Карело-Финской ССР», которое предусматривало организацию 8 новых совхозов молочного и молочно-овощного направления (Шелтозерского, Эссойльского, Кончезерского, Ведлозерского, Вешкельского, Якимского, «Прибой» и «Большевик») на базе 68 колхозов общей площадью сельхозугодий 49,8 тыс. га. 14 существующим совхозам передавались земельные угодья 29 колхозов (площадь сельхозугодий — 14,7 тыс. га). Промышленным предприятиям республики для организации и расширения подсобных хозяйств и наделения кадровых рабочих приусадебными участками передавались земельные угодья 74 экономически слабых колхозов площадью 32,9 тыс. га. Ко вновь организуемым и укрупняемым совхозам перешла техника, оборудование и другое имущество Якимской, Ладвинской, Салминской, Эссойльской, Шелтозерской, Кайнинской, Ведлозерской, Петровской МТС, а также часть техники Беломорской МТС, Приладожской ММС и Прионежской ЛМС. В целях усиления работ на концентрированных вырубках и осушения заболоченных лесных площадей предусматривалось организовать на базе лесхозов и упраздняемых МТС Линдозерский, Медвежьегорский, Беломорский, Заонежский и Кондопожский механизированные лесхозы с передачей им техники и оборудования МТС. На лесхозы была возложена задача выполнения тракторных работ по договорам с сельскохозяйственными и рыболовецкими колхозами и подсобными хозяйствами³⁹⁷.

Хотя производство во вновь организованных совхозах было убыточным, в течение 1956 г. они удвоили валовое производство сельскохозяйственной продукции и в основном своими силами справились с проведением работ³⁹⁸. Товарная продукция, поступившая в государственные ресурсы в 1956 г. по 8 новым совхозам, увеличилась по сравнению

с продукцией, сданной в 1955 г. колхозами: по картофелю — в 8 раз, по мясу — в 9,6 раза, по молоку — в 1,8 раза, овощам — в два раза³⁹⁹. Государственные расходы на содержание административно-управленческого аппарата в этих совхозах сократились по сравнению с содержанием аппарата упраздненных МТС на 50%, или на 1630 тыс. руб. в год. Из МТС было освобождено более 200 человек, большинство из которых перешли работать на производство⁴⁰⁰.

Реорганизация колхозов проходила ускоренными темпами: в 1954 г. в республике насчитывалось 360 сельскохозяйственных артелей, в 1955 г. — 262, в 1956 г. — 84⁴⁰¹. В 1955—1956 гг. свыше 190 мелких колхозов республики прекратили свое существование⁴⁰². На их базе были созданы совхозы и подсобные хозяйства промышленных предприятий. После проведенной реорганизации в Карелии осталось 84 сельскохозяйственных, 87 рыболовецких колхозов и 8 МТС⁴⁰³.

В 1956 г. на долю совхозов и подсобных хозяйств предприятий пришлось 28% производства молока в республике, 32% мяса, 30% картофеля, 78% овощей, на долю же колхозов — всего по 7—8% этой продукции. Остальную часть продукции произвели подсобные хозяйства колхозников, рабочих и служащих⁴⁰⁴. На 100 га сельхозугодий в совхозах было произведено молока в два раза, мяса — в 1,2 раза больше, чем в колхозах⁴⁰⁵.

Некоторое улучшение показателей производственной деятельности совхозов по сравнению с колхозами послужило основанием для дальнейшей реорганизации аграрного сектора республики. 15 декабря 1956 г. правительство республики и обком партии обратились в Министерство сельского хозяйства РСФСР и бюро ЦК КПСС по РСФСР с просьбой о расширении размеров землепользования 7 существовавших совхозов за счет передачи им 19 экономически слабых колхозов, создании 8 новых совхозов на базе МТС и земель 73 колхозов, а также расширении подсобных хозяйств предприятий лесной и других отраслей промышленности за счет земель и общественного имущества 18 колхозов. Предусматривалось, что при осуществлении этих мероприятий сельскохозяйственное производство республики будет представлено совхозами и подсобными хозяйствами⁴⁰⁶.

Решение о дальнейшем преобразовании колхозов в совхозы принималось, несмотря на то, что совхозы республики также работали неудовлетворительно. В 1956 г. лишь 3 из 32 совхозов закончили год с прибылью. Задолженность совхозов по ссудам Госбанку оценивалась на 1 января 1957 г. в 6,3 млн руб., поставщикам — 0,6 млн руб.⁴⁰⁷

Таким образом, несмотря на принятые после сентябрьского пленума ЦК КПСС меры, положение колхозов республики оставалось тяжелым. Государство ежегодно списывало с них задолженность по ссудам, подоходному налогу, денежной оплате МТС. Попытка улучшить ситуацию в аграрном секторе экономики за счет преобразования экономически слабых колхозов в совхозы как в целом по стране, так и в республике, не дала однозначных положительных результатов. С одной стороны, в укрупненных хозяйствах повысился уровень технической оснащенности, усилилась специализация и концентрация производства, сократились расходы на содержание административно-управленческого аппарата. С другой стороны, при реорганизации колхозов в совхозы и подсобные хозяйства промышленных предприятий часто не учитывались природно-экономические условия, территориальная разбросанность населенных пунктов республики, что затрудняло оперативное руководство новыми хозяйствами. Несмотря на это, практика реорганизации сельскохозяйственных артелей в государственные хозяйства была продолжена.

2. Завершение реформирования колхозного строя в Карелии

Дальнейшая программа реорганизации колхозного строя в стране была определена в постановлении Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 3 мая 1957 г. «О порядке передачи колхозного имущества при преобразовании колхозов в совхозы». В постановлении подчеркивалось, что колхозы, как социалистическая форма организации сельскохозяйственного производства, не исчерпали себя и содержат огромные резервы для увеличения объемов производства. В связи с этим ставилась задача дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Реорганизация слабых хозяйств предусматривалась лишь в порядке исключения в отдельных случаях, с учетом всестороннего изучения хозяйственной целесообразности и экономической выгоды этого мероприятия. При этом особо подчеркивалось, что реорганизация осуществляется на строго добровольных началах по желанию большинства колхозников⁴⁰⁸.

Постановлением был изменен порядок передачи колхозного имущества при преобразовании колхозов в совхозы. До этого времени государство полностью выкупало у колхозов их имущество и оплачивало расходы хозяйств по незавершенному производству. При этом значительная часть средств переводилась на счета вновь организованных

совхозов, своевременно не использовалась и замораживалась. Теперь колхозы преобразовывались в совхозы без выкупа имущества колхозов, с оплатой государством той части расходов, которая требовалась для выплат по трудовням, для расчетов колхозов с организациями и погашения задолженности колхозов по ссудам и другим платежам. При этом колхозникам, перешедшим на постоянную работу в совхоз, засчитывалось в трудовой стаж время их непрерывной работы в колхозе, начиная с 1939 г., а также работа на выборных должностях или по оргнабору в промышленности и на строительстве, за исключением тех лет работы в колхозе, когда они не вырабатывали обязательного минимума трудовней без уважительной причины. Трудовой стаж устанавливался комиссией в составе представителей администрации совхоза, профсоюзной организации или секретаря сельсовета. За колхозниками, принятыми в совхоз, сохранялись приусадебные участки, которыми они пользовались в колхозе⁴⁰⁹.

Несмотря на содержащиеся в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров указания об исключительных случаях преобразования колхозов в совхозы, оно вскоре приняло массовый характер даже в тех регионах, где уровень рентабельности колхозов до их преобразования в совхозы был довольно высоким (Мурманской, Магаданской и др. областях)⁴¹⁰. В постановлении Совета Министров РСФСР от 14 марта 1959 г. «О мерах по подъему экономического состояния отстающих колхозов» была осуждена практика массового преобразования колхозов в совхозы в ряде областей и республик (Вологодской, Архангельской, Калининградской областях, Коми АССР)⁴¹¹.

Позднее XXIII съезд партии признал неоправданными попытки «искусственно форсировать перевод сельского хозяйства на общенародную форму собственности»⁴¹².

Массовое преобразование колхозов в совхозы часто шло под давлением с мест. Во многом это объяснялось тем, что колхозы и совхозы находились в неравных условиях хозяйствования. Совхозы получали льготное финансирование за счет госбюджета, располагали большим количеством техники, которая принадлежала им непосредственно, в то время как колхозы пользовались услугами МТС. Труд в совхозах в целом был организован лучше, а оплата труда была гарантированной. Практические работники аппарата полагали, что преобразование колхозов в совхозы позволит укрепить дисциплину и порядок, и что элементы колхозной демократии являются известным препятствием для

внедрения системы необсуждаемых приказов⁴¹³. Ускорению процесса организации новых совхозов на базе экономически слабых колхозов содействовал недостаток рабочей силы в сельской местности.

Представляются вполне обоснованными выводы одного из исследователей истории сельского хозяйства Европейского Севера А. Ф. Сметанина об особой роли государства в перераспределении средств из промышленности в сельское хозяйство в тяжелых естественно-географических условиях Севера, где создать достаточный «пай» в принципе нереально⁴¹⁴. Колхозы Севера не могли обойтись без государственной помощи. С учетом этого факта, а также господствовавших в то время представлений о путях развития социалистического общества, осуществлялось массовое преобразование колхозов КАССР в совхозы. Основанием для полного реформирования колхозного строя республики служили экономическая слабость колхозов, а также такие факторы, как неудобство обработки мелкоконтурных полей современной техникой, удаленность мелких деревень от новосозданных центров укрупненных колхозов.

К концу 1950-х гг. положение оставшихся в республике колхозов было тяжелым. В феврале 1959 г. просроченная задолженность 65 колхозов Карелии по ссудам Госбанка составила 2 378 тыс. руб., из которых основная сумма (2 211 тыс. руб., или 93%) приходилась на 18 хозяйств. В этих колхозах в 1958 г. затраты и расходы превысили годовые денежные доходы на 2 442 тыс. руб. На 1 среднегодового работника в колхозах производилось продукции почти на 38% меньше, чем в совхозах. Затраты на производство одного центнера зерновых, картофеля, привеса крупного рогатого скота и свиней в колхозах в 1957 г. были выше, чем в совхозах в 3–4 раза⁴¹⁵.

В то же время различные организации и учреждения, по данным годовых отчетов колхозов, на 1 января 1958 г. должны были сельхозартелям 2031,7 тыс. руб., а на конец июня — 99,4 тыс. руб. Из общей суммы задолженности заготовительные организации должны были 186,3 тыс. руб., прочие организации, учреждения и колхозы друг другу — 430 тыс. руб., отдельные лица — 373,1 тыс. руб., МТС и РТС — 4,4 тыс. руб.⁴¹⁶

Вследствие тяжелого положения колхозов и совхозов в республике получила распространение практика продажи карельского леса колхозам Орловской, Винницкой, Белгородской и других областей в обмен на семена клевера, однолетних трав, гороха, вики, посевное зерно. Так, в мае 1958 г. Совет Министров республики разрешил совхозам Куркиёкского района произвести обмен

леса на семена и фуражное зерно в количестве: совхоз «Куркиёки» — 500 кбм, совхоз «Липола» — 600 кбм, совхоз «Заря» — 900 кбм, совхоз «Ладога» — 100 кбм, «Смышка» — 265, «Прогресс» — 400, совхоз «Тау-нанский» — 200 кбм.⁴¹⁷ В марте 1959 г. колхоз им. Сталина Джулинского района Винницкой области по договору с колхозом «Коминтерн» Олонецкого района заготовил в колхозных лесах 500 кбм леса в обмен на 20 т посевного зерна и 25 тыс. руб., перечисленные через банк⁴¹⁸.

Предпринятые правительством страны в конце 1950-х гг. меры по облегчению положения колхозов не принесли ощутимых результатов. В 1958 г., после реорганизации МТС, была отменена натуроплата и вместо обязательных поставок и закупок введена единая система закупок сельскохозяйственных продуктов, установлены единые закупочные цены, дифференцированные по зонам страны. Однако и эта система не отвечала полностью интересам развития хозяйств. При отсутствии рыночного механизма формирования цен подобная практика ценообразования создавала возможность корректировки плановых заданий, открывала дорогу экономическому произволу. Планы закупок, как правило, давались на год и то с большим опозданием. Они неоднократно менялись, колхозам и совхозам давались дополнительные задания, которые нередко превышали плановые. В результате колхозам часто приходилось, сдав зерно государству, обращаться к нему с просьбой о выделении семян. Преодоление возникших сложностей виделось тогда в отходе на знакомые позиции директивного руководства и административного нажима. Лишь в 1965 г., по решению мартовского пленума ЦК КПСС, были введены твердые планы заготовок продуктов на ряд лет.

Существенные изменения были внесены Правительством СССР в порядок исчисления подоходного налога с колхозов и взыскания с них платежей в бюджет. Начиная с 1 июля 1958 г., расчеты с колхозами производились в порядке, установленном для государственных и кооперативных предприятий и организаций, т. е. с их текущих счетов в Сельскохозяйственном банке. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 сентября 1958 г. признал утратившим силу постановление ЦК ВКП(б) от 11 апреля 1937 г., установившее судебный порядок изъятия имущества колхозов в покрытие недоимок по государственным и местным налогам, обязательному окладному страхованию, обязательным натуральным поставкам и штрафам. В случае неуплаты налога в установленные сроки теперь

за каждый день просрочки взималась пеня — 0,05%, которая списывалась с текущих счетов колхозов⁴¹⁹.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 декабря 1958 г. «Об изменении порядка исчисления подоходного налога с колхозов» для всех автономных республик, краев и областей на 1959 г. был установлен подоходный налог в размере 12,5% с облагаемого дохода, исчисленного за истекший год по данным годового отчета колхоза. Постановление отменило дифференцированные ставки и сроки уплаты подоходного налога с колхозов⁴²⁰.

В то же время переоценка реального уровня экономического развития колхозов и совхозов послужила основанием для урезания капитальных вложений в сельское хозяйство, сокращения поставок техники. Постановлением Совета Министров СССР от 20 февраля 1959 г. с 1 марта 1959 г. была отменена выплата установленных в 1958 г. (постановлением от 30 июня) денежных надбавок к закупочным ценам на молодняк крупного рогатого скота в возрасте до 3 лет, весом от 200 до 350 кг и выше, продаваемый государству колхозами, хозяйствами колхозников, рабочих и служащих. При этом выплаченные ранее суммы взыскивались с коллективных и индивидуальных хозяйств⁴²¹.

В конце 1950-х гг. в республике продолжилась практика реорганизации колхозов в совхозы и подсобные хозяйства промышленных предприятий. В апреле 1958 г. были приняты постановления Совета Министров Карелии о реорганизации ряда рыболовецких артелей Пряжинского, Ружозерского, Лоухского, Прионежского и Заонежского районов. 13 рыболовецких артелей вошли в состав зверосовхоза «Беломорский», совхоза «Эссойльский», Лоухского рыбозавода, а также подсобных хозяйств Сямозерского, Ружозерского, Лендерского леспромхозов и Соломенского лесозавода⁴²².

В 1959 г. в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 11 февраля было организовано 6 звероводческих совхозов на базе колхозов и подсобных хозяйств предприятий. В состав зверосовхоза «Михайловский» вошел колхоз «1 Мая» Олонецкого района, а в состав зверосовхоза «Куйтежский» — колхозы «Советская Армия» и «Серп и молот» Олонецкого района⁴²³. В состав нового молочно-мясного совхоза «Толвуйский» (Заонежский район) вошли 13 колхозов; существовавшему совхозу «Прогресс» того же района были переданы земли 10 колхозов⁴²⁴. В целом за 1959—1960 гг. на базе слабых колхозов было организовано 9 звероводческих совхозов: «Беломорский», «Рассвет», «Коткозерский», «Куйтежский», «Михайловский»,

«Видлицкий», «Пряжинский», «Святозерский» и «Кондопожский». В 1960–1970-е гг. эти хозяйства достигли значительных успехов в развитии производства. Звероводство стало высокорентабельной отраслью хозяйства республики.

Актом, завершившим реорганизацию колхозов в Карелии, явилось постановление Совета Министров РСФСР от 31 декабря 1959 г. (Совета Министров Карелии — от 21 января 1960 г.) «Об организации новых и расширении землепользования существующих совхозов и подсобного сельского хозяйства Надвоицкого алюминиевого завода в КАССР». В соответствии с постановлением все сельскохозяйственные колхозы и значительная часть подсобных хозяйств преобразовывались в совхозы. За счет земель 18 колхозов, 9 рыболовецких артелей и 4 подсобных хозяйств в Карелии было организовано 5 новых совхозов: «Ухтинский» Калевальского района, «Кивач» Кондопожского района, «Олонецкий» и «Видлицкий» Олонецкого района и «Кемский» Кемского района. Кроме того, 15 колхозов, 5 рыболовецких артелей и 2 подсобных хозяйства вошли в состав 8 укрупненных совхозов⁴²⁵. Были реорганизованы РТС: 2 из них (Пудожская и Сортавальская) — в машинно-мелиоративные станции, а на базе Олонецкой РТС создан совхоз. Так завершилась реорганизация сельскохозяйственных артелей республики. В целом с 1955 по 1960 гг. на базе 500 мелких, экономически слабых колхозов в Карелии было организовано 25 новых совхозов⁴²⁶. В совхозах, организованных в 1960 г. на базе экономически слабых колхозов, по сравнению с 1959 г. производство молока увеличилось на 47%, мяса — на 29%, яиц — в два раза⁴²⁷, выше, чем в колхозах, была урожайность картофеля и овощей, удои молока на корову.

К 1961 г. в республике осталось всего 13 колхозов, специализирующихся на рыбодобыче. Процесс огосударствления затронул и рыболовецкие колхозы: в 1956 г. Рыбакколхозсоюз был ликвидирован, и его функции переданы хозяйственному управлению по делам рыболовецких колхозов и моторно-рыболовных станций в составе Министерства рыбной промышленности СССР.

Постановлением от 31 декабря 1959 г. Совет Министров РСФСР обязал правительство КАССР погасить в 1960–1961 гг. за счет средств местного бюджета задолженность преобразованных в совхозы колхозов и рыболовецких артелей республики по долгосрочным и краткосрочным ссудам Госбанка СССР в сумме 22 995 тыс. руб. и по закупленной у МТС технике — 2 353 тыс. руб., а также задолженность колхозникам и

другим кредиторам. В июле 1960 г. задолженность колхозов, с учетом уплаченной ссуды за счет средств местного бюджета, составляла 15 243 тыс. руб.⁴²⁸

Таким образом, к началу 1960-х гг. Карелия оказалась в числе немногих регионов страны, где все сельскохозяйственные колхозы были преобразованы в совхозы. Основанием для этого служили как господствовавшие в то время в руководстве страны теоретические представления о преимуществе общественной собственности над кооперативной и индивидуальной, так и экономическая слабость колхозов республики, нуждавшихся в постоянной государственной поддержке. Созданные на базе слабых колхозов звероводческие хозяйства впоследствии достигли значительных успехов. Что же касается сельскохозяйственных совхозов, то преобразование части убыточных колхозов в совхозы надолго ухудшило экономическое состояние совхозов и отдельные показатели их работы.

3. Реорганизация МТС

Неоднозначные последствия имела предпринятая в конце 1950-х гг. реорганизация машинно-тракторных станций, предусматривавшая продажу техники МТС колхозам в целях усиления их самостоятельности. В условиях Карелии, при низком уровне колхозного производства и трудных условиях эксплуатации техники, МТС далеко не оправдывали себя. В 1953 г. в республике работали 32 МТС, которые обслуживали 352 колхоза. Лишь в 4 районах республики, насчитывавших 21 колхоз, не было МТС⁴²⁹. Денежные затраты на содержание МТС, горючее и другие расходы, кроме капитальных вложений и амортизационных отчислений, составили 15 685 тыс. руб., или в 15 раз больше, чем поступления от колхозов натурой и деньгами⁴³⁰. МТС несли большие убытки. Так, в 1954 г. расходы МТС Ругозерского района за счет бюджета составили 610,7 тыс. руб., а денежные доходы — лишь 12,4 тыс. руб., натуральные поступления по государственным ценам — 7,3 тыс. руб.⁴³¹

МТС не были заинтересованы в росте производства. В условиях, когда техникой распоряжались МТС, а землей, рабочей силой и частью средств производства — колхозы, неизбежно возникала обезличка. В середине 1950-х гг. был изменен существовавший до войны порядок финансирования МТС за счет государственного бюджета независимо от результатов их хозяйственной деятельности. Натуральная

оплата за работу МТС была поставлена в зависимость от реальных результатов колхозного производства. Для упорядочения взаимоотношений колхозов с МТС по решению июньского (1954 г.) пленума ЦК КПСС были введены дифференцированные по зонам твердые ставки натуроплаты, а также поощрительная оплата труда за высокую урожайность сельскохозяйственных культур. При этом была разработана шкала разрядов урожайности с установленной для каждого разряда ставкой натуроплаты по видам работ. Так, по зерновым культурам действовала 9-разрядная сетка урожайности (от 5 до 19 ц) со значительной разницей в ставках: в 1 зоне за пахоту платили 150 кг зерна, в 9-й — 30 кг⁴³².

Одной из острых проблем в деятельности МТС являлась нехватка квалифицированных кадров. После сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС на работу в МТС было направлено 3 инженера-механика, 5 техников-механиков, 8 слесарей, токарей и кузнецов. В МТС возвратились 35 трактористов и комбайнеров. Однако не хватало более 700 трактористов, шоферов, слесарей и других кадров массовой квалификации. Только 3 из 36 директоров МТС имели соответствующее высшее образование⁴³³.

В конце 1953 — начале 1954 г. по направлению Ленинградской городской партийной организации для работы в МТС республики прибыли 31 инженер-механик и 20 техников-механиков. Из числа прибывших 12 человек были назначены директорами МТС, 18 — главными инженерами, 15 — зав. ремонтными мастерскими, 6 — механиками МТС. 8 человек из приехавших вернулись обратно⁴³⁴.

В целях повышения заинтересованности трактористов в работе колхозов в октябре 1956 г. была отменена двойная оплата механизаторов — от колхозов и от МТС, и гарантированный минимум по трудодням стал оплачиваться колхозом. Государство принимало участие в оплате труда работников тракторных бригад только в том случае, если сумма, полученная от колхоза, оказывалась ниже гарантированного минимума. В 1957 г. 60% заработка трактористов в целом по стране поступало из колхозов вместо 36% в 1956 г.⁴³⁵

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 августа 1955 г. «О мерах по дальнейшему улучшению агрономического и зоотехнического обслуживания колхозов» из штатов МТС на работу в колхозы республики было переведено 217 специалистов (из 248 в штатах МТС), из них 208 человек — с государственной доплатой и 9 человек — на полное обеспечение

колхозов. Из числа переведенных специалистов вступили в члены колхозов 72 человека⁴³⁶.

Принимались меры по улучшению подготовки механизаторских кадров в училищах механизации сельского хозяйства республики. Постановлением Совета Министров КАССР от 17 октября 1956 г. для проведения производственной практики учащихся училища механизации были прикреплены к совхозам и МТС республики. Во время прохождения практики учащимся за выполненные работы устанавливалась оплата труда в размере 1/3 денежного заработка механизаторов МТС и совхозов. 25% доходов от производственной деятельности училищ оставалось в их распоряжении для строительства и оборудования учебных и хозяйственных помещений, остальная сумма перечислялась в доход государственного бюджета⁴³⁷. Однако ввиду короткого срока обучения в училищах (до 1 года) трудно было подготовить полноценных специалистов широкого профиля.

Систематическая подготовка и повышение квалификации кадров массовых профессий осуществлялись на постоянно действующих курсах при Сортавальском сельскохозяйственном техникуме, но планы подготовки систематически не выполнялись⁴³⁸.

Несмотря на принятые меры по укреплению МТС, их деятельность оставалась нерентабельной. В 1954–1955 гг. по этой причине были ликвидированы Сенногубская, Ругозерская, Паданская, Вешкельская и Тунгудская МТС. Обслуживание действовавших в зоне этих МТС колхозов было возложено на Повенецкую, Эссойльскую МТС и Беломорскую ЛМС, а на базе ликвидированных МТС созданы специальные тракторные бригады. На содержание 8 МТС, на базе которых в 1955–1956 гг. были образованы совхозы, только в 1955 г. затрачено 8,5 млн руб., в то время как все денежные и натуральные доходы этих МТС за работы, произведенные в колхозах, составили всего 0,5 млн руб., или 5,8% от суммы государственных затрат⁴³⁹.

К началу 1956 г. в республике работали 24 МТС, 2 ММС и 1 ЛМС. В их распоряжении имелось 686 тракторов. Штат этих организаций насчитывал 848 трактористов, однако в МТС не хватало 368 трактористов⁴⁴⁰.

Колхозы республики в силу тяжелого экономического положения не могли полностью рассчитываться за работы МТС, и из года в год государство вынуждено было списывать с них задолженность по натуральной и денежной оплате МТС. Расчетные отношения сельхозартелей с МТС наглядно иллюстрируют следующие данные по двум колхозам Олонецкого района.⁴⁴¹

Таблица 9. Задолженность колхозов за работу МТС

Колхоз им. Буденного					
Наименование культур	Единица измерения	Задолженность на 1.01. 1955 г.	Начисления за 1955 г.	Сдано в 1955 г.	Списано
Зерновые	Центнер	177,6	357,9	—	535,5
Картофель	—	500,6	388,2	180,6	703,2
Овощи			4,66	4,66	—
Сено		930,9	490,7	100,0	1321,6
Молоко		35,2	143,4	143,4	35,2
Колхоз им. Егорова					
Зерновые		161,2	194,9	—	956,1
Картофель		170,5	201,2	8,8	362,9
Овощи		—	18,0	18,0	—
Сено		4,3	144,3	94,9	53,7
Молоко		—	128,4	38,6	88,8

К началу 1958 г. в республике осталось всего 8 МТС и 1 производственный участок, которые обслуживали 84 сельскохозяйственных колхоза⁴⁴². В МТС работали 330 трактористов, 65 шоферов, 29 механиков-комбайнеров, 35 техников-механиков, 2 инженера-механика, 60 ремонтных рабочих⁴⁴³. В связи с незначительными объемами производства в колхозах и мелкими размерами МТС в 1957 г. было осуществлено тракторных работ в переводе на вспашку мягких земель всего 96,6 тыс. га, или 117 га на 15-сильный трактор, что обусловило их высокую себестоимость⁴⁴⁴. МТС не были материально заинтересованы в повышении эффективности производства, так как основным показателем их работы был объем производства.

Основным аргументом реорганизации МТС являлась «теория двух хозяйств» и устранение государства из сферы колхозного производства. Закон «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций», принятый сессией Верховного Совета СССР 31 марта 1958 г., предусматривал, что техника должна передаваться колхозам, изъявившим желание ее приобрести, постепенно, «с учетом развития экономики отдельных колхозов и особенностей различных зон и районов Советского Союза, в сроки, устанавливаемые Советами Министров союзных республик». Для слабых колхозов временно сохранялось производственно-техническое обслуживание через МТС или РТС⁴⁴⁵.

Несмотря на эти указания, передача техники колхозам шла быстрыми темпами. На 1 января 1959 г. технику приобрели 96,6% колхозов РСФСР, однако ими было оплачено лишь 32,2% продажной стоимости

машин, т. е. на 6% ниже, чем предусматривалось решениями партии и правительства⁴⁴⁶. Реорганизация МТС фактически завершилась в 1959 г.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 апреля 1958 г. «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС» в республике была проведена работа по укрупнению и реорганизации МТС. В результате вместо 8 имевшихся МТС осталось 3 — Заонежская, Пудожская и Ухтинская (были объединены Олонецкая и Куйтежская МТС Олонецкого района, Пудожская и Песчанская МТС Пудожского района, Великогубская и Заонежская МТС Заонежского района). На базе Олонецкой, Лавоярвинской МТС и Сортавальской ММС были организованы 2 РТС — Олонецкая и Сортавальская.

Из оставшихся к этому времени в республике 65 колхозов технику смогли приобрести только 37. Ими было куплено 94 трактора, 4 комбайна, 93 тракторных плуга и другая техника на общую сумму 2630 тыс. руб.⁴⁴⁷ В 1959 г. продолжилась реорганизация МТС: Пудожская и Заонежская МТС реорганизованы в РТС, а Ухтинская МТС, ввиду незначительных объемов работ, ликвидирована с передачей техники и оборудования Калевальскому лесхозу⁴⁴⁸.

Некоторые хозяйства получили выгоду от приобретения техники МТС. Так, выступая на пленуме обкома партии 27 июня 1958 г., председатель колхоза им. Калинина Олонецкого района Кюршунотметил, что в связи с реорганизацией МТС в колхозах появилось больше возможностей для лучшего использования сельхозугодий и техники, для увеличения производства сельскохозяйственной продукции. К началу весенне-полевых работ колхоз купил 7 тракторов и успешнее справился с полевыми работами, чем в 1957 г., хотя тогда в колхозе работало 12 тракторов. При этом в период весеннего сева не было случая простоя тракторов из-за технической неисправности»⁴⁴⁹.

Однако в целом выкупные платежи за технику оказались столь велики, а выплата производилась в столь сжатые сроки, что эта мера нанесла огромный ущерб экономике колхозов и по существу свела на нет прибыль, полученную от повышения закупочных цен. Поскольку все затраты на ремонт и обслуживание техники были переложены на колхозы, то положение со снабжением их запасными частями, горючим даже ухудшилось.

В связи с реорганизацией МТС на работу в колхозы были направлены 3 специалиста сельского хозяйства и 108 механизаторов,

в том числе 99 трактористов⁴⁵⁰. Часть трактористов из реорганизованных МТС перешла на постоянную работу на стройки, в промышленные предприятия из-за того, что им не была установлена гарантированная оплата труда, поощрения за выслугу лет и квалификацию, не обеспечено социальное страхование и пенсионное обеспечение. Эти вопросы были решены, но позднее.

В 1958 г., после реорганизации МТС, натуроплата МТС была отменена, и вместо обязательных поставок и закупок введена единая система закупок сельскохозяйственных продуктов⁴⁵¹. С ликвидацией МТС уменьшились возможности для прямого вмешательства государства в колхозное производство, стал сокращаться продуктообмен между городом и деревней. Значительно изменился состав работников колхозов за счет перехода в них механизаторов МТС. Однако государство сохранило за собой материально-техническое снабжение колхозов и заказ на колхозную продукцию, что усилило неэквивалентность обмена между ними.

К тому же, продавая трактора и сельскохозяйственные машины колхозам, государство учло их стоимость в составе государственных капитальных вложений в сельское хозяйство в 1958 г. В результате капитальные вложения в 1959 г. значительно сократились. Из необходимых в 1959 г. Министерству сельского хозяйства республики 51 млн руб. предусматривалось выделить лишь 26,9 млн руб. Между тем в совхозах, особенно пограничных районов, создалось напряженное положение с обеспечением хозяйств ремонтными мастерскими, помещениями для скота, жилищными и бытовыми помещениями. Только на эти цели требовалось 32,1 млн руб.⁴⁵²

При сокращении капитальных вложений в сельское хозяйство не были учтены такие факторы, как реорганизация МТС, а также повышение с 1 июня 1958 г. цен на сельскохозяйственную технику, запчастей, корма и минеральные удобрения в среднем в полтора — два раза при одновременном снижении на 15% цен на сельскохозяйственную продукцию⁴⁵³. Колхозы вынуждены были увеличить отчисления в неделимые фонды, что не соответствовало их финансовым возможностям и привело к ухудшению оплаты труда колхозников. К тому же после реорганизации МТС увеличились расходы колхозов на содержание техники, подготовку и содержание специалистов. Все это ухудшило их положение, и слабые хозяйства не смогли обеспечить последовательное обновление машинно-тракторного парка, качественный ремонт техники.

В то же время не была организована должным образом работа РТС, не определены четко их функции. Себестоимость ремонта машин была высокой и нередко превышала стоимость самих машин. На отчетно-выборном собрании партийной организации Олонецкой РТС главный инженер Кудельников отметил: «Мы еще не встали как следует на ноги. До сих пор работаем вслепую, без плана. Не решен до конца вопрос с нормированием труда и расценками, неудовлетворительно организовано снабжение запчастями, материалами. Плохо всем этим занимается Министерство сельского хозяйства республики... Министерство просто отмахивается от РТС»⁴⁵⁴.

Таким образом, МТС не оправдывали себя в Карелии в силу природно-экономических условий республики. Несмотря на принятые государством в 1950-е гг. меры по повышению заинтересованности МТС в результатах хозяйственной деятельности колхозов и по обеспечению их квалифицированными кадрами, деятельность МТС оставалась нерентабельной. Не оправдались и надежды на достижение быстрого эффекта от реорганизации МТС за счет лучшего использования техники колхозами, однако в целом последствия реорганизации были исторически прогрессивными, так как усиливали самостоятельность крестьянского хозяйства и расширяли сферу рыночных отношений⁴⁵⁵.

4. Отраслевая структура сельскохозяйственного производства в 1950-е гг.

К середине 1950-х гг. общий объем сельскохозяйственного производства в республике оставался на уровне 1940 г., а по ряду отраслей довоенный уровень производства еще не был достигнут. Наиболее отстающим участком являлось земледелие. В республике ежегодно сокращались посевные площади: в 1953 г. — на 1,3 тыс. га, в 1954 г. — на 2,4 тыс. га, в 1955 г. — на 4,7 тыс. га, в 1956 г. — на 5,8 тыс. га⁴⁵⁶. Общая посевная площадь с 1940 по 1955 гг. сократилась на 39,0 тыс. га и составила лишь 64% к посевной площади в 1940 г. В сельскохозяйственных и рыболовецких колхозах она составила 40,3 тыс. га, в совхозах — 25,2 тыс. га, в подсобных хозяйствах — 5,1 тыс. га⁴⁵⁷.

Одной из причин ускоренного сокращения посевных площадей в 1955—1956 гг. являлся отказ совхозов от обработки отдаленных земельных участков, перешедших к ним после реорганизации колхозов. Наибольшее сокращение посевных площадей произошло за счет кормовых культур, включая укосную площадь многолетних

трав (с 52,3 тыс. га в 1940 г. до 27,9 тыс. га в 1955 г.) и озимой ржи (с 19,2 до 9,1 тыс. га)⁴⁵⁸. Вплоть до середины 1950-х гг. в Карелии оставались неосвоенными многие тысячи гектаров пахотных и других земель, бывших до 1940 г. в севообороте колхозов. Более 40% пашни, находившейся в использовании в 1940 г., превратилась в залежи, луга и пастбища.

После сентябрьского пленума ЦК КПСС увеличились посевы картофеля, овощей, кормовых культур при одновременном уменьшении зернового хозяйства. С 1953 по 1960 гг. посевные площади под зерновыми культурами сократились с 36,7 до 3,8 тыс. га, а их удельный вес в структуре посевных площадей республики — с 47,3 до 5,8%; соответственно удельный вес кормовых культур возрос с 34,9 до 72,5%⁴⁵⁹. Окончательное уничтожение зернового хозяйства завершилось в 1960-е гг.

Сокращение посевов зерновых культур произошло не только вследствие их плановой замены кормовыми культурами, но и перевода зерновых культур в кормовые в результате их недостаточного вызревания. В 1956 г. из-за позднего сева и несоблюдения правил агротехники погибла почти 1/5 часть озимых посевов⁴⁶⁰. В 1958 г. вследствие неблагоприятных погодных условий было переведено из зерновых в однолетние травы на зеленый корм и силос 4276 га, в том числе 1346 га в колхозах и 2930 га — в совхозах⁴⁶¹. Особенно большими были потери зерновых в Олонецком (в 1958 г. — 30,7%), Пудожском (34,4%), Сортавальском (56,4%) районах⁴⁶². Низкий уровень агротехники, запоздалые сроки сева, запущенность мелиоративной сети, недостаточное внимание к сортовым посевам, составлявшим по зерновым 39,7%⁴⁶³, являлись причинами ухудшения зернового хозяйства.

В 1955 г. валовой сбор зерновых культур по всем категориям хозяйств был в 3 раза меньше валового сбора 1940 г.⁴⁶⁴ В 1953—1957 гг. в 58 экономически слабых колхозах урожай зерновых не превышал 4—6 ц с га⁴⁶⁵. Продолжительность уборки зерновых в ряде колхозов доходила до 95 дней, а обмолот хлебов нередко продолжался до весны, что вызывало большие потери зерна.

Низкой оставалась и урожайность кормовых культур, посевная площадь под которыми во всех категориях хозяйств республики увеличилась с 27,1 тыс. га в 1953 г. до 41,2 тыс. га в 1958 г.⁴⁶⁶ Фактическая себестоимость кормовых культур в 1,7 раза превышала стоимость завозных кормов. Урожайность сена многолетних трав с одного гектара в колхозах и совхозах республики в 1953—1959 гг.

составляла от 13,6 до 17,9 ц.⁴⁶⁷ Между тем травосеяние на Северо-Западе, как показали расчеты специалистов, было оправдано в том случае, когда позволяло получать урожаи сена не менее чем 40–60 ц с 1 га, при этом использование земель под однолетние травы являлось менее эффективным, чем под многолетние и было вынужденной формой кормопроизводства, восполняющей нехватку кормов на пастбищах⁴⁶⁸.

Значительно лучше обстояло дело с урожайностью картофеля и овощей, которая в колхозах и совхозах выросла с 1953 по 1959 гг. соответственно с 29 до 117 ц и с 83 до 214 ц.⁴⁶⁹

Расширение посевных площадей в целях выполнения плановых заданий нередко приводило к противоположным результатам. Так, в Куркиёвском районе в 1954–1955 гг. посевная площадь выросла на 8%, а валовой сбор культур сократился на 32%, урожайность зерновых по сравнению с 1950 г. уменьшилась с 7 до 4,5 ц с гектара. В 1954 г. в колхозах района не вызрело 520 га зерновых, и с них была собрана только солома⁴⁷⁰.

Систематически не выполнялись планы внесения органических и минеральных удобрений. В 1954 г. вывозка навоза на поля колхозов в среднем на 1 га посевной площади была почти на 20% ниже уровня 1950 г.⁴⁷¹ Вывозкой торфа на поля и известкованием почв начали заниматься только с 1954 г.

В середине 1950-х гг. уменьшился удельный вес сортовых посевов в общей посевной площади, хотя в колхозах он был в целом несколько выше, чем в совхозах.

Таблица 10. Удельный вес сортовых посевов картофеля и зерновых культур в колхозах и совхозах (в % к общей посевной площади)⁴⁷²

Год	Зерновые культуры		Картофель	
	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы
1954	55,5	18,9	28,7	48,0
1955	37,1	15,4	25,2	19,7
1956	35,6	9,9	16,6	4,5
1958	39,7	34,4	17,3	18,4
1960	—	34	—	47

Негативное влияние на развитие растениеводства в 1950-е гг. оказала кампания по насаждению посевов кукурузы. Впервые они появились на колхозных и совхозных полях республики в 1954 г., когда в колхозах было засеяно 162 га и в совхозах – 201 га. При этом

урожай был получен незначительный, а в ряде мест из-за излишней увлажненности почв посевы кукурузы полностью погибли⁴⁷³. Тем не менее в постановлении бюро ЦК КП республики (март 1955 г.) указывалось на недооценку важности возделывания кукурузы со стороны партийных, советских и сельскохозяйственных органов республики и предусматривался ряд мер по повышению ее урожайности⁴⁷⁴. Поскольку в хозяйствах не было районированных семян, то для выполнения спущенного сверху плана приходилось отводить под кукурузу лучшие земли.

В 1955 г. площадь посевов кукурузы на зерно в республике составила не менее 3500 га⁴⁷⁵. В 1956 г. в колхозах, совхозах и подсобных хозяйствах была посеяна кукуруза на силос и зеленую подкормку на площади 1752 га, при этом урожай собран лишь с площади 593 га, а остальные 1159 га перепаханы по причине гибели посевов⁴⁷⁶.

С 1952 г. в республике начали проводиться мелиоративные работы. Наиболее широкий размах они приняли в Приладожье и на Олонецкой равнине. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 3 января 1951 г. «О мероприятиях по дальнейшему развитию сельского хозяйства КФССР» колхозам республики были предоставлены льготы для проведения мелиоративных работ. В пограничных районах они осуществлялись полностью за счет государственного бюджета, а в остальных районах 80% их стоимости оплачивалось из бюджета, а 20% — за счет трудового участия и средств колхозов⁴⁷⁷.

Из-за недостаточной оснащенности МТС и ММС мелиоративной техникой, нехватки рабочих кадров и необеспеченности проектно-сметной документацией задания по мелиоративному строительству систематически не выполнялись.

В ряде случаев проекты мелиорации составлялись без учета местных условий, что не дало желаемых результатов по получению питательной травы, но впоследствии привело к нарушению уникальных экосистем. Мелиоративные работы проводились, главным образом, на пахотных землях, а на лугах и пастбищах по существу до 1959 г. никаких работ не осуществлялось. Не велась работа и по повышению продуктивности естественных сенокосов. В 1959 г. земли с осушительной сетью занимали площадь 89,5 тыс. га, однако пригодны для сельскохозяйственного использования без проведения дополнительных мероприятий были только 22,9 тыс. га⁴⁷⁸.

Несмотря на ежегодно выделяемые государством значительные средства на мелиоративные работы, прироста посевных площадей в республике не произошло. За 1952–1960 гг. на мелиоративные работы в республике было израсходовано 6,1 млн руб., осушено и сдано в эксплуатацию 34,7 тыс. га земель, в том числе за счет нового строительства 9,5 тыс. га. В то же время за 9 лет списано 81,7 тыс. га сельхозугодий, в том числе 33,9 тыс. га пахотных земель, 24,6 тыс. га сенокосов, 23,2 тыс. га пастбищ⁴⁷⁹. В наиболее крупных размерах списание сельхозугодий проводилось до 1957 г. В целом посевная площадь в Карелии за 1952–1960 гг. сократилась с 78,9 тыс. га до 66,2 тыс. га. В конце 1959 г. сельскохозяйственные предприятия республики фактически обрабатывали только 21% сельскохозяйственных угодий⁴⁸⁰.

Республика слабо обеспечивала себя собственными сельскохозяйственными продуктами. В 1955 г. производство мяса составляло только 18%, молочных продуктов – 35%, картофеля – 44% и овощей – 45% к потребностям, установленным по фондам централизованного снабжения. Ежегодно в республику завозилось до 25 тыс. т картофеля⁴⁸¹.

В целях улучшения работы по растениеводству и животноводству специалисты инспекций животноводства и растениеводства приказом по Министерству сельского хозяйства республики от 22 января 1958 г. были закреплены за районами, совхозами, МТС и колхозами республики⁴⁸². Постановлением Совета Министров КАССР от 14 февраля 1959 г. была утверждена сеть семеноводческих хозяйств республики, призванных обеспечить колхозы и совхозы собственными доброкачественными семенами, внедрить в производство лучшие районированные сорта. Семеноводческими хозяйствами по производству сортовых семян зерновых культур и многолетних трав были утверждены один колхоз (им. Калинина Олонецкого района) и 6 совхозов («Онежский», «Куркиёки», «Харлу», «Кончезерский», «Маяк» и «Прогресс»), по производству сортовых семян картофеля – 6 совхозов («Салми», им. Зайцева, «Дружба», «Суоярвский», «Пудожский», «Толвуйский»)⁴⁸³.

В конце 1950-х гг. растениеводство стало опережать животноводство по темпам роста (в 1958–1960 гг. производство валовой продукции земледелия увеличилось на 67%, а животноводства – на 24%)⁴⁸⁴, однако уровень его развития оставался низким. В первую очередь, это объяснялось углублением специализации сельского хозяйства республики на животноводстве мясо-молочного направления, что было связано с суровыми природно-климатическими условиями края.

В 1950-е гг. в совхозах количество крупного рогатого скота, свиней возрастало, а в колхозах оно уменьшалось, так же, как и поголовье овец и коз:

Таблица 11. Поголовье скота в совхозах, колхозах и хозяйствах всех категорий (на 1 января; тыс. голов)⁴⁸⁵

Годы	Крупный рогатый скот	В том числе коровы	Свиньи	Овцы и козы
Хозяйства всех категорий				
1941	85,6	50,8	36,7	77,7
1946	44,5	22,3	3,0	31,2
1951	88,4	46,2	23,5	90,5
1953	73,6	42,9	21,7	81,1
1956	71,2	40,0	30,9	58,5
1959	84,0	48,6	44,2	66,5
Совхозы				
1941	3,9	2,8	1,0	0,7
1946	3,5	0,7	0,7	0,3
1951	8,8	4,0	4,8	0,6
1953	10,1	4,2	4,4	0,6
1956	12,1	6,0	4,9	0,0
1959	26,5	11,5	15,7	0,0
Колхозы				
1941	41,5	15,9	9,7	14,0
1946	17,8	5,6	1,1	6,0
1951	37,6	10,9	9,2	24,5
1953	30,3	11,3	8,3	23,2
1956	18,0	8,8	4,9	5,2
1959	9,5	4,9	5,4	0,3

Невысокой оставалась продуктивность скота: в 1954 г. надой молока на корову в колхозах составил 924 кг, в 1955 г. — 961 кг.⁴⁸⁶ В районах республики ежегодно наблюдался большой падеж скота. Падеж крупного рогатого скота в колхозах республики в 1956 г. составил 2,7% к общему поголовью стада в обороте, телят — 6,5%, свиней — 9,8%, поросят — 10,1%, а в 1958 г. — соответственно 3,4, 6,8, 13,1, 16,1%. Показатели по падежу крупного рогатого скота и телят в совхозах республики были несколько ниже (в 1958 г. — 2,6 и 5,6%), а по падежу свиней и поросят — выше (в 1958 г. — 13,8 и 19,2%)⁴⁸⁷.

Одной из главных причин отставания животноводства являлся недостаток кормов. Обеспеченность скота грубыми и сочными кормами в конце 1950-х гг. составляла 60–65%⁴⁸⁸. В результате приходилось регулярно

завозить корма и солому из других районов страны. В то же время в республике ежегодно почти половина сенокосных угодий оставалась необработанной, заболачивалась и зарастала кустарником и лесом. В 1959 г. из 137 тыс. га естественных сенокосов, закрепленных за совхозами, колхозами и подсобными хозяйствами, было убрано только 98 тыс. га⁴⁸⁹. Сокращение и низкий уровень зернового хозяйства делали животноводство все более зависимым от привозных комбикормов.

В 1950-е гг. были предприняты шаги по повышению продуктивности животноводства. Вместо разнородного и малопродуктивного скота в колхозах и совхозах начало создаваться одно из лучших в России стадо айрширских коров. По сравнению с данными учета на 1 декабря 1955 г. в 1960 г. численность породного крупного рогатого скота в колхозах и совхозах республики увеличилась на 40% (с 22,5 тыс. до 31,6 тыс.) и составила 75% от его общего числа; свиней — на 53% (с 6,6 тыс. до 10,1 тыс.) и составила 44%. В отдельных районах показатели породности крупного рогатого скота были выше: в Кондопожском районе — 88%, Сортавальском и Прионежском районах — 94%, Сеgezском районе — 100%. В то же время в Пряжинском районе — 46%, Пудожском — 45%, Олонецком и Суоярвском — 32%. По чистопородному скоту показатели были ниже: по крупному рогатому скоту — 28%, по свиньям — 40%⁴⁹⁰.

В 1957 г. правительством страны была выдвинута сверхпрограмма — в ближайшие 2–3 года догнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения. Таким образом, стратегия животноводства вновь была повернута на 180 градусов, и решающим объявлен рост поголовья, а не продуктивность скота. Это отрицательно сказалось на показателях продуктивности скота, так как не были учтены возможности пастбищ и сенокосов. В целом по стране валовое производство мяса росло в основном за счет расширения стада. На долю роста поголовья скота в 1958 г. приходилось около 9/10 полученной прибавки валового производства мяса⁴⁹¹.

В Карелии, несмотря на попытки улучшить количественные показатели животноводства, поголовье крупного рогатого скота в республике (по всем категориям хозяйств) в 1959 г. составило 84 тыс. голов (в 1941 г. — 85,6 тыс.). Эта цифра была меньше, чем в Коми АССР в 1,3 раза и Архангельской области — в 3 раза⁴⁹². В то же время продуктивность скота в Карелии была значительно выше средних показателей по северо-западной зоне. В 1958 г. в колхозах и совхозах республики средний удой на корову составил 2463 кг, в то время как в Коми АССР —

1585, в Вологодской области — 1661, Псковской области — 1680, Архангельской области — 1742, Новгородской области — 1786, Ленинградской области — 2858, а в среднем по северо-западной зоне — 1875 кг.⁴⁹³

В 1950-е гг. в Карелии получили развитие нетрадиционные для республики отрасли животноводства с высоким уровнем специализации — звероводство, птицеводство. В 1952 г. в Карелии было всего 3 небольших звероводческих совхоза, созданных в 1946—1947 гг. — «Повенецкий», «Ладожский» и «Таунанский» — с общим поголовьем 5,8 тыс. зверей. В 1952—1962 гг. было создано 12 новых хозяйств, большинство из которых организовано на базе слабых колхозов. Поголовье зверей в них возросло в 12 раз и составило 70,1 тыс.⁴⁹⁴ Звероводческие совхозы превратились в хозяйства интенсивного промышленного типа с высоким уровнем концентрации и специализации.

В 1959 г. небольшое поголовье кроликов имелось только в 2 колхозах Заонежского и 2 колхозах Олонецкого районов, а также в организованной в 1958 г. кролиководческой ферме совхоза им. Зайцева. Основное поголовье птицы было сосредоточено в личных хозяйствах населения. В 1956 г. вступила в строй Петрозаводская птицефабрика, в 1961 г. организованы еще 3 птицефабрики.

В 1957 г. в республике впервые была проведена перепись оленей. Она показала, что в послевоенные годы численность оленей, поголовье которых за время войны было полностью истреблено, выросла незначительно. Восстановление оленеводства в отдельных хозяйствах началось с 1951 г., с завоза небольшого количества тундровых оленей из Мурманской обл. В 1956 г. в республике насчитывалось 1,5 тыс. оленей, в том числе 700 — в оленеводческом совхозе, 500 — в колхозах и 300 в личных хозяйствах колхозников⁴⁹⁵. Оленеводством занимались колхозы «Победа» и «12-я годовщина» Кемского района, «Красный маяк» Лоухского района, «Большевик» Калевальского района, подсобное хозяйство Чупинского леспромхоза Лоухского района и оленеводческий совхоз Кемского района. Оленеводство в республике являлось убыточным, и к середине 1960-х гг. оно было свернуто.

Таким образом, в 1950-е гг. произошли существенные изменения в структуре посевных площадей колхозов и совхозов республики: сократилось зерновое хозяйство, и увеличились посевы кормовых культур. Возросли масштабы проведения мелиоративных работ, усилилось внимание к семеноводческой работе и повышению плодородия почв. Были приняты меры по повышению продуктивности животноводства. Однако урожайность сельскохозяйственных

культур оставалась низкой, основной массив осушенных земель не использовался. Республика слабо обеспечивала себя сельскохозяйственными продуктами.

5. Экономические и социальные последствия реформирования колхозной системы

Реорганизация колхозного строя в республике, как и в целом в стране, проходила в рамках старого хозяйственного механизма, не использовавшего рычаги товарно-денежных отношений. При этом не учитывались материально-технические возможности государства и целесообразность реформирования сельского хозяйства с точки зрения природных, экономических, национальных и других особенностей регионов страны. Специфика северного земледелия, которое исторически было мелкоконтурным и разрозненным, игнорировалась в угоду односторонне понятой централизации и концентрации.

Реорганизация колхозов в совхозы имела неоднозначные последствия. С одной стороны, укрупнение хозяйств расширило возможности применения достижений науки и техники, рациональной организации производства. Бывшие колхозники получили гарантированную заработную плату, были включены в систему социального обеспечения. Ряд организованных на базе сельхозартелей совхозов существенно улучшил производственные показатели. В то же время вновь организованные хозяйства столкнулись с плохой обеспеченностью средствами производства, запущенностью землепользования, неудовлетворительным состоянием дорог и средств связи. Большинство хозяйств оказались убыточными.

Для сравнения показателей колхозного и совхозного производства необходим анализ основных экономических показателей производства сельскохозяйственной продукции с равнозначной земельной площади и, в первую очередь, урожайности, производства основных сельскохозяйственных продуктов в расчете на 100 га земли. Однако выяснение экономической эффективности реорганизованных хозяйств затрудняется ввиду состояния источников, не отражающих обобщенные данные о последующем развитии совхозов, возникших на базе экономически слабых колхозов. В этих условиях приходится оперировать данными по совхозной системе в целом, приводя сведения по отдельным категориям хозяйств в тех случаях, где это возможно.

Анализ производственной деятельности совхозов позволил исследователям сделать вывод о том, что быстрое расширение совхозной системы в 1954–1965 гг. не сопровождалось таким же ростом ее продуктивности. Более того, некоторые важные показатели совхозного производства в первой половине 1960-х гг. были ниже, чем в 1953 г. Здесь наряду с общими для всего сельского хозяйства причинами сказывались и такие факторы, как нелегкое наследство старых колхозов, на базе которых создавались совхозы, большой удельный вес совхозов, созданных в районах с худшими природными условиями⁴⁹⁶.

В ряде исследований историков-аграрников выявлено, что, по примерным подсчетам, в 1959 г. 70–75% колхозов, переведенных в совхозы, оказались убыточными⁴⁹⁷, еще выше была эта цифра в Карельской АССР. Первый секретарь Карельского обкома партии И. И. Сенькин, выступая на пленуме ОК КПСС 7 декабря 1962 г. с горечью признал: «Когда мы создавали совхозы на базе колхозов, заверяли ЦК КПСС, что совхозы будут рентабельными, но убытки совхозов с каждым годом растут»⁴⁹⁸.

Хотя затраты на производство 1 ц продукции в совхозах республики были в 3–4 раза ниже, чем в колхозах, число убыточных хозяйств увеличивалось из года в год: 1958 г. закончили с убытком 77% совхозов, 1959 г. — 83%, 1960 г. — 89%, 1961 г. — 96%⁴⁹⁹. Почти 90% всей суммы убытков было получено от реализации продукции животноводства. Увеличились затраты совхозов на производство продукции. С 1958 по 1961 гг. фактическая себестоимость 1 ц молока выросла с 17 до 21 руб. 8 коп., мяса крупного рогатого скота — со 108 руб. 30 коп. до 125 руб. 93 коп.⁵⁰⁰

В 1958 г. совхозы не выполнили план по основным производственным показателям и допустили сокращение посевных площадей, снижение урожайности овощей и корнеплодов, падеж скота (967 голов крупного рогатого скота). Потери совхозов по сравнению с 1957 г. увеличились на 1 117 тыс. руб., а себестоимость продукции превысила плановую на 34,3 млн руб. Убыток 34 совхозов составил в 1958 г. 17 548 тыс. руб., и лишь в 10 совхозах была получена прибыль в сумме 9350 тыс. руб.⁵⁰¹

В 1959 г. в республике работал 41 совхоз, в том числе 28 — молочно-мясного направления, 2 — молочно-овощного, 10 — звероводческого и 1 птицефабрика. Недостаток кормов, слабая механизация производственных процессов (в 1960 г. — посадка картофеля — 31%, посадка овощей — 35%, междурядная обработка картофеля — 34%, сенокошение — 16%, уборка силосных культур — 25% и т. д.), допущенные перерасходы

затрат на текущий ремонт техники и др. вели к удорожанию себестоимости продукции и убыткам хозяйств. 34 совхоза республики получили в 1959 г. убыток в сумме 39 982 тыс. руб., и лишь 7 совхозов закончили год с прибылью в сумме 11 301 тыс. руб.⁵⁰²

В значительной степени это объяснялось переходом в совхозную систему большой группы экономически слабых колхозов, а также ослаблением внимания к агротехнике, распространением шаблонных рекомендаций из центра по ведению растениеводства и животноводства без учета природно-климатических условий. Трудности совхозов усугублялись низкими ценами на молоко и мясо, сдаваемые государству, а также подорожанием цен на корма, запчасти, горючее, в результате чего дополнительные расходы совхозов составили 19 041 тыс. руб.⁵⁰³

На развитие реорганизованных хозяйств оказал воздействие целый ряд дополнительных факторов, в частности, серьезные нарушения в планировании и финансировании сельского хозяйства, политике ценообразования, проведении заготовок сельскохозяйственной продукции и другие, отмеченные впоследствии в постановлениях мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС и XXIII съезда партии.

В целом в общем производстве сельскохозяйственной продукции удельный вес государственных хозяйств составил в 1960 г. по мясу 61%, молоку 50%, яйцу 33, картофелю — 57%, остальная продукция производилась в приусадебных хозяйствах рабочих и служащих⁵⁰⁴.

В 1960 г. в республике работало 44 совхоза, сельхозугодия которых размещались на 134 540 мелких, каменистых контурах. В среднем на один совхоз приходилось 3058 мелких контуров со средней площадью одного контура пашни 2,4 га⁵⁰⁵. Созданные на базе колхозов совхозы были территориально разбросаны. Среднее расстояние от центральной усадьбы до ферм и бригад составляло 30—50 км, а в ряде совхозов — до 70—100 км. В среднем на 1 совхоз приходилось более 20 населенных пунктов, а в таких совхозах, как «Ведлозерский» — 49, «Прогресс» — 125, «Толвуйский» — 154⁵⁰⁶.

В таких условиях затруднялись управление и организация производства, комплексная механизация сельскохозяйственных работ, в результате спустя несколько лет после реорганизации ряда хозяйств встали вопросы об их разукрупнении. В 1967 г., например, было принято решение о разукрупнении совхозов «Олонецкий», «Куйтежский» и «Ильинский» Олонецкого района, «Толвуйский» и «Прогресс» Медвежьегорского района и создании новых совхозов — «Мегрегского», «Туксинского» и «Ильинского»⁵⁰⁷. С созданием укрупненных

хозяйств выявилась другая негативная тенденция — сокращение посевных площадей. Совхозам было невыгодно обрабатывать мелкие земельные участки.

Не оправдало себя и создание на базе экономически слабых колхозов подсобных хозяйств промышленных предприятий. К началу 1957 г. в Карелии имелось 78 подсобных хозяйств, из них 27 — при леспромпхозах. Посевную площадь свыше 50 га имели 35 хозяйств, а поголовье крупного рогатого скота свыше 50 голов — 38 хозяйств⁵⁰⁸. В 1957 г. подсобные хозяйства республики дали убыток в сумме 11,2 млн руб., в том числе хозяйства Карельского совнархоза, которые все были убыточными — 8,9 млн руб.

В 28 подсобных хозяйствах совнархоза себестоимость одного центнера молока составила 200—350 руб., а в ряде хозяйств — еще выше: на Соломенском лесозаводе — 393 руб., в Пудожском леспромпхозе — 411 руб. В большинстве хозяйств себестоимость 1 ц картофеля колебалась от 70 до 200 руб., а себестоимость 1 ц говядины достигала 2—3 тыс. руб. Низкой была урожайность: зерновых — 7,7 ц с гектара, картофеля — 61 ц, овощей — 109 ц с гектара. В 1957 г. в подсобных хозяйствах было получено всего 118 ц молока и 12 ц мяса в расчете на 100 га сельхозугодий.⁵⁰⁹

Не было организовано квалифицированное руководство подсобными хозяйствами, их обеспечение техникой, семенами, минеральными удобрениями, земли хозяйств были раздроблены на мелкие участки, что отрицательно сказывалось на их работе. В подсобных хозяйствах начался забой скота, так как для его содержания не было необходимых сельскохозяйственных угодий, помещений, кормов. Не спасло положение и постановление правительства СССР от 25 октября 1956 г. об освобождении министерств и ведомств от сдачи государству мяса и молока от подсобных хозяйств. Из-за отсутствия четкой специализации все подсобные хозяйства продолжали заниматься воспроизводством молочного стада, расходуя дорогостоящие корма. В начале 1960-х гг. половина подсобных хозяйств в республике была ликвидирована, хотя сами руководители подсобных хозяйств признавали необходимость их сохранения при условии четкой специализации производства.

В ходе реорганизации колхозов во многих случаях был нанесен непоправимый ущерб не только хозяйственной, но и социальной сфере села. В связи с концентрацией производства в крупных совхозах многие мелкие населенные пункты оказались удалены от вновь организованных центров совхозов, предприятий торговли и общественного

питания, школ, детских и медицинских учреждений. Это значительно усложнило организацию труда и использование рабочей силы, культурно-бытовое и медицинское обслуживание рабочих совхозов. Так, зверосовхозу «Михайловский» отвели территорию и угодья 11 деревень. В каждой из них прежде была своя ферма крупного рогатого скота, имелись свинофермы, каждый колхозник держал корову, свинью, кур. После создания зверосовхоза на месте 11 деревень осталось две. Людей принудительно переселяли в совхозные центры, в отдаленных селах закрывались магазины, отключалось электричество.

Учитывая эти обстоятельства, правительство республики обратилось в Совет Министров РСФСР с просьбой о выделении для совхозных рабочих банковского кредита в 1959 г. в сумме 200 тыс. руб. и в 1960 г. — 500 тыс. руб. для переноса принадлежавших им домов с хуторов в хозяйственные центры совхозов⁵¹⁰.

«Помню, как обрадовались мои земляки, когда на базе обнищавших колхозов создали совхозы, — вспоминает поэт Иван Костин. — Небольшое облегчение сельским труженикам они все-таки принесли. По крайней мере, люди стали совхозными рабочими, и с «крепостным правом» в деревне было покончено. Какую-никакую, но все же стали получать заработную плату. Наконец, совхозному рабочему по старости начислялась пенсия. Колхозники и этого не имели. Но совхозная централизация шаг за шагом стала приносить для жителей небольших и даже средних деревень все новые беды. То школа закрывается начальная, то амбулаторный пункт, а потом наносится последний удар — переводят все дойное стадо на центральную ферму. Куда деваться дояркам и скотникам? Следом за своими буренушками — в казенные, наспех поставленные тесные квартирки в стандартных домиках. Самые стойкие еще остались в деревне, но их участь уже была предопределена»⁵¹¹.

Ликвидация мелких колхозов, усиление миграции сельского населения в город привели к исчезновению многих сел и деревень. Разрушение сельской поселенческой сети нарушало сложившиеся традиционные условия бытия, вело к утрате многих материальных и духовных ценностей. Корреспондент Прионежской районной газеты А. И. Шурупов в письме в ЦК КПСС, написанном в 1965 г., писал: «Почему наша республика, имеющая высокие урожаи всех культур полеводства и неповторимую продуктивность скота, долгие годы остается иждивенцем? Это происходит потому, что села сносятся, опустошаются сотни тысяч га плодородных пахотных земель и лугов...»⁵¹².

Реорганизация колхозов означала для колхозников изменение социально-правового статуса. Они получили твердую заработную плату, паспорта, пенсии, поэтому слабые хозяйства охотно шли на реорганизацию. В то же время ликвидация колхозов ударила по материальному положению части колхозников, так как не сразу был решен вопрос с обеспечением их пенсией.

Таким образом, предпринятая в 1950-е гг. попытка перехода от жесткого, чрезвычайного управления сельским хозяйством к управлению на основе сочетания централизованного планирования и хозяйственной самостоятельности колхозов и совхозов дала определенные положительные результаты. Изменение налоговой и заготовительной политики, повышение материальной заинтересованности колхозников в результатах труда позволили улучшить производственные показатели сельского хозяйства.

В 1959 г. производство основных видов сельскохозяйственной продукции в республике по сравнению с 1953 г. увеличилось: мяса в убойном весе — в 1,7 раза, молока — в 2,4 раза, яиц — в 5,2 раза. Удой молока от одной коровы в совхозах и колхозах увеличился в 2,1 раза. Валовой сбор картофеля возрос в 3 раза, овощей — в 3,2 раза, при этом прирост картофеля и овощей в значительной степени был достигнут за счет повышения урожайности культур⁵¹³. В 1960 г. республика впервые за послевоенные годы отказалась от ввоза картофеля.

Однако продолжавшаяся регламентация деятельности колхозов и волюнтаризм в управлении сельским хозяйством не дали развиваться в полной мере прогрессивным тенденциям, наметившимся в середине 1950-х гг. В проведении реформы хозяйственного механизма отсутствовал комплексный подход и последовательность. Непрерывное повышение цен на промышленную продукцию, машины, удобрения, горючее практически аннулировало предоставленные в 1950-е гг. крестьянству преимущества и свело на нет прибыли колхозов. В конце 1950-х гг. были приняты меры по ограничению личных приусадебных хозяйств населения. Начавшееся в годы коллективизации разрушение крестьянского двора в 1950-е гг. усугубилось укрупнением колхозов и их преобразованием в совхозы. Экономическими и социальными последствиями такой политики стали нарушение продовольственного

баланса, рост цен на сельхозпродукты, понижение жизненного уровня сельского населения, усиление оттока значительной части трудовых ресурсов из села.

В то же время было бы неверно видеть одну из главных причин снижения темпов развития сельского хозяйства на рубеже 1950–1960-х гг. в реорганизации колхозов. На работе как совхозов, так и колхозов негативно сказывались нарушение объективных экономических законов, ослабление экономических рычагов воздействия на рост производства, недостаточный учет товарно-денежных отношений.

Глава 5

МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОЛХОЗОВ

1. Социально-демографические изменения в колхозной деревне

Великая Отечественная война нанесла большой урон населению республики. Наряду с прямыми потерями на фронтах войны и в районах, подвергшихся оккупации, значительный ущерб был связан с резким падением рождаемости в военные годы, ухудшением возрастной структуры населения, повышением в нем доли женщин. Предвоенную численность населения (606,3 тыс. человек на 1.06.1941 г.) удалось восстановить только в 1954 г.⁵¹⁴

В колхозах республики численность населения к началу 1945 г. составила 56 876 человек, или 42% к довоенному⁵¹⁵. В первое послевоенное пятилетие рост населения, в том числе в колхозах, шел в основном за счет демобилизации и реэвакуации населения. С конца 1940-х гг. ведущую роль в пополнении населения Карелии играла межреспубликанская миграция. Основной поток мигрантов шел из центральных областей Российской Федерации, Белоруссии, Украины, республик Поволжья и Прибалтики. Однако многие переселенцы из-за материальных трудностей, бытовой неустроенности возвратились на прежнее место жительства. За 1951–1958 гг. из 4752 семей, приехавших на работу в колхозы Карелии, выехало обратно 2963 семьи⁵¹⁶. С середины 1950-х гг. темпы роста населения республики уменьшились более чем втрое, и начался его отток из республики⁵¹⁷.

Существенные изменения произошли в системе расселения. В связи с укрупнением колхозов и их преобразованием в совхозы в 1950-е гг. интенсивно проводилось укрупнение сельских населенных пунктов, прежде всего аграрных. Если по переписи 1939 г. в среднем на одно сельское поселение КАССР приходилось 107 жителей, то по

переписи 1959 г. — 151⁵¹⁸. Этот процесс особенно затронул среднюю и северную Карелию, где многие деревни были практически ликвидированы. В 1954 г. было проведено укрупнение сельсоветов в ряде районов республики, в результате которого упразднен 21 сельсовет. Во время осуществления административно-хозяйственной реформы 1957 г. из 608 близлежащих или фактически слившихся селений было образовано 152 населенных пункта⁵¹⁹. Разрушение сельской поселенческой структуры, являясь внешним фактором раскрестьянивания,⁵²⁰ в сущности, вело к вытеснению людей из привычных мест жительства, усилению миграции, особенно молодежи, в город.

В 1950-е гг. численность сельского населения в России неуклонно сокращалась, что было непосредственно связано с доминантами социально-экономической политики власти. Более половины его убыли приходилось на колхозное крестьянство⁵²¹. На этот процесс значительно влияла городская среда, с одной стороны, притягивающая сельских жителей в качестве рабочей силы, с другой стороны, привлекательная для них вследствие более высокого уровня жизни.

В целом с 1939 по 1959 гг. сельское население Карелии сократилось с 318,6 тыс. человек (67,9% от общей численности населения) до 241,7 тыс. (37,1%)⁵²². Доля сельского населения в СССР в это время (1959 г.) составляла 52,1%. Однако надо учитывать, что в силу специфики структуры промышленности в Карелии в это время около половины занятого сельского населения приходилось на работников лесной промышленности⁵²³. Что касается аграрного населения республики (т. е. занятого в сельском хозяйстве), то уже к концу 1950-х гг. оно составляло минимальную долю среди всего сельского населения Нечерноземной зоны РСФСР (19,4%)⁵²⁴. На долю колхозников, включая работающих в государственных и кооперативных предприятиях, учреждениях и общественных организациях, в 1958 г. приходилось всего 10% сельского населения республики, учтенного в похозяйственных книгах⁵²⁵.

Быстрый индустриальный рост республики и городского населения, реорганизация сельской поселенческой сети, преобразование колхозов в совхозы, слабое развитие социально-культурной сферы села, массовая миграция сельских жителей в города оказали сильное воздействие на численность и состав колхозных семей.

В 1950-е гг. в республике ускоренными темпами шло сокращение количества колхозных дворов в сельскохозяйственных и рыболовецких колхозах, которое уменьшилось с 22 682 в 1950 г. до 4 892 в 1959 г. В сельскохозяйственных колхозах республики только за 1950–1954 гг. число наличных трудоспособных колхозников уменьшилось на 5282 человека. Если на 1 января 1941 г. в среднем на 100 хозяйств колхозников приходилось 160 членов семьи в трудоспособном возрасте, то на 1 января 1955 г. — лишь 100 человек⁵²⁶.

В то же время в совхозах и подсобных сельскохозяйственных предприятиях с 1950 по 1955 гг. число рабочих и служащих увеличилось с 6,9 тыс. человек до 12,3 тыс., а в МТС и ЛМС — с 1 тыс. до 3,1 тыс. человек⁵²⁷.

Сокращение численности колхозного крестьянства сопровождалось уменьшением его удельного веса в социальной структуре населения. Если в 1939 г. колхозное крестьянство составляло 47,2% всего населения РСФСР, то в 1959 г. — 31,4%⁵²⁸. В Карелии удельный вес колхозников и членов их семей понизился с 20,1% в 1939 г. до 3,3% в 1959 г.⁵²⁹ Эти изменения были связаны с преобразованием колхозов в совхозы, а также переходом части колхозников на работу в другие отрасли хозяйства. Наиболее высокий удельный вес колхозников приходился на северные районы республики, где сохранились рыболовецкие колхозы — Кемский и Лоухский — 3,5%, Беломорский — 4,4%, Калевальский — 5,7%⁵³⁰.

Вследствие ускоренного процесса реорганизации колхозного строя в Карелии, завершившегося в начале 1960 г., формирование сельского отряда рабочего класса здесь происходило более быстрыми темпами, чем в целом по стране: в 1959 г. в СССР 61,2% сельского населения было связано с государственной и 38,8% — с колхозно-кооперативной собственностью, а в Карелии соответственно 82,9 и 17,1%⁵³¹.

В 1950-е гг. произошло не только резкое сокращение числа крестьянских семей, но и уменьшение их среднего размера, деформация половозрастной структуры, снижение рождаемости, старение сельского, в том числе колхозного населения. Для половозрастной структуры аграрных поселений республики были характерны повышенная доля старших возрастов, пониженная доля мужчин во всех возрастных группах и преобладание женщин почти во всех возрастных группах. В этом отношении особенно выделялись мелкие поселения сельскохозяйственного профиля — основной тип сельских населенных пунктов⁵³².

Таблица 12. Состав сельскохозяйственных колхозов (на 1 января следующего за отчетным года)⁵³³

	1940	1944	1946	1948	1950	1952	1954	1956	1958
Всего числится в колхозе дворов (семей и одиночек)	26 299	16 461	19 969	19 325	19 396	17 103	15 704	5100	4 648
Число наличных дворов (семей и одиночек)	24 777	15 252	19 543	19 241	19 234	16 688	15 165	5 000	4 600
В них наличного населения (не включая отдельных членов семьи, находящихся на 1.01 вне колхоза)	89 233	47 141	59 663	55 097	54 807	45 756	39 782	12 200	11 440
В том числе наличных трудоспособных в возрасте 16 лет и старше	43 293	16 775	20 683	21 735	22 000	18 119	16 718	5 000	4 488
В том числе мужчин в возрасте от 16 до 60 лет	Нет сведений	2 708 (16%)	4 484 (28%)	5 623 (35%)	6 218 (39%)	5 082 (39%)	5 031 (43%)	1 600 (47%)	1 537 (52%)
Женщин от 16 до 55 лет	Нет сведений	14 067 (84 %)	16 199 (72%)	16 112 (65%)	15 782 (61%)	13 037 (61%)	11 687 (43%)	3 400 (53%)	2 951 (48%)
Наличных подростков от 12 до 16 лет	9 068 (10%)	5 605 (12%)	6 801 (11%)	6 647 (12%)	6 597 (12%)	5 171 (11%)	4 616 (12%)	1 200 (15,6%)	764 (10%)
Престарелых (мужчин в возрасте 60 лет и старше и женщины в возрасте 55 лет и старше) и взрослых нетрудоспособных 16 лет и старше	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений	9 164 (16,6%)	8 865 (16,2%)	7 838 (17%)	Нет сведений	2 700 (22%)	2 790 (24%)
Из числа наличных трудоспособных членов колхоза работает в промышленности, на транспорте и т. п., но проживает в колхозе	4 489 (10%)	2 645 (15,8%)	2 213 (10,7%)	2 062 (9,5%)	1 790 (8,1%)	1 485 (8,2%)	626 (3,7%)	200 (4%)	154 (3,4%)

Как видно из таблицы, трудовые ресурсы аграрного сектора республики, как и в предвоенные годы, в значительной степени формировались из женского населения. В 1944–1946 гг. на долю мужчин приходилось лишь 16–22% наличного трудоспособного населения сельскохозяйственных колхозов республики в возрасте от 16 до 60 лет. Постепенно их число увеличивалось, достигнув к 1958–1959 гг. 52%.

К началу 1945 г. количество пожилых колхозников (мужчин старше 60 лет и женщин старше 55 лет) в сельскохозяйственных колхозах было в два с лишним раза выше, чем в семьях рабочих и служащих, при этом участие в работах колхоза принимали до 50% престарелых, в то время как в семьях рабочих и служащих трудились только около 26,7% пожилых людей⁵³⁴. В 1949 г. каждый четвертый работавший в колхозах, МТС и совхозах был старше 50 лет⁵³⁵. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. число пожилых колхозников составляло 16–17% в составе наличного населения сельскохозяйственных колхозов, а во второй половине 1950-х гг. оно вновь увеличилось до 20–27% (см. табл. 12).

В составе поселений аграрного профиля в 1950-е гг. заметно уменьшилось число молодых людей в возрасте 16–24 лет, что было связано с демографическими последствиями войны, миграцией молодых семей, а также выездом подростков на учебу в школы ФЗО, ремесленные училища, техникумы и вузы. Вследствие этого ухудшилось собственное воспроизводство крестьянства, обеспеченность трудовыми ресурсами в последующие годы. На протяжении всего послевоенного периода в сельской местности республики преобладала семья, состоящая из 2–4 человек. В 1959 г. в ней проживало 73,1% сельских жителей⁵³⁶.

Миграционные потоки сельского населения складывались под влиянием различных факторов и вели к ряду серьезных демографических сдвигов, к изменению отраслевой и территориальной занятости населения, ее профессионально-квалификационной структуры. Двойная занятость трудоспособного населения — в общественном и личном подсобном хозяйстве, неравномерное распределение труда по сезонам года, большая, чем в городе, продолжительность совокупного рабочего времени, менее благоприятный режим труда, нерегулярное или неполное предоставление выходных дней и отпусков, низкая оплата труда, социальная незащищенность крестьянства делали труд на селе менее привлекательным, чем в городе. Немалую роль в миграции сельского населения играли и другие социальные и психологические факторы: перспективы учебы, повышения квалификации, культурного развития, лучшие возможности для создания семьи в городах.

Хотя в целом тенденция миграции сельского населения в город была прогрессивной и закономерной для высокоразвитых обществ, она отрицательно сказалась на состоянии трудовых ресурсов колхозов. Уход населения из деревни нанес ей новый ущерб, дополнив потери военного времени.

Активные миграционные процессы, разрушение исторически сложившихся межселенных связей вели к преобразению этнокультурного и демографического облика территории. Для сельской местности были характерны более устойчивые традиции, стереотипы поведения, поэтому на региональные различия внутри сельской местности этнический фактор оказывал гораздо большее влияние, чем на различия между городами разных районов⁵³⁷. Этнический состав населения накладывал сильный отпечаток на все стороны жизни села: производство, связанное с традиционными трудовыми навыками населения, миграцию, ценностные ориентации, образ жизни.

Общая тенденция изменения этнического состава населения республики заключалась в неуклонном росте численности русского и в целом славянского населения и сокращении численности карелов, финнов и вепсов. Одной из самых многочисленных национальностей, населявших Карелию, стали белорусы, число которых с 1939 по 1959 г. увеличилось в 17 раз, а удельный вес составил 11% от всего населения⁵³⁸.

Что касается аграрных поселений в пределах этнической территории карелов, то они не были объектом массового притока мигрантов. Приток мигрантов в аграрные поселения в большинстве случаев не был связан с занятостью в сельском хозяйстве. Доля карелов среди работников сельского хозяйства в 1959 г. составляла около 70%, что подтверждает тот факт, что в послевоенные годы сельское хозяйство оставалось для карелов в известной мере «национальной» отраслью хозяйственной деятельности⁵³⁹.

Таким образом, восстановление численности колхозного населения республики после войны осуществлялось с большими трудностями, и в 1950 г. число трудоспособных членов колхозов едва достигло половины довоенного. В 1950-е гг. ускоренными темпами сокращалось число колхозных дворов и колхозного крестьянства, связанное с преобразованием колхозов в совхозы и подсобные хозяйства промышленных предприятий, переходом колхозников на работу в другие отрасли хозяйства, главным образом, в лесную промышленность. Свертывание колхозной формы собственности, ограничение приусадебных хозяйств неизбежно сопровождалось разрушением небольших деревень, обострением демографической ситуации на селе.

2. Материальное потребление и быт

После окончания войны социальные проблемы вновь оказались на заднем плане, так как все силы и средства были направлены на форсированное восстановление и развитие индустрии. Социальная сфера республики понесла за время войны огромные потери. Полностью были уничтожены 84 населенных пункта республики и частично — 409, разрушено более 7 тыс. колхозных домов⁵⁴⁰. В ряде колхозов Кестеньгского района («Красная звезда», «Советская Карелия», «Серп и молот», «Красный рыбац») в качестве колхозных домов использовались вывезенные из гарнизонов немецкие бани или полуземлянки. Аналогичное положение было во многих населенных пунктах. На селе ощущался острый недостаток больниц, предприятий сферы общественных услуг, торговли.

Последствия войны тяжело сказались на здоровье людей. Во время медицинского обследования населения Кузарандского сельсовета Заонежского района выявилось, что из 450 осмотренных 50 были истощены, а 20 — дистрофики, в том числе 12 детей. Распоряжением Совнаркома республики для колхозников района в 1945 г. был организован стационар дистрофических больных⁵⁴¹.

Хотя решение вопросов быта в силу вынужденных обстоятельств не могло вестись в полном объеме, тем не менее, значительные средства выделялись на оказание помощи семьям военнослужащих, медицинское обслуживание. Особое внимание уделялось устройству детей, оставшихся без родителей. В середине 1946 г. в детских домах и интернатах республики содержалось более 4 тыс. детей. К концу 1947 г. детская беспризорность была в основном ликвидирована⁵⁴².

В 1945 г. Центральный Комитет Общества Красного Креста КФССР впервые организовал подготовку кадров медицинских сестер для колхозных медпунктов. Курсы колхозных медсестер были организованы в Кемском, Олонецком, Сортавальском, Кондопожском и Пудожском районах республики. 48 девушек окончили 4-хмесячные курсы колхозных медсестер и приступили к работе в медпунктах⁵⁴³. Во всех районах работали больницы, однако, остро ощущался недостаток медицинских кадров. В 14 районах республики не было детских врачей, в сельской местности практически отсутствовали специализированные виды медицинской помощи. Даже спустя 10 лет после окончания войны в городской местности на 10 тыс. человек приходилось 22 врача, а в сельской — 4⁵⁴⁴.

В колхозах неудовлетворительно обстояло дело с детскими дошкольными учреждениями. В январе 1945 г. в колхозных семьях насчитывалось 10 218 детей до 8 лет, однако в колхозах имелись только 21 ясли на 353 места и не было ни одного детского сада. Спустя 10 лет в сельской местности республики (включая и лесопромышленные поселения) только 13% детей в возрасте до 7 лет посещали детские дошкольные учреждения⁵⁴⁵. В колхозах республики в 1957 г. имелось всего 7 сезонных, созданных на период уборочных работ детских яслей и садов, рассчитанных на 71 ребенка, и одни стационарные ясли на 12 человек⁵⁴⁶.

В республике остро стояли проблемы снабжения продовольственными и промышленными товарами первой необходимости. В 1945 г. в деревнях и селах республики вновь открылись 143 магазина и лавки, 46 столовых, 15 пекарен, возобновили работу 33 сельских потребительских общества⁵⁴⁷. В первом квартале 1946 г. в сельскую торговую сеть было направлено более чем на 3 млн руб. товаров широкого потребления, в том числе шорных изделий, веревок, гвоздей, сортового железа, печного литья, красок, железных лопат, топоров и других хозяйственных товаров. В райпотребсоюзы направлен вагон эмалированной посуды, тысячи ведер, умывальников, бидонов⁵⁴⁸.

Принимались меры по оживлению колхозной торговли. С этой целью были снижены ставки разового сбора и платы на колхозных рынках. В ноябре 1945 г. 56 колхозов Петровского, Пряжинского, Кондопожского, Прионежского, Заонежского и Ведлозерского районов приняли участие в первой послевоенной колхозной ярмарке в Петрозаводске. Рыночные цены на продукты были снижены в 3–4 раза. В первый же день колхозы продали населению Петрозаводска более 6 т мяса, а за 3 дня торговли петрозаводчане приобрели мяса, рыбы, картофеля, овощей, молока и других продуктов на сумму 544 тыс. руб. Колхозники купили на ярмарке товары на сумму 600 тыс. руб. Среди наиболее ходовых товаров были мануфактура, обувь, одежда, галантерея, хозяйственная посуда и инвентарь. Для обслуживания покупателей на ярмарке работали парикмахерская, отдел связи, справочное бюро⁵⁴⁹.

На колхозников, в отличие от рабочих и служащих, не распространялись продовольственные карточки, гарантировавшие хотя бы минимум жизненно важных продуктов питания. Тем не менее в отношении крестьянства были приняты жесткие меры. В сентябре 1945 г.

правительство Карелии запретило райисполкомам снабжать колхозников хлебом из государственных фондов, за исключением вернувшихся из эвакуации членов колхозов, которые не имели заработанных трудовых.

В сельской местности, где во многих населенных пунктах не было магазинов, особенно остро ощущался дефицит продуктов. В неопубликованном письме сельского корреспондента из дер. Зашеек Кестеньгского района в газету «Тотуус» в марте 1947 г. сообщалось, что население деревень Зашеек и Ругозеро из-за отсутствия магазина и транспорта вынуждено ходить пешком за продуктами на расстояние от 25 до 50 км в дер. Оланга и ждать днями и даже неделями поступления продуктов из районного центра Кестеньга. В результате работать в колхозе некому, так как все жители заняты доставкой продуктов⁵⁵⁰.

Попыткой переломить ситуацию со снабжением продовольствием, оздоровить финансовую систему явилась денежная реформа 1947 г. Была отменена карточная система, выпущены в свет новые денежные знаки, введены единые цены на продовольственные и промышленные товары, которые были ниже коммерческих, но в 3,2 раза выше прежних государственных цен. Реформа дала простор коммерческой торговле, позволила сбалансировать денежную массу с товарной, но цены для большинства населения оказались недоступными. В последующие годы (1948–1954) произведено 7-кратное снижение цен на товары широкого потребления: вследствие чего розничные цены снизились в 2,3 раза. Однако по существу был просто восстановлен их уровень после повышения 1947 г.

К тому же вследствие падения государственных цен резко пошли на убыль и цены на колхозных рынках — главном источнике денежного дохода колхозников. Крайне низкими остались заготовительные цены на сельхозпродукцию — они возмещали лишь 1/10 часть затрат колхозников на производство зерна и 1/20 часть — на производство мяса. Таким образом, выгоды от снижения цен одна часть общества получила за счет другой. От такой политики в области цен и заработной платы вскоре пришлось отказаться, так как аграрный сектор не мог развиваться в подобных условиях.

Тяжелое материальное положение населения усугублялось политикой государственных займов, которая в послевоенные годы приняла фактически принудительный характер. Вопреки названию акции денежные средства направлялись не столько на

восстановление хозяйства, сколько на развитие военно-промышленного комплекса. Если в трудные военные годы люди шли на жертвы сознательно, то теперь государству приходилось использовать мощные пропагандистские средства. В центральной газете «Правда» и в местной периодической печати публиковались призывы: «Ни одного трудящегося без облигаций нового займа... Подписка проводится под лозунгом «Трех- четырехнедельный заработок – займы государству».

В течение ряда лет значительная сумма подписки крестьян по государственным займам в республике оставалась неоплаченной: при подписке на 3-й Государственный заем восстановления и развития народного хозяйства СССР в сумме 1680 тыс. руб. было собрано лишь 1321 тыс. руб. (78,6%); на 4-й заем в сумме 1582 тыс. руб. – 1399 тыс. руб. (88,4%); на 5-й государственный заем в сумме 1527 тыс. руб. было внесено лишь 1195 тыс. руб. (78,3%)⁵⁵¹.

Отмена карточной системы и проведение денежной реформы не смогли ликвидировать острый дефицит продуктов, по существу сохранялся прежний, как при карточной системе, принцип снабжения продуктами и товарами повседневного спроса. В первую очередь, их получали представители партийно-советской номенклатуры, промышленные центры, торговая сеть отделов рабочего снабжения важнейших отраслей производства. Снабжение сельского населения продовольственными и промышленными товарами осуществлялось через потребительскую кооперацию.

В конце 1947 г. в республике работало 13 колхозных рынков, 2 из которых были построены в 1947 г.⁵⁵² Кроме Петрозаводска, колхозные рынки имелись в 10 других городах республики, наиболее крупный из которых был в Сортавале. Однако в конце 1940-х гг. городская кооперативная торговля была передана Министерству торговли, отменены закупки сельхозпродуктов кооперацией по ценам, складывавшимся на рынке, что привело к фактическому прекращению деятельности колхозных рынков в ряде районов – Куркиёском, Питкярантском, Кондопожском и др.

С 1953 г., в результате осуществления мер, намеченных сентябрьским пленумом ЦК КПСС, объем торговли на колхозных рынках г. Петрозаводска стал расти, однако, удельный вес продажи колхозами продуктов в общем обороте торговли к середине 1950-х гг. несколько снизился.⁵⁵³

Таблица 13. Удельный вес продажи продукции колхозами республики в процентах к общему товарообороту

Год	Весь оборот в тыс. руб. (в ценах соответствующих лет)	В том числе продано колхозами	Удельный вес продажи колхозами в общем обороте в %
1940	4 330	559	12,9
1950	12 709	2 163	17,0
1953	15 221	2 343	15,4
1954	18 922	2 881	15
1955	20 136	2 579	12,8

На колхозных рынках других городов (кроме г. Сортавалы) торговля носила случайный характер.

В 1950-е гг. расширилась сеть розничной торговли. В 1945–1955 гг. сеть магазинов, ларьков, палаток увеличилась в 2,2 раза, но в то же время сократилось число мелких предприятий розничной сети — ларьков, разносков, развозков, которые играли значительную роль в снабжении товарами первой необходимости жителей села⁵⁵⁴. Несмотря на рост товарооборота, сохранялся товарный дефицит. Население республики снабжалось, главным образом, за счет завозных продуктов и промышленных товаров. Не удовлетворялся спрос на многие продовольственные и такие промышленные товары, как кожаная обувь, шерстяные ткани, детская одежда и т. д.

Серьезные упущения имелись в области бытового обслуживания населения. Жители сельской местности испытывали большие трудности с пошивом и ремонтом одежды, обуви, бытовых приборов. До начала 1960-х гг. здесь практически не была создана сеть предприятий обслуживания, и жители были вынуждены ехать за десятки и сотни километров в районные центры или Петрозаводск, чтобы сфотографироваться, починить бытовые приборы. К тому же после ликвидации системы промкооперации в середине 1950-х гг. почти прекратилось выполнение на дому различных работ по изготовлению и ремонту предметов домашнего обихода.

В связи с укрупнением колхозов во второй половине 1950-х гг. началось сселение мелких деревень на центральные усадьбы, где строились различные объекты социально-культурного назначения. Однако существенных изменений в социально-бытовом положении колхозников не произошло. В то же время в удаленных от центральных усадеб населенных пунктах по существу прекратилось строительство школ, магазинов, клубов, фельдшерских и акушерских пунктов, были ликвидированы

автобусные маршруты на малорентабельных направлениях. В мелких деревнях не было электричества, благоустроенных дорог, ремонтных мастерских и т. д. Не хватало среднего медицинского персонала, оборудования, не проводилась лечебно-профилактическая работа.

В конце 1950-х гг. расходы на оплату оказанных населению услуг в среднем по республике были на 15–20% ниже уровня, достигнутого по РСФСР. На жителя же сельской местности приходилось услуг в 4 раза меньше, чем в городской местности⁵⁵⁵. В результате свободное от работы в общественном секторе время колхозницы тратили в основном на работу по дому и на приусадебном участке.

Строительство жилья на селе велось как силами колхозов, так и самими колхозниками. Для руководства восстановительными работами на селе при правительстве КФССР было организовано Главное управление по сельскому и колхозному строительству с разветвленной сетью областных управлений и районных отделов. В колхозах создавались строительные бригады. С их помощью в Кондопожском районе было восстановлено 102 дома, в Ведлозерском районе — 99 домов, в Олонецком — 87 и т. д.⁵⁵⁶

Только в 1945 г. колхозами республики было восстановлено 3595 жилых и хозяйственных строений, в том числе выстроено заново 240; в 1946 г. — восстановлено 4279 жилых домов и хозяйственных построек и построено заново 862 объекта, однако из-за нехватки средств планы жилищного строительства регулярно не выполнялись⁵⁵⁷. Даже спустя 5 лет после войны жители ряда населенных пунктов жили в полуземлянках. Нередкими были случаи, когда выделенные на строительство жилья средства не осваивались из-за нехватки в колхозах плотников. В Кестеньгском районе из 500 тыс. руб., выделенных на строительство домов переселенцев и других категорий населения, было освоено лишь 17 тыс. руб.⁵⁵⁸ Причиной являлась ставка местных властей на участие общественности в строительстве домов, в результате чего не была организована работа строительной конторы.

В 1950-е гг., и особенно во второй половине 1950-х гг., когда началась реорганизация колхозов, размеры строительства жилья колхозами резко сократились.

Таблица 14. Ввод в действие жилых домов колхозами* (тыс. кв. м общей площади)⁵⁵⁹

1946–1950 гг.	1951–1955 гг.	1956–1960 гг.
113,9	64,8	17,6

Примечание. * Колхозами, колхозниками и сельской интеллигенцией, включая собственное строительство межколхозных строительных организаций.

К тому же статистика не учитывала благоустройство сельского жилья, значительно уступавшего городскому. Так, в 1956 г. электроэнергией пользовалась лишь 1/3 дворов в сельскохозяйственных колхозах⁵⁶⁰.

Из-за экономической слабости колхозов они не имели возможности выделять средства на благоустройство территории колхозных сел, которое в ряде мест проводилось по инициативе и силами общественности. 11 мая 1949 г. в газете «Ленинское знамя» было опубликовано обращение жителей села Тигверы Ведлозерского района к сельчанам республики с призывом широко развернуть соревнование за благоустройство колхозных сел. В обращении говорилось: «...Село Тигвера заново застраивается по плану, утвержденному исполкомом райсовета. В два ряда по берегу Тигверки располагаются индивидуальные дома и общественные постройки. Восемь удобных и красивых жилых домов в селе уже построено, строятся новые дома. Однако до сих пор не благоустроена, не выровнена центральная улица, нет зеленых насаждений, общественного колодца, неряшливо выглядят изгороди у домов. Чтобы сделать село культурным и благоустроенным, мы берем обязательство в этом году провести очистку улиц села, посадить возле домов и вдоль центральной улицы села сто деревьев. Вместо обычных изгородей из жердей и кольев в течение лета построить красивые уличные заборы, разбить палисадники, выровнять центральную улицу, сделать общественный колодец... В нашем сельсовете еще не развита физкультурная работа, а дело это очень важное. Мы решили своими силами соорудить спортивную площадку... Все это будет нашим первым вкладом в благоустройство колхозного села. Будем осуществлять все эти работы своими силами в нерабочее время. Мы обращаемся ко всем жителям сел нашей республики с призывом широко развернуть соревнование за благоустройство колхозных сел».

Уровень жизни крестьян оставался низким. С 1946 по 1952 гг. существенно сократились доходы колхозников от работ в общественном хозяйстве. Выдача на один трудодень в сельскохозяйственных колхозах Карелии в 1953 г. составила 0,75 руб. против 1,13 руб. в 1940 г., 0,18 кг картофеля против 0,94 кг, 0,69 кг зерна против 0,97 кг в 1940 г.⁵⁶¹ Подобный уровень доходов не мог обеспечить воспроизводство рабочей силы даже на биологическом уровне. Так, после осуществления денежной реформы, с 14 декабря 1947 г., новая цена 1 кг ржаного хлеба в государственной торговле составляла 3 руб. 20 коп., пшеничного хлеба — 7 руб. 80 коп., 1 кг сахара — 16 руб. 50 коп., растительного масла — 32 руб., 100 г чая — 16 руб.⁵⁶²

При анализе материального положения колхозного крестьянства республики воспользуемся данными о стоимости необходимого набора продуктов питания (исключая картофель), исчисленного Д. В. Милохиным для 3-го ценового пояса СССР, куда входила и Карело-Финская ССР. В ценах денежной реформы (декабрь 1947 г.) она составляла 8852 руб. 42 коп. в год или 737 руб. 70 коп. в месяц⁵⁶³. В то же время средний денежный годовой доход от общественного хозяйства, полученный одним трудоспособным колхозником Карелии, составлял в 1948–1949 гг. немногим более 200 руб.

Основным источником средств существования крестьянской семьи являлось приусадебное хозяйство. Анализ роли приусадебного хозяйства крестьян в общем сельскохозяйственном производстве и в совокупном доходе крестьянской семьи подробно рассмотрен во 2-й и 3-й главах исследования. Здесь лишь отметим, что в начале 1950-х гг. их доля в целом на Европейском Севере составляла до 70% совокупных доходов двора, а в ряде районов — до 90% доходов крестьянской семьи⁵⁶⁴. Кроме того, приусадебные хозяйства обеспечивали колхозников основными продуктами питания: картофелем, мясом, молоком, овощами.

Денежные доходы колхозной семьи от сдачи государству и потребительской кооперации скота и продуктов сельского хозяйства, их продажи на колхозном рынке имели ощутимый вес⁵⁶⁵. Однако до конца 1953 г. продукция крестьянских приусадебных хозяйств сдавалась государству по чисто символическим ценам. В 1950 г. молоко сдавалось по цене 25 коп. за литр при государственной розничной цене 2 руб. 70 коп., мясо — по цене 14 коп. за килограмм при государственной цене 11 руб. 40 коп.⁵⁶⁶ Повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию после сентябрьского пленума ЦК КПСС повысило роль этого источника доходов крестьянской семьи.

Курс на демократизацию общества в середине 1950-х гг. потребовал серьезных корректив экономической политики, ее ориентации на улучшение условий жизни людей. Таких масштабов, как в 1950-е годы, социальная политика страны еще не знала: массовое жилищное строительство, пенсионная реформа, сокращение рабочего дня, повышение зарплаты и т. д. Наибольший выигрыш от этой политики получили рабочие и служащие, и лишь в незначительной степени она коснулась колхозного крестьянства.

Принятые сентябрьским (1953 г.) пленумом ЦК КПСС меры позволили улучшить материальное положение крестьянства. В 1956 г.

в колхозах было введено ежемесячное авансирование колхозников и форма денежной оплаты по дифференцированным расценкам труда, снижены налоги на приусадебное хозяйство. Если в среднем по РСФСР в 1946–1950 гг. на оплату трудодней уходило около 30% совокупного годового дохода колхоза, то в 1958 г. — уже около 50%⁵⁶⁷. При этом увеличилась оплата деньгами, и снизилось значение натуральной оплаты. За 1953–1959 гг. денежный доход на колхозную семью по РСФСР увеличился в 1,9 раза, в том числе за работу в колхозе по трудодням и дополнительной оплате труда — в 4,4 раза. Однако денежные и натуральные доходы колхозников от общественного и личного хозяйства оставались в два раза ниже, чем средняя заработная плата рабочих и служащих в городах⁵⁶⁸.

В колхозах Карелии в 1958 г. на оплату трудодней было отчислено от 20 до 50% денежного дохода, а доходы колхозников на трудодень в расчете на одного работающего выросли по сравнению с 1953 г. в 3,3 раза⁵⁶⁹. В отдельных колхозах выдача денег на трудодень выросла весьма ощутимо: с 1953 по 1958 гг. в колхозе «Шунгский» Заонежского района — с 0,33 руб. до 5 руб., им. Сталина Заонежского района — с 0,44 до 4 руб., им. Куйбышева Пудожского района — с 0,19 до 4 руб., им. Тельмана Сортавальского района — с 6,33 до 11 руб.⁵⁷⁰

Увеличение выработки трудодней на одного трудоспособного колхозника сельскохозяйственного колхоза и повышение денежной оценки трудодня способствовали росту годового дохода колхозников:⁵⁷¹

Таблица 15. Выработка трудодней и годовой доход на одного трудоспособного колхозника республики

	1950	1954	1955	1956	1957	1958
Выработано трудодней на одного трудоспособного колхозника	260	286	321	346	364	401
Денежная оценка трудодня*	3=08	3=51	3=56	6=09	6=37	7=30
Годовой доход на одного трудоспособного колхозника	800=80	1003=86	1142=76	2107=14	2318=68	2927=30

Примечание. *Исходя из стоимости определенных к выдаче за трудодень продуктов по государственным ценам и суммы денежного дохода в розничных ценах 1953 г.

Однако заработок колхозника от общественного хозяйства по-прежнему существенно отставал от заработка рабочего совхоза. Если в 1956 г. в среднем за год колхозник республики заработал на трудодни с учетом стоимости выданных продуктов по государственным ценам и суммы денежного дохода в розничных ценах 1953 г. 2107 руб., т. е. 175 руб. 60 коп. в месяц, то рабочий совхоза получил за месяц 492 руб., в 1957 г. соответственно 193 руб. и 567 руб.⁵⁷²

Структура доходов колхозной семьи включала натуральные и денежные поступления от государственных и общественных организаций, колхозов, приусадебных хозяйств, общественных фондов потребления и др. В 1950-е гг. изменилось соотношение статей дохода колхозной семьи: в 1959 г. денежные доходы от колхоза в общем денежном доходе семей российских колхозников составили 39,3% против 16,6% в 1953 г., а доход от реализации продукции личных хозяйств соответственно уменьшился с 39 до 30,1%⁵⁷³. Это было связано как с увеличением доходов колхозов во второй половине 1950-х гг., так и с административными притеснениями приусадебных хозяйств. В целом же в конце 1950-х гг. совокупный доход большинства колхозных семей в РСФСР составлял не более 2/3—3/4 от средних заработков рабочих совхозов и менее 1/2 заработной платы рабочих промышленности⁵⁷⁴.

Некоторым подспорьем для бюджета колхозной семьи были поступления из общественных фондов потребления: пенсии и пособия от государства и колхозов. Однако государственным пенсионным обеспечением до 1965 г. пользовались лишь инвалиды Великой Отечественной войны, председатели колхозов, специалисты сельского хозяйства и механизаторы, перешедшие в колхозы после реорганизации МТС⁵⁷⁵. Декретные отпуска по беременности и родам колхозницам оплачивались не государством, а из фондов колхозов, которые часто были пустыми. Отпуск колхозниц был намного короче, чем у женщин-работниц и служащих государственных учреждений (соответственно: 2 месяца с сохранением половины средней выработки трудодней у колхозниц и 112 дней у работниц и служащих). Разовую материальную помощь одиноким старикам и инвалидам, полностью утратившим трудоспособность, колхозникам, пострадавшим от стихийных бедствий, сиротам, женщинам по беременности и родам оказывали также кассы общественной взаимопомощи, созданные в колхозах.

Укрепление экономики колхозов в 1950-е гг. и совершенствование форм оплаты труда создали необходимые предпосылки для развития в колхозах различных видов социального обеспечения. Колхозы постепенно начали выплачивать не только пенсии по старости и инвалидности,

но и различного рода пособия: по временной нетрудоспособности, беременности и родам и т. п.

Однако система материального обеспечения нетрудоспособных колхозников самими колхозами не имела гарантированного и устойчивого характера. Каждый колхоз решал вопросы о пенсионном обеспечении в зависимости от своих доходов. В слабых в экономическом отношении колхозах общественный фонд, в том числе и пенсионный, был невелик, а во многих хозяйствах не было возможности выплачивать даже пенсии по инвалидности и по случаю потери кормильца.

Принятый Верховным Советом СССР 14 июля 1956 г. «Закон о государственных пенсиях» повысил размеры государственных пенсий некоторым категориям колхозников (инвалидам Великой Отечественной войны, членам семей погибших воинов и получившим инвалидность при выполнении государственных и общественных обязанностей)⁵⁷⁶. Однако Закон не учитывал интересы остальных колхозников, обеспечение которых по старости и нетрудоспособности осуществлялось за счет средств самих колхозов.

В 1956 г. была унифицирована система колхозных фондов помощи нетрудоспособным: 2% сельскохозяйственной продукции стали регулярно отчисляться в этот фонд. В ряде колхозов были приняты положения о специальных страховых и пенсионных фондах, за счет средств которых оказывалась помощь престарелым и инвалидам. В 1958 г. менее половины колхозов РСФСР оказывали помощь в порядке пенсионного обеспечения, а в 1959 г. — уже 70% артелей выплачивали пенсии по старости, пособия по временной нетрудоспособности, беременности и родам. При этом начисление пенсий членам колхозов значительно отличалось от начисления государственных пенсий. При назначении пенсии и определении ее размера колхозы учитывали степень нуждаемости престарелых, выполнение установленного минимума трудодней и посильных обязанностей в общественном хозяйстве перед выходом на пенсию, наличие трудоспособных членов семьи, обязанных содержать престарелых по закону, количество трудоспособных в семье, величину приусадебного участка у пенсионера, наличие у него других видов заработка⁵⁷⁷.

В Карелии в 1958 г. 21 из 65 сельскохозяйственных колхозов оказывали постоянную помощь престарелым и нетрудоспособным (1087 колхозникам) в порядке пенсионного обеспечения, в том числе 18 колхозов — путем начисления трудодней (140 колхозникам). В 1958 г. пенсионеры этих колхозов получили продуктов и денег на

сумму 83,4 тыс. руб. Разовую помощь нуждающимся колхозникам в течение года смогли оказать лишь 4 колхоза⁵⁷⁸.

При реорганизации колхозов часть колхозников ввиду преклонного возраста и потери трудоспособности не смогла перейти в совхозы и не получила права на пенсию, между тем многие из них отработали в колхозах по 25–30 лет. Те же из них, которые перешли на работу в совхозы, но не могли работать, также лишились этого права. Таких лиц по республике насчитывалось до 2500. Правительство Карелии и областной комитет партии в декабре 1960 г. обратились в Совет Министров РСФСР с просьбой назначить этим колхозникам пенсии по социальному страхованию в минимальных размерах (28 руб. 50 коп.)⁵⁷⁹.

Однако лишь с 1 января 1965 г. было введено пенсионное обеспечение колхозников (Закон СССР от 15 июля 1964 г. «О пенсиях и пособиях членов колхозов»)⁵⁸⁰. Правда, условия назначения пенсий по сравнению с рабочими и служащими отличались по размеру и возрастному цензу. Пенсионный возраст для колхозников был увеличен на 5 лет (для мужчин — с 65, женщин — с 60 лет). Если колхозник имел приусадебный участок более 0,15 га, то его пенсия сокращалась на 15% (по постановлению Совета Министров СССР от 3 июня 1971 г.). Пенсии рабочих и служащих и пенсии колхозников были неодинаковыми: они составляли соответственно 36 и 12 руб.,⁵⁸¹ что свидетельствовало о сохранявшемся социальном неравенстве между рабочим классом и колхозным крестьянством.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 1 апреля 1965 г. «О пенсионном обеспечении бывших членов колхозов, земли которых переданы совхозам и другим предприятиям и организациям», был проведен учет лиц для назначения им пенсий. Всего было учтено по республике 3 тыс. таких лиц⁵⁸². В 1965 г. получали пособия из местного бюджета как бывшие колхозники 2085 человек; пенсии были назначены 259 бывшим членам колхозов и 422 членам рыболовецких колхозов⁵⁸³.

Об уровне материального положения крестьян можно, в первую очередь, судить на основании анализа структуры расходов колхозных семей, уровня потребления продуктов питания и промышленных товаров. Ценным источником по изучению доходов и расходов крестьянских семей являются бюджетные обследования. Однако на территории Европейского Севера России они проводились в 1950-е гг. только в Вологодской области. Поэтому для изучения данного вопроса приходится пользоваться теми данными, которые отложились в различных фондах местных архивов.

Значительную долю расходов крестьянских семей составляли обязательные поставки сельскохозяйственной продукции государству. Вследствие тяжелого положения, хозяйства зачастую не могли выполнить их в полном объеме. Существенная часть бюджета колхозников уходила на оплату сельскохозяйственного налога, страховых платежей, подписку займов. Общая сумма налогов, сборов, затрат на приобретение облигаций в конце 1940-х — начале 1950-х гг. составляла примерно 1/5 часть денежных расходов крестьянской семьи в среднем по СССР. По России в 1945 г. каждый крестьянский двор израсходовал на эти цели в среднем 33% расходной части бюджета⁵⁸⁴. Чтобы избежать высоких налогов, крестьяне вынуждены были сокращать посевные площади и количество скота в хозяйствах. В 1951 г. каждое третье хозяйство в Коми АССР, Архангельской и Вологодской областях было бескоровным⁵⁸⁵, в Карелии таких хозяйств было 41%.

В 1946 г. был отменен военный налог, на долю которого приходилось до 10% всех платежей. Существенное облегчение колхозникам принесло проведенное в 1950-е гг. снижение налогов. Если в 1952 г. на уплату сельскохозяйственного и других налогов, страхового сбора и т. п. в среднем по РСФСР каждый колхозный двор расходовал 628 руб., то в 1954 г. — 380,6 руб., а в 1960 г. — 350,1 руб.⁵⁸⁶ Важной статьей расходов крестьянских семей были затраты на поддержание приусадебного хозяйства: покупку скота, птицы, семян, инвентаря и т. д.

Большая часть доходов крестьянской семьи уходила на питание, хотя значительная часть продуктов питания производилась в приусадебных хозяйствах (молоко, масло, мясо, картофель, овощи). Структура питания колхозников оставалась малокалорийной и однообразной. В 1950 г. в среднем на душу в месяц в России потреблялось 14,2 кг муки (хлеба), 23,3 кг картофеля, 715 г крупы, 3,6 кг овощей, 10 кг молока, 1,3 кг мяса, 3 яйца и незначительное количество таких продуктов, как животное и растительное масло, рыба, сахар, кондитерские изделия⁵⁸⁷.

В 1950-е гг. питание колхозников стало более калорийным и разнообразным: уменьшилось потребление хлеба и картофеля, увеличилось потребление овощей, мяса, молока, яиц, жиров, сахара. Значительная часть продуктов питания завозилась в республику из других регионов России. Повысилась покупательная способность колхозников. Если в 1950 г. крестьянская семья в России в среднем израсходовала на покупку товаров легкой промышленности 10% своего бюджета, то в 1960 г. — 18,5%⁵⁸⁸. Хотя доля расходов на непродовольственные промышленные товары увеличилась, покупались лишь самые необходимые, в основном дешевые товары. Традиционными товарами крестьянского спроса были соль,

мыло, керосин, хлопчатобумажные ткани. Расходы денег на приобретение промышленных непродовольственных товаров у колхозников в России, по материалам выборочного обследования бюджетов, в 1959 г. составляли лишь 59% к расходам семей рабочих промышленности, а расходы на мебель, предметы домашнего обихода были почти в 2,5 раза меньше, чем в семьях рабочих промышленности и совхозов⁵⁸⁹. Бюджетные данные свидетельствуют о значительной «производственно-потребительской» замкнутости крестьянского двора на Европейском Севере в 1950-е гг.⁵⁹⁰ В полной мере это относится к Карелии.

В 1950-е гг. улучшилось медицинское обслуживание на селе, хотя по количеству учреждений здравоохранения и качеству обслуживания деревня существенно уступала городу. Число больничных коек в сельской местности в 1955 г. по сравнению с 1940 г. увеличилось лишь на 30% (при общем росте их числа в республике на 72,8%) и было меньше, чем в 1940 г. (соответственно: 1130 и 1175). В колхозах не было родильных домов, имелось лишь 319 родильных коек (в 1940 г. — 327). В результате в 1955 г. оказались без помощи около 1 тыс. рожениц, в основном в сельской местности республики⁵⁹¹. Основным медицинским учреждением на селе являлся фельдшерско-акушерский медпункт. За неимением данных по колхозам приведем сведения по обеспеченности населения больничными койками и врачами в городской и сельской местности.⁵⁹²

Таблица 17. Основные показатели здравоохранения в республике⁵⁹³

	1945	1959
Число больничных учреждений — всего*	79	139
в том числе в городах и поселках городского типа	40	75
в сельских местностях	38	62
Число больничных коек (без госпиталей) — всего	2784	6714
в том числе в городах и поселках городского типа	2126	5044
в сельских местностях	598	1170
Число врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений — всего	160	163
в том числе в городах и поселках городского типа	86	100
в сельских местностях	74	63
Число фельдшерско-акушерских пунктов	191	451
в том числе в городах и поселках городского типа	10	37
в сельских местностях	181	414
Численность врачей — всего	280	1173
в том числе в городах и поселках городского типа	231	1034
в сельских местностях	49	139
Численность лиц среднего медицинского персонала — всего	1502	5396
в том числе в городах и поселках городского типа	975	4103
в сельских местностях	527	1293

Примечание. *Включая психоневрологические лечебные учреждения и койки в них без распределения на город и село.

Таким образом, в послевоенные годы уровень жизни колхозного крестьянства оставался низким. Незначительные доходы от общественного хозяйства колхозникам приходилось восполнять за счет труда на приусадебных участках. Несмотря на принятые в середине 1950-х гг. меры по улучшению материального положения колхозного крестьянства, введение ежемесячного авансирования и денежной оплаты труда колхозников, до середины 1960-х гг. не были решены вопросы государственного пенсионного обеспечения и до 1970-х гг. – социального страхования в колхозах. Деревня существенно отставала от города по торговому, бытовому, коммунальному, медицинскому обслуживанию. Между тем, как подчеркивал экономист-аграрник А. В. Чаянов, учет вопроса о социальном устройстве деревни являлся решающим фактором сельскохозяйственного производства⁵⁹⁴. Негативно сказались на уровне жизни населения мелких населенных пунктов укрупнение и реорганизация колхозов, приведшие по существу к ликвидации социальной сферы, а затем и самих деревень.

3. Общественно-политическая жизнь. Культурное обслуживание деревни

Социальная дискриминация крестьян, лишенных пенсий и оплачиваемых отпусков, права по своей воле покинуть местожительство, дополнялась политической дискриминацией. Они не имели политического представительства, как другие слои населения (у рабочих и служащих – профсоюзы, у творческой интеллигенции – творческие союзы). Принятый в 1935 г. Примерный Устав сельскохозяйственной артели с его формальными гарантиями автономии и демократии в сельскохозяйственных кооперативах не соблюдался уже в довоенное время.

Тяжелое положение колхозов после войны, неоправдавшиеся надежды крестьян на облегчение налогового гнета привели к снижению общественной активности населения. Общие собрания колхозников проводились редко, уменьшилась доля колхозников, присутствовавших и выступавших на отчетно-выборных собраниях, работа правлений колхозов нередко признавалась неудовлетворительной. На собраниях в колхозах Европейского Севера постоянно отсутствовало до 30% членов артели⁵⁹⁵. Из-за отсутствия необходимого кворума многие важные вопросы колхозной жизни решали единолично председатели колхозов⁵⁹⁶.

После сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС были расширены права колхозов в организации внутренней жизни. Принятое по этому вопросу 6 марта 1956 г. постановление Совета Министров и ЦК

КПСС «Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели» предоставляло колхозникам право на общих собраниях дополнять и изменять отдельные положения Устава сельхозартели с учетом местных особенностей, определять размеры посевных площадей по культурам и поголовья скота по видам, размеры приусадебных участков, количество скота в личной собственности, устанавливать минимум трудодней, распределять доходы, принимать в артель и исключать из нее⁵⁹⁷.

В 1953 г. в 168 из 373 сельскохозяйственных колхозов республики состоялись отчетно-выборные собрания, а в 205 колхозах — отчетные собрания. В ходе обсуждения отчетных докладов правлений лишь в 4 артелях работа признана хорошей, в 192 — удовлетворительной, а в 177 — неудовлетворительной⁵⁹⁸.

В связи с укрупнением колхозов возникла необходимость изменения функций общих собраний колхозников, вместо них все большее распространение получали собрания уполномоченных. В бригадах и на фермах созывались общие собрания, на которых обсуждались внутренние вопросы, а также отчеты уполномоченных делегатов.

На практике основы колхозной демократии часто нарушались. В руководстве колхозами сохранялось администрирование; председатели колхозов могли назначаться сверху и сниматься без решения общего собрания колхозников, по инициативе райкомов и райисполкомов. Фактическое бесправие колхозников в решении вопросов внутриколхозной жизни вело к тому, что колхозные собрания часто проводились с нарушением процедуры голосования, так как не обеспечивали необходимого количества голосов. В тех же случаях, когда на собраниях решались жизненно важные вопросы, колхозники проявляли активность.

С целью повышения активности сельского населения предпринимались широкомасштабные пропагандистские акции. Перед ответственными сельскохозяйственными работами проводились митинги и собрания. Получила распространение практика выступлений партийных и советских работников перед колхозниками с докладами по политическим вопросам. На местах создавались группы докладчиков, агитаторов. Широкая массово-политическая работа развертывалась в период подготовки к выборам в советы депутатов трудящихся всех уровней. Партийными органами заранее подбирались и утверждались на заседаниях бюро кандидатуры депутатов, которые предлагались на утверждение колхозных собраний.

Избиратели предъявляли к своим избранникам высокие требования, о чем свидетельствовали факты отклонения на выборах ряда кандидатур, рекомендованных партийными комитетами. Так, на предвыборном собрании в колхозе им. Сталина Сортавальского района колхозники отклонили кандидатуру Никитиной и вместо нее выдвинули кандидатом в депутаты Куокканиемского сельсовета доярку Быкову, пользовавшуюся авторитетом среди колхозников. В колхозе им. Молотова на предвыборном собрании по выдвижению кандидатов в депутаты районного совета была отклонена кандидатура председателя колхоза им. Калинина А. В. Нестеровой. Колхозники предложили другую кандидатуру — председателя Ялгубского сельсовета П. А. Харитонova⁵⁹⁹.

Идеологическая работа сочеталась с репрессивными мерами, усилившимися в конце 1940-х гг. Регулярно проводились чистки партийных, советских органов, хозяйственных организаций. Ужесточились меры по фактам хищения государственного и общественного имущества, за которое следовало заключение на срок от 2 до 25 лет.

Изменение политической обстановки в стране после смерти Сталина и начавшаяся реабилитация жертв массового террора сыграли огромную роль в пробуждении общественного сознания. В работу советов, партийных организаций внедрялись общественные начала, при редакциях газет на общественных началах действовали рабочие и сельские корреспонденты. Против рецидива культа личности был направлен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1957 г., который упорядочил дело присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, городам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям. В Карелии переименование коснулось 13 колхозов, носивших имена здравствующих людей, а также 2 колхозов им. Калинина, 4 колхозов им. Кирова и 2 колхозов «1 Мая» в Заонежском и Олонецком районах.

Существенные изменения во второй половине 1940-х — 1950-е гг. произошли во взаимоотношениях церкви и государства. Постановлением СНК СССР от 22 августа 1945 г. патриархии, епархиальным управлениям и приходским общинам было предоставлено право юридического лица: открывать финансовые счета, заключать сделки, покупать строения, создавать предприятия. Совнаркомам республик, обл(край)исполкомам предписывалось не препятствовать церковным общинам производить колокольный звон в городах и селах, оказывать им помощь строительными материалами в ремонте церковных

зданий, удовлетворять ходатайства значительных групп верующих об открытии церквей в незанятых церковных зданиях, не закрывавшихся постановлениями советских органов⁶⁰⁰. 28 января 1946 г. Совнарком СССР принял постановление, запрещавшее закрывать без разрешения Совета по делам религиозных культов при СНК СССР молитвенные здания или переоборудовать их для других целей⁶⁰¹.

В условиях нового официального курса государства по отношению к церкви развернулось движение за открытие приходских храмов. В 1950 г. в Совете по делам Русской Православной Церкви в Москве побывало 15 ходоков из Карелии⁶⁰². В июле 1945 г. было зарегистрировано православное религиозное объединение Екатерининской церкви в г. Петрозаводске. В 1946 г. прошли регистрацию еще две православные общины — Успенской церкви в г. Олонце и Никольской церкви в г. Сортавале. В 1947 г. открылись церкви в пос. Соломенное, в с. Великая Губа Заонежского района и с. Паданы Сегозерского района. К 1950 г. в республике насчитывалось 9 церквей, в которых было 15 служителей культа⁶⁰³. Заметно увеличилось количество крещений детей, отпеваний, во время престольных праздников отмечалось массовое посещение церквей.

Однако наряду с послаблениями в церковной политике сохранялось недоверие к служителям церкви, стремление ограничить их влияние на население. В 1946 г. были закрыты 3 церкви и 2 часовни. Из 29 ходатайств об открытии церквей, поступивших в местные органы власти с января 1947 по сентябрь 1949 г., было удовлетворено лишь 3. Отклонены ходатайства верующих об открытии церквей в г. Беломорске, хотя было собрано более 500 подписей, Пудоже (119 подписей), селах Пряже, Нюхче и др.⁶⁰⁴ Часть церковных зданий была снята с учета под предлогом того, что они бездействуют больше года. Только в 1946 г. сняты с регистрации и закрыты церкви в с. Ялгуба Прионежского района, в д. Погост Сегозерского района, 2 часовни в Кемском районе. В конце 1948 г. в Карелии насчитывалось 129 недействующих церковных зданий, из которых половина была занята под культурно-просветительные учреждения, промышленные и другие предприятия, склады зерна и т. п., а остальная часть была разрушена или не использовалась⁶⁰⁵.

В конце 1940-х гг. произошел перелом в государственно-церковных отношениях. С 1948 г. власти вновь стали запрещать молебствия на полях, крестные ходы из села в село. Усилилось изъятие церковных зданий для их переоборудования под социально-культурные учреждения.

В 1950 г. у приходской общины с. Шелтозеро было изъято церковное здание, в котором до войны размещался Дом культуры. Переданы местным органам власти под культурно-просветительные учреждения 7 бывших церковных зданий в деревнях Олонецкого района (Верховский Погост, Юргелица, Вагвозеро, Кукшегора, Коткозеро, Мегрега, Тукса), бывшие церкви в д. Ялгуба Прионежского района, с. Вехручей Шелтозерского района, д. Янишполе Кондопожского района, с. Паданы Сегозерского района⁶⁰⁶. На все заявления верующих с просьбами об открытии церквей поступали отказы. В 1953 г. было отклонено 5 заявлений, в 1957–1960 гг. — 20 заявлений от верующих г. Беломорска, Пудожя, д. Паданы Медвежьегорского района, с. Гридино Беломорского района и др. Правительством республики были отклонены ходатайства благочинного Олонецкой епархии об открытии церквей в с. Лумбуши Медвежьегорского района и в г. Кондопоге и др.⁶⁰⁷

С 1949 г. постепенно были прекращены службы вне стен храмов, ограничены разъезды духовенства по населенным пунктам. В 1953 г. митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий, исполнявший обязанности епархиального архиерея Олонецкой епархии, обратился с письмом к патриарху Московскому и всея Руси Алексию с жалобой на местные власти Карелии, которые категорически, под страхом лишения регистрации, запрещали служителям религиозного культа выезжать по просьбе верующих для исполнения обрядов в те районы, где не было действующих храмов⁶⁰⁸.

Принятое 29 июля 1954 г. постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах по ее улучшению», а также последующее постановление партийных органов республики по вопросам религиозной политики «О состоянии и мерах по усилению антирелигиозной пропаганды в республике» (6 мая 1958 г.) определили окончательный поворот к жесткой церковной политике и искоренению религиозных взглядов, которым не должно было быть места в будущем коммунистическом обществе. На заявления верующих об открытии церквей продолжали поступать отказы, и ни одна новая церковь не была открыта⁶⁰⁹. К началу 1960-х гг. в республике осталось только 4 действующих церкви — 2 в Петрозаводске, в Олонце и в Сортавале.

В районах республики были созданы группы лекторов-атеистов, в школах организовывались научно-атеистические кружки для учащихся и лектории для родителей. В домах культуры, клубах проводились циклы лекций по научно-естественной и антирелигиозной тематике.

Перед началом спектаклей и демонстраций кинофильмов практиковалось выступление лекторов-атеистов. Все случаи крещения детей проверялись комиссиями содействия, созданными при исполкомах райсоветов. В быт людей внедрялись новые гражданские обряды и народные праздники — проводы зимы, посвящение в рабочий класс, проводы в армию, торжественная регистрация брака и др. В результате значительно сократилось число церковных обрядов.

Ограничение деятельности церкви и вытеснение ее из общественной жизни, однако, не свидетельствовали об упадке традиционной народной религиозности, сохранявшейся и репродуцировавшейся на семейно-бытовом уровне. В крестьянских семьях негласно проводились крещения детей и отпевания умерших, о чем свидетельствуют рассекреченные в 1990-х гг. документы фонда Уполномоченного по делам Русской Православной Церкви (Национальный архив Республики Карелия, Ф. Р—310).

Несмотря на усилия властей, в народе продолжали бытовать праздники, санкционированные обычным правом и религиозной традицией. Хотя внешние итоги общественно-религиозной активности сельского православного населения оказались весьма скромными, они имели большое значение для духовно-нравственного и религиозного состояния деревни. Вновь оформилась система очагов православно-религиозного влияния, окрепла православная религиозность крестьянства⁶¹⁰.

После окончания Великой Отечественной войны одной из главных забот государства было восстановление деятельности учреждений культуры. Основное место в системе учреждений культуры на селе занимала общеобразовательная школа. В 1944 г. в республике работало всего 332 школы вместо 692 в 1940 г. Народному образованию в крае был нанесен ущерб в сумме 63,5 млн руб.⁶¹¹

Школы республики оказались в очень тяжелом положении: не хватало школьного оборудования, учебников, наглядных пособий. Так, в Пряжинском районе на 25 четвертых классов имелось только 14 учебников по истории. Многие дети в первые послевоенные годы не могли посещать школу по различным причинам — отсутствие обуви и одежды, помощь родителям по дому, вынужденная работа на предприятии, отдаленность школы, болезнь. Из-за болезни в начале 1946 г. в отдельных школах уроки посещали лишь 20—25% учащихся⁶¹². В конце 1946—1947 учебного года 6538 детей не было охвачено обучением, в том числе начальным

обучением 4726 человек, из них с начала года не учились 194 человека⁶¹³.

Ввиду территориальной разбросанности и незначительности населения в ряде районов насчитывалось большое количество малокомплектных школ, число учащихся в которых не превышало 20 человек. Большие сложности школы испытывали в связи с нехваткой и низким педагогическим уровнем учителей. В 1946–1947 учебном году в 78 школах из-за отсутствия учителей не преподавался иностранный язык, в ряде школ не проводились уроки физики, химии, биологии, математики и некоторых других предметов. Около 1/3 преподавателей начальных классов не имели специального образования, в результате лишь 2/3 учащихся начальной школы в полном объеме освоили школьную программу⁶¹⁴.

Государственная послевоенная политика была направлена на утверждение финского языка как обязательного языка народного образования для карельского населения. В 1945–1946 учебном году в 11 районах республики, где проживали финны и карелы, насчитывалось 118 нерусских школ (97 начальных и 21 семилетних), в которых обучались 5946 учеников⁶¹⁵. Основная часть школ с преподаванием на финском языке находилась в сельской местности. В них с первого по 7 класс обучение велось на литературном финском языке, а преподавание русского языка, как правило, начиналось с первого полугодия второго года обучения. Эти школы отличала малая наполняемость классов — иногда до 2–3 человек, особенно в Петровском, Ругозерском, Сегозерском районах. Ощущалась нехватка учебников, наглядных пособий, методической и художественной литературы. Не была разработана методика обучения детей в нерусской школе.

В 1945–1946 гг. 22% учащихся финских школ остались на второй год, а 12% должны были пересдавать экзамены осенью. В ряде школ не успевало до 40% учащихся (Олангская школа Кестеньгского района, Вокनावолокская школа Калевальского района, Сиссойльская школа Ведлозерского района)⁶¹⁶. Учащиеся слабо знали русский язык, в связи с чем в 1950 г. было введено его изучение с первого класса.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. на укрепление учебно-материальной базы финских школ были выделены значительные средства, что позволило построить 10 новых зданий на 2 тыс. ученических мест, направить в школы наглядные пособия, издать 43 названия учебных материалов на финском языке общим тиражом 107,5 тыс. экземпляров⁶¹⁷. Были вновь открыты средние школы с обучением на финском языке в г. Олонце, с. Ухта и с. Ведлозеро.

В течение 1946–1950 гг. в Карелии было полностью осуществлено всеобщее начальное обучение и создана учебная база для семилетнего образования школьников, введение которого завершилось в 1952 г. Однако к началу 1950-х гг. значительным оставалось число неграмотного населения. По результатам проведенного ЦСУ СССР учета населения в сельской местности, на 1 января 1951 г. в КФССР насчитывалось 6,6 тыс. неграмотных в возрасте от 8 до 50 лет. В связи с этим с 1 сентября 1951 г. в республике было установлено обязательное обучение всех неграмотных детей в возрасте 8–15 лет⁶¹⁸. Несмотря на это, в ряде районов высокой оставалась доля детей, не охваченных обучением: в 1952 г. в Сегежском, Сегозерском, Медвежьегорском районах она составляла 7%, в 1955–1956 гг. в сельской местности не посещали школу 4–4,6% детей в возрасте 7–15 лет⁶¹⁹. Материальная база многих школ на селе была неудовлетворительной. Ощущалась острая нехватка приспособленных кабинетов для изучения предметов школьных программ: в начале 1954 г. только 11 из 259 семилетних и средних школ имели отдельные кабинеты по физике, химии, биологии⁶²⁰. Существенно отличалось качество среднего образования, даваемого городской и сельской школой.

В последующие годы происходило увеличение сети семилетних и средних школ. Часть школ, имевших небольшую численность (5–7 человек), была ликвидирована, крупные начальные школы преобразованы в семилетние, а семилетние – в средние. В 1954 г. преподавание всех предметов в 1–10 классах нерусских школ было переведено с финского на русский язык. Обязательное изучение финского языка как одного из основных предметов было введено для детей карелов и финнов с 3 по 10 класс в 130 школах Ведлозерского, Олонецкого, Пряжинского, Петровского, Ругозерского, Сегозерского, Кестеньгского, Тунгудского, Калевальского и других районов. После преобразования Карелии в автономную республику (1956 г.) было отменено обязательное изучение детьми финнов и карелов финского языка как предмета в школах. Преподавание его сохранялось только для детей, родители которых этого желали.

Постепенно решались вопросы с обеспечением школ квалифицированными преподавателями. Подготовка педагогических кадров осуществлялась в педагогическом институте, государственном университете, Петрозаводском и Пудожском педагогических училищах. В 1951–1955 гг. было подготовлено 2047 учителей. Кроме того, более 500 специалистов Карелия получила из внеереспубликанских вузов.

Таким образом, за 5 лет в школу было направлено более 2500 учителей, однако за то же время около 1,8 тыс. преподавателей выбыли из республики в связи с материальной неустроенностью⁶²¹.

В редакцию «Учительской газеты» систематически поступали письма учителей сельских школ Кондопожского, Олонецкого, Сортавальского, Прионежского и других районов Карелии с жалобами на местные власти, которые отказывали учителям в выделении сенокосных участков для обеспечения кормами личного скота, несмотря на имевшиеся свободные сенокосные угодья. Совет Министров РСФСР в связи с этим направил письмо в правительство республики с просьбой решить этот вопрос⁶²².

В последующие годы число школ в республике и количество учителей значительно увеличилось, достигнув в 1958 г. 5,3 тыс. человек, т. е. в 2,5 раза больше, чем в 1945 г.⁶²³, однако и к началу 1960-х гг. задача полного обеспечения школ квалифицированными учителями не была решена.

Определенные шаги предпринимались по укреплению материально-технической базы культурно-просветительных учреждений. Культурно-просветительная работа на селе осуществлялась через систему клубных учреждений, библиотек, печати и радио. В первые послевоенные годы в колхозах остро не хватало книг, журналов, кинопередвижек, радиоаппаратуры. Население активно участвовало в восстановлении деятельности культурно-просветительных учреждений на селе. Так, колхозники Сысоевского сельсовета Ведлозерского района собрали и сдали для пополнения книжного фонда библиотек около 2 тыс. томов книг⁶²⁴.

В конце 1948 г. в республике насчитывалось более 1000 культурно-просветительных учреждений. В наиболее крупных сельсоветах были созданы сельские клубы, их число увеличилось с 25 в 1941 г. до 48 в 1948 г. При сельсоветах работали избы-читальни, однако более 40 изб-читален и 60 сельских библиотек не имели собственных помещений; не все культпросветучреждения были укомплектованы кадрами: не хватало 70 избачей, 30 заведующих сельскими библиотеками; из 710 работников культпросветучреждений только 32 человека имели специальное высшее и среднее образование⁶²⁵. Не были радиофицированы 589 колхозов, 15 МТС. Из 23 тыс. имевшихся в республике радиоточек лишь 3722 находились в сельской местности⁶²⁶. В деревнях Кестеньгского района (Карелакша, Ругозеро, Кизрека и др.) за 5 послевоенных лет жители смогли посмотреть кинофильмы только один раз.

В середине 1949 г. все сельские клубы и избы-читальни были радиофицированы. Однако во многих сельских домах радио появилось лишь в середине 1950-х гг. До этого в домах были лишь тарелки-репродукторы. Сельский клуб являлся центром культурной жизни колхозного села. Колхозники приходили сюда почитать газету, послушать радио, взять новую книгу в библиотеке, посмотреть фильм. При клубах работали лектории, коллективы художественной самодеятельности, устраивались танцы под гармошку. В докладной записке о работе клубных учреждений в послевоенные годы, направленной в 1949 г. Комитетом по делам культпросветучреждений в Совет Министров республики, в числе существенных недостатков в их работе отмечалось недостаточное количество лекций, прочитанных по научно-естественной и агрозоотехнической тематике. В среднем по этой тематике приходилось по 2–3 лекции в год на одно клубное учреждение. Недостаточное внимание уделялось организации агрозоотехнических кружков. Из 280 насчитывавшихся в Карелии клубных учреждений такие кружки имелись лишь в 170⁶²⁷.

Большой популярностью среди сельских зрителей пользовались концерты и спектакли артистов Государственного национального драматического театра. За период с 1 января по 15 сентября 1948 г. в колхозах республики было дано 15 концертов и спектаклей. Кроме того, во время уборочных работ артисты театра дали два концерта в подшефных колхозах Куйтежского и Туксинского сельсоветов Олонецкого района. Жители села смогли увидеть спектакли «За Камой-рекой» В. А. Тихонова, «Пути-дороги» Г. И. Федорова и «День отдыха» В. П. Катаева⁶²⁸.

После сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС особое внимание было обращено на культурно-массовую работу на селе. Библиотечный коллектор Книготорга республики скомплектовал и отправил для председателей правлений колхозов 254 сельскохозяйственных библиотеки и скомплектовал еще 119 таких библиотек. В адрес сельских культурно-просветительных учреждений районов было отправлено 125 библиотечек сельскохозяйственной литературы⁶²⁹.

Во втором полугодии 1953 г. театрально-зрелищные предприятия республики показали для работников сельского хозяйства 241 спектакль и концерт⁶³⁰. Многие музыкальные деятели республики побывали в сельскохозяйственных районах с целью оказания творческой помощи участникам художественной самодеятельности. Карело-финский драматический театр установил шефство над Святозерской

избой-читальней. Между театром и общественностью села Святозеро был заключен договор, который предусматривал оказание театром помощи драматическим, музыкальным и танцевальным коллективам художественной самодеятельности села, совместное оборудование сцены в избе-читальне, проведение творческих встреч артистов с колхозниками и т. д. Театр русской драмы взял шефство над колхозом с. Деревянка, Карело-финская государственная филармония — над клубом с. Кяппесельга, государственный ансамбль «Кантеле» — над клубом с. Ведлозеро.

Непоправимый ущерб культурно-просветительной работе среди населения нанесла развернувшаяся в середине 1950-х гг. кампания по сокращению штатов в учреждениях и организациях. В районных центрах были объединены районные и городские библиотеки, а в мелких населенных пунктах сельской местности — клубные и библиотечные учреждения. В Калевальском и ряде других районов имелись отдаленные населенные пункты, где кинофильмы демонстрировались 1–2 раза в год⁶³¹. Не осуществлялась доставка газет в отдаленные населенные пункты. Деятельность самих культпросветучреждений была чрезмерно политизирована, на первый план в их работе ставились задачи мобилизации трудящихся на выполнение производственных планов, а не организации их полноценного отдыха.

С конца 1950-х — начала 1960-х гг. в системе государственной культурной политики определяющим стал принцип «остаточного подхода» к финансированию культурных программ. Вновь были сокращены средства на социально-культурные мероприятия, в результате сократились штаты музеев, клубных учреждений и библиотек, ряд из них был переведен на работу на общественных началах, сократилось число памятников старины, оставленных под охраной государства и т. д. Особенно пострадала при этом материальная база культуры села, которая практически была лишена государственной поддержки.

В расширении и обогащении национального фонда культуры важное место отводилось художественной самодеятельности. После войны были вновь организованы 172 коллектива художественной самодеятельности, возрождены национальные хоры в районах, игравшие неограниченную роль в пропаганде традиций народного творчества. Большую популярность приобрели фольклорные ансамбли, оркестры народных инструментов. Регулярно проводились республиканские смотры художественной самодеятельности. Первый такой смотр состоялся в 1945 г. На нем было представлено 188 коллективов художественной

самодеятельности с количеством участников 1015 человек. В республиканском смотре художественной самодеятельности в 1948 г. участвовало уже 659 коллективов различных жанров — хоровых, драматических, музыкальных, танцевальных и других, объединявших 6300 человек. В 1953 г. был проведен первый республиканский Праздник песни, в котором участвовало до 500 коллективов художественной самодеятельности⁶³².

Таким образом, тяжелое положение колхозов республики в послевоенные годы отразилось на снижении общественной активности сельского населения. Несмотря на некоторые меры по расширению колхозной демократии, принятые в середине 1950-х гг., сохранялось администрирование в руководстве колхозами.

Послабления в церковной политике в первые послевоенные годы сменились новым наступлением на церковь, развертыванием атеистической пропаганды. В то же время сохранялась народная религиозность на семейно-бытовом уровне.

Развитию культуры на селе, как и других сфер общественной жизни, в этот период свойственны непоследовательность и противоречивость. С одной стороны, были достигнуты определенные успехи в повышении общеобразовательного уровня сельского населения, расширении сети культурно-просветительных учреждений, с другой стороны, на селе особенно остро ощущался остаточный подход к финансированию культуры, который дестабилизирующе действовал на социальное развитие села.

4. Формы социального протеста крестьянства

В новейших исследованиях социальный протест крестьянства трактуется как реакция несогласия крестьянского сообщества на неудовлетворяющую его государственную политику и конкретные мероприятия власти⁶³³. Сложившаяся к концу 1930-х гг. и действовавшая в исследуемый период система эксплуатации крестьянства, включавшая законодательно закрепленные отработочную, натуральную и денежную повинности; социально-правовой статус прикрепленного к колхозам при помощи паспортной системы крестьянина порождали устойчивое противостояние крестьянского социума и власти. Крестьянские протесты выражались в «земельных захватах», исходе из села, саботаже отработочной повинности, массовых крестьянских жалобах и обращениях в различные инстанции, конфликтах с колхозными активистами.

Вскоре после окончания войны четко обозначился рост критических настроений людей, связанный с откладыванием решения социальных проблем, ухудшением ситуации на потребительском рынке. Критические настроения населения отражали неприятие методов управления периода войны в мирных условиях, диктата производственных интересов, пренебрежения социальными и духовными потребностями человека. Лекторам, докладчикам, выступавшим перед колхозниками, приходилось отвечать на острые, злободневные вопросы: «Почему наше правительство оказывает помощь другим странам, не обеспечив запасов внутри страны?», «Что рентабельнее для нашего государства: колхозы или совхозы?», «Почему плохо снабжаются колхозники обувью и промтоварами?», «Будут ли платить пенсии колхозникам?», «Как будут решаться вопросы с посевами, которые производились в индивидуальном порядке на колхозных землях?», «Будут ли обобществлять коров?», «Какую норму хлеба будем получать?» «Будут ли принимать в вузы из числа оккупированного населения?», «Когда откроют ясли, будет организовано радио, кино?» и др.⁶³⁴

В некоторых колхозах Олонцкого, Пряжинского и Суоярвского районов отмечались случаи отказа колхозников от обобществления скота и посевов, невыхода на работу: «Нельзя ли еще годик пожить без колхозов и собрать урожай единолично со своих участков?», «Мы проживем без колхозов, жили же мы при финнах без колхозов», «На ваших хлебах ваших норм не выполнить» и т. д. В Пряжинском районе распространялись провокационные слухи о том, что после окончания войны с Германией начнется война СССР с союзниками, и колхозники ничего не получают по трудовым дням. В колхозе «Пламя» Олонцкого района накануне выборов в Верховный Совет СССР (февраль 1946 г.) прошел слух о том, что уже составлен список 18 хозяйств колхозников, которые будут выселены.⁶³⁵

Неприятие у колхозников вызывали всевозможные поборы, помимо обязательных налоговых выплат. На собрании колхозников сельскохозяйственной артели «Красная Маньга» (Пряжинский район) при обсуждении вопроса о реализации денежно-вещевой лотереи колхозник А. Григорьев заявил: «Последнюю шкуру снимаете, вот вам 6 рублей, нет у меня больше». Председатель того же колхоза Левиков отказался вносить деньги, заявив: «Я уже уплатил советской власти 2 тыс. рублей, сдал картофель, зерно и больше ничего не дам».⁶³⁶

О настроениях крестьян дают представление надписи на избирательных бюллетенях, в которых выражались требования удовлетворения насущных потребностей людей, возврата к прежним ценам,

отказа от разоряющей страну помощи слаборазвитым и социалистическим странам. Массовое недовольство крестьян вызывали особые привилегии партийной и советской номенклатуры.

Критические высказывания фиксируются штатными и добровольными информаторами партийных органов и органов государственной безопасности во время частных разговоров, бесед в кругу коллег. В донесениях приводились следующие высказывания: «Народ на власть обозлился... Правительство заставляет народ платить всевозможные налоги, тысячи заключенных работают бесплатно. ...Колхозники работают, а ничего не имеют, так как все забирает государство, а колхозники едят лебеду и крапиву...».

Одной из наиболее распространенных форм социального протеста колхозников являлись жалобы и заявления. Значительное их число касалось продовольственного снабжения и приобретения одежды, освобождения от налогов и государственных поставок, выделения приусадебных участков и денежных средств на индивидуальное строительство, оказания материальной помощи, назначения пенсий и пособий. Проверка работы Куркиёкского районного исполкома по рассмотрению жалоб и заявлений трудящихся в 1951 г. показала, что многие заявления колхозников рассматривались с нарушением установленных сроков. Так, заявление престарелой колхозницы Н. К. Рогозиной об освобождении ее хозяйства от мясопоставок решалось 16 дней, жалоба членов колхоза «Искра» о расхищении имущества колхоза — 23 дня⁶³⁷.

Понимание собственного бессилия, неспособности повлиять на сложившуюся систему общественных отношений заставляло крестьян искать любые возможности ухода из колхоза. По существу самовольная миграция из деревни являлась одной из форм пассивного сопротивления колхозного крестьянства социальной и экономической политике государства. Без разрешения правлений колхозов за 1945—1958 гг. из колхозов РСФСР выбыло 1 млн 688 тыс. крестьян. Наибольший отток колхозников в первое послевоенное пятилетие отмечался в областях Северо-Запада и некоторых областях центра Нечерноземья⁶³⁸.

В 1950 г. в Карелии, по данным годовых отчетов колхозов, самовольно ушли 4746 трудоспособных колхозников. Так, более 20 колхозников колхоза им. Молотова (Медвежьегорский район) без разрешения правления колхоза были приняты на работу в сельпо, на почту, в отдел кинофикации и другие организации. В колхозе при этом осталось всего 7 человек. В Сортавальском районе только за 6 месяцев 1951 г. из двух колхозов выбыли на работу в другие предприятия и организации 95 человек⁶³⁹.

Значительная часть ушедших из колхоза работников оставалась на учете в наличном составе колхозов. Так, в 1948 г. 2062 трудоспособных колхозника, проживавших в сельскохозяйственных колхозах республики (9,5% от числа наличного трудоспособного населения), работали в МТС, совхозах, сельсоветах и других кооперативных и государственных учреждениях и предприятиях и не были заняты на колхозных работах. В целом во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. от 4 до 11% колхозников республики ежегодно работали в других организациях и не участвовали в общественном производстве (табл. 17).

В качестве формы социального протеста колхозного крестьянства можно рассматривать и такой факт, как исключение из колхоза, которое применялось к членам артели, нарушавшим трудовую дисциплину, из года в год не вырабатывавшим минимум трудодней. Число исключенных из колхоза, а также выбывших колхозников, не выработавших установленного минимума трудодней, стало снижаться лишь с середины 1950-х гг. (см. табл. 17).

Таблица 17. Число работавших в других организациях, выбывших и исключенных из сельскохозяйственных артелей колхозников⁶⁴⁰

	1944	1946	1948	1950	1952	1954	1956	1958
Принято в члены сельскохозяйственного колхоза дворов (семей и одиночек)	Нет сведений	Нет сведений	497	1 878	861	1808	100	88
Выбыло колхозников, не выработавших установленного минимума трудодней*	56 (0,3%)	504 (2,4%)	329 (1,5%)	512 (2,3%)	426 (2,3%)	69 (0,4%)	17 (0,3%)	76 (4,9%)
Исключено из колхоза отдельных колхозников	53	513	544	600	406	253	200	104
Из числа наличных трудоспособных членов колхоза работает в промышленности, на транспорте и т. п., но проживает в колхозе	2 645 (15,8%)	2 213 (10,7%)	2 062 (9,5%)	1 790 (8,1%)	1 485 (8,2%)	626 (3,7%)	200 (4%)	154 (3,4%)

Примечание. *С 1953 г.: отпущено колхозом в порядке организованного набора на постоянную работу в другие отрасли народного хозяйства.

Одной из наиболее распространенных форм крестьянских протестов в послевоенные годы являлись «незаконные» земельные «захваты» и «самовольное» сенокошение. В соответствии с принятым 19 сентября 1946 г. постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах»⁶⁴¹ в 898 колхозах республики была проведена проверка общественных земель и размеров приусадебных участков. При этом выявлено более 2 тыс. случаев превышения норм или незаконного пользования приусадебными участками. Колхозам было передано 277 га земель за счет изъятия их у крестьян⁶⁴². Однако эти земли нередко оставались заброшенными и не использовались колхозами.

В 1948–1949 гг. в республике было выявлено более 5 тыс. случаев самовольного захвата земель колхозов, из которых 3500 совершено членами колхозов с целью использования земли в приусадебном хозяйстве. Под видом борьбы с разбазариванием колхозной собственности начался поход против личных хозяйств колхозников, которые были не только урезаны, но и обложены непомерными налогами.

В колхозе «Сельхозартель» Новинского сельсовета Кондопожского района Карелии в 1950 г. при обмере 6 приусадебных участков во всех 6 случаях были обнаружены значительные расхождения с записями земельной шнуровой книги колхоза⁶⁴³. При выявлении нарушений землепользования наиболее часто земля с посевом изымалась в пользу колхоза.

Одним из распространенных видов нарушений землепользования в колхозах республики стало незаконное сенокошение. В 1948 г. из 3140 случаев нарушений землепользования незаконное сенокошение составило 1053. В 1949 г. только в 5 проверенных колхозах для личного пользования колхозниками было заготовлено 139 т сена. Нередки были случаи незаконного сенокошения со стороны руководящих работников. Так, в Кондопожском районе в 1949 г. руководящие работники самовольно заготовили 151 т сена⁶⁴⁴. Самой распространенной формой незаконного сенокошения являлась аренда «исполу», когда часть сена давалась тому, кто косит, а другая поступала в колхоз. В целом земельные захваты в отдельные годы, по данным Т. М. Димони, охватывали до 20% крестьянских хозяйств Европейского Севера. Их доля зависела от внутрирегиональной обеспеченности приусадебной землей и от состава крестьянских семей⁶⁴⁵.

6–8% колхозников Европейского Севера ежегодно не выполняли установленного минимума трудодней, около 70% уклонялись от участия в

лесозаготовках и дорожном строительстве. Натуральные повинности выполняло лишь 25—35% крестьянских хозяйств, а суммы денежных повинностей оставались не собранными, как минимум, на 20%⁶⁴⁶. В КФССР число трудоспособных колхозников, не выработавших установленного минимума трудодней, увеличилось с 3,8% в 1949 г. до 16,2% в 1957 г.⁶⁴⁷

Распространенным видом уклонения от натуральных повинностей стал отказ от участия в лесозаготовках. Так, в 1946 г. в с. Ладва из 130 колхозников, выделенных на лесозаготовительные работы, вышло в лес лишь 64, но 20 из них вскоре бросили работу и вернулись домой⁶⁴⁸.

Стремление обезопасить хозяйство от полного разорения приводило к массовому уклонению от обязательных поставок сельхозпродукции. Доля индивидуальных хозяйств, не выполнивших обязательств по поставкам мяса, составила в Карело-Финской ССР в 1953 г. 19%, а в 1956 г. — 34%, Архангельской области соответственно 18 и 33%; в Вологодской — 40 и 29%; в Коми АССР — 19 и 8%. Доля же крестьянских хозяйств-«недоимщиков» по молоку в Карелии была значительно выше, чем в других областях и республиках Европейского Севера: в 1953 г. — 36% от общего количества дворов, имевших обязательства по госпоставкам сельхозпродукции, в 1956 г. — 23% хозяйств; в Архангельской области соответственно — 13 и 12%; в Вологодской области — 25 и 11%; в Коми АССР — 16 и 3,5%⁶⁴⁹. Особенно высоким был этот показатель в конце 1940-х — начале 1950-х гг., т. е. перед снижением норм обязательных поставок в 1953 г.

«Недоимщики» по обязательным поставкам сельхозпродукции государству лишались имущества «в бесспорном порядке» — оно изымалось без суда. До 1954 г. на Европейском Севере России ежегодно от 6 до 9% хозяйств привлекалось за недоимки к уголовной ответственности⁶⁵⁰. С 1954 г. основными мерами наказания за такое «преступление» становятся штраф в размере одно- двухкратной стоимости несданных продуктов, а также лишение права пользования приусадебным участком на срок до 2-х лет. Широко применялись, особенно во второй половине 1950-х гг., и такие меры, как опись имущества и письменное уведомление о предстоящем наказании. После 1954 г. в Вологодской, Архангельской областях, Карело-Финской ССР опись имущества подвергалось ежегодно от 30 до 50% (а иногда и более) хозяйств-«недоимщиков» по молочным и мясным продуктам⁶⁵¹. Часто практиковалось и привлечение к суду.

Широкое применение внеэкономических методов воздействия на деревенскую жизнь со стороны государства вызывало конфликт кре-

стьянства с властью. Массовые формы социального протеста крестьянства в конечном итоге побудили правительство страны принять меры по облегчению положения колхозов и приусадебных хозяйств колхозников.

Таким образом, результаты социальной политики — усиление миграции сельского населения в города и запустение деревень — сомкнулись с результатами аграрной политики и в конечном итоге отразили две стороны одного явления — процесса раскрестьянивания деревни и утраты ряда присущих крестьянству фундаментальных характеристик.

Материальное положение колхозников находилось в прямой зависимости от аграрной политики государства и средств осуществления хозяйственных задач. Хотя в 1950-е гг. условия жизни крестьянства улучшились, совокупные доходы колхозников были значительно ниже, чем доходы рабочих и служащих. При этом различия в уровне жизни городского и сельского населения зависели не только от объема доходов, но и от условий их реализации. Деревня по-прежнему отставала от города по уровню жилищного строительства, благоустройства населенных пунктов, торгового, медицинского, бытового обслуживания. Инфраструктура учреждений, формирующих бытовые условия на селе, была развита крайне слабо и в основном представлена ограниченным количеством медицинских заведений и культурных учреждений.

В послевоенные годы были достигнуты успехи в восстановлении и развитии системы народного образования, и в то же время остро проявились последствия непродуманной национальной политики, приведшие к свертыванию национальной школы.

На протяжении второй половины 1940–1950-х гг. неизменным оставался социально-правовой статус крестьянина-колхозника, прикрепленного к колхозам при помощи паспортной системы, не имевшего пенсионного обеспечения, выплат и льгот, которыми пользовались другие категории населения. Система материальной эксплуатации, ограничений правового положения, административной регламентации жизни крестьянства дополнялась пропагандой атеизма, разрушением традиционных культурных ценностей.

Заключение

Рост сельскохозяйственного производства в СССР на протяжении длительного времени во многом обеспечивался способностью Советского государства в крупных масштабах через государственные каналы мобилизовывать финансовые ресурсы и направлять их на экономическое развитие. Убедительным подтверждением этому является послевоенная аграрная политика советского государства, направленная на изъятие из деревни не только прибавочного, но и значительной части необходимого продукта.

Высокие государственные налоги, нищенская оплата труда в общественном хозяйстве, прикрепление крестьян к земле, жесткие меры против приусадебных хозяйств колхозников, непродуманные кампании по резкому подъему сельского хозяйства, значительные размеры миграции сельского населения — все это сказалось на ухудшении положения дел в аграрном секторе экономики. У колхозов не было никакого интереса в увеличении производства. Поэтому оно и остановилось на уровне государственного натурального налога плюс прожиточный минимум крестьянина. В этих условиях и индивидуальные, и коллективные крестьянские хозяйства оказались одинаково малоэффективными.

На развитии сельского хозяйства республики в значительной степени сказались природно-климатические особенности, территориальная разбросанность аграрных поселений, отсутствие развитой транспортной сети, ограниченные возможности для ведения приусадебного хозяйства. Противоречивое воздействие на социально-экономические процессы в деревне оказала специфика промышленного освоения и урбанизации края, выразившаяся в исключительно высоких темпах, приоритете добывающих отраслей, быстром росте городского населения. Важной особенностью развития северной, в том числе карельской деревни, явилось массовое использование крестьянского труда в лесозаготовительной промышленности.

Аграрный сектор экономики Карелии оставался наиболее «национальной» отраслью экономики республики. В силу природных условий колхозы края были мелкими, экономически слабыми, хотя ряду хозяйств удалось добиться ощутимых успехов в развитии производства.

В конце 1940-х начале 1950-х гг. сельское хозяйство в Карелии, как и в целом в стране, вступило в полосу глубокого кризиса, связан-

ного с общим кризисом сталинской модели социализма в послевоенное время. Сложившееся положение требовало принятия безотлагательных мер.

В 1950-е гг. были сделаны существенные шаги по использованию экономических методов руководства сельским хозяйством, повышению материальной заинтересованности сельских тружеников в результатах труда, использованию элементов рыночных отношений. Решающими причинами оживления деревни стали повышение заготовительных и закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, увеличение капитальных вложений в сельское хозяйство, укрепление материально-технической базы колхозов и совхозов и кадрового потенциала села, сужение сферы директивного планирования, ежемесячное денежное авансирование членов колхозов, послабления в отношении личных хозяйств колхозников. Эти меры практически включали колхозную экономику в единые товарно-денежные отношения советской экономики, что создавало реальную основу для перехода колхозов на подлинный хозрасчет⁶⁵².

Первые 6 лет после сентябрьского пленума темпы развития сельскохозяйственного производства были достаточно высокими. Валовая продукция сельского хозяйства в целом по стране за 1953–1958 гг. возросла почти в 1,5 раза, а товарная — в 1,8 раза, продукция животноводства — почти в два раза⁶⁵³. Существенно улучшились показатели развития аграрного сектора экономики Карелии. Производство молока в колхозах, совхозах и подсобных хозяйствах возросло в 1958 г. по сравнению с 1953 г. в 2 раза, мяса — на 39%, яиц — в 3,7 раза, удой молока на корову увеличился в колхозах и совхозах почти в 2 раза⁶⁵⁴. Повысился уровень технического вооружения производства и фондообеспеченности аграрного сектора экономики.

Объективно назревшие аграрные реформы середины 1950-х гг. избавили село от крайних форм по существу крепостнического состояния. В 1958 г. по сравнению с 1955 г. денежные доходы колхозов Карелии возросли в 2,5 раза⁶⁵⁵. Это позволило колхозам увеличить денежную оплату труда колхозников. Рост денежных доходов колхозников, расширение рыночной торговли способствовали некоторому улучшению материального положения тружеников деревни.

Однако эти прогрессивные тенденции вступили в противоречие с системой реализации политической власти, что проявилось в кампаниях по укрупнению колхозов, их преобразованию в совхозы, многочисленных реорганизациях управленческих структур, ограничении

приусадебных хозяйств колхозников и т. д. В конечном итоге все эти процессы ускорили раскрестьянивание деревни. Главным итогом аграрной политики явилось запустение сел и деревень, дальнейшее превращение крестьянина в сельскохозяйственного рабочего, жизнь которого все меньше зависела от результатов его труда.

Горечью проникнуты слова заонежанина В. Лукьянова: «Чрезмерная централизация ведения хозяйств привела к тому, что большинство деревень перестали существовать. Так, если раньше на территории Вырозерского сельсовета насчитывалось 22 деревни, то теперь не осталось и десятка, да и в них по несколько домишек. Постоянных жителей в крае осталось совсем мало. А скоро заонежан можно будет встретить только на центральных усадьбах. В 1950-е годы в избирательных списках насчитывалось до 700 избирателей, а детей было и того больше. Нынешних обитателей этого края можно перечесать по пальцам, а детские плач или смех — явление крайне редкое. Запущены пожни и пашни, покотины и выгоны. А ведь их на протяжении веков обрабатывали и окультуривали, расширяли наши предки. А история наших деревень теряется в глубине веков...»⁶⁵⁶.

Позитивный заряд аграрных реформ был в основном исчерпан к концу 1950-х гг. Здесь сказались непродуманность ряда решений, их противоречивость и непоследовательность воплощения в жизнь. Сложившийся аппарат управления оказался непригодным к тому, чтобы заменить механизм фактического принуждения к труду и его формального стимулирования механизмом эффективного воздействия экономических интересов личности, коллектива, общества. Диспропорции со временем копились и воспроизводились по законам расширенного воспроизводства. Они сужали пространство для реализации эффективных по замыслу решений, вели к непредсказуемым последствиям⁶⁵⁷.

За пятилетием нормализации экономической обстановки в сельском хозяйстве последовал период возврата к волевым методам руководства, перераспределению средств в ущерб аграрному сектору. Сохранялась жесткая регламентация деятельности колхозов и совхозов, лишавшая работников и специалистов сельского хозяйства инициативы и самостоятельности. В неприкосновенном виде оставались политические институты. Господство в советском обществе теоретических представлений о незрелости и второсортности колхозно-кооперативной собственности и принципиальной недопустимости частной собственности, о роли централизованного директивного планирования, курс на

унификацию форм собственности и опережающее развитие тяжелой индустрии стали важнейшими тормозящими факторами в проведении реформ 1950-х гг.

Уже к началу 1960-х гг. стало очевидно, что сельское хозяйство в основном развивалось экстенсивно, росла себестоимость продукции, снижалась рентабельность производства. Развитие аграрного сектора в республике сдерживалось низкой культурой земледелия, слабой кормовой базой животноводства, снижением поголовья основных видов скота. Большие потери продукции допускались на стадиях заготовки, транспортировки, хранения, переработки и реализации продукции. Во второй половине 1950-х гг. систематически снижались посевные площади, которые в 1958 г. по сравнению с 1940 г. уменьшились на 40%⁶⁵⁸. В Карелию ежегодно завозилось большое количество сельскохозяйственной продукции. Хотя к концу 1950-х гг. производство в республике основных сельскохозяйственных продуктов несколько возросло, все же потребности населения в картофеле удовлетворялись лишь на 56%, овощах — на 50%, молочных продуктах — на 53%, в мясе — на 39%⁶⁵⁹.

В 1959–1961 гг. в целом по стране началось падение темпов сельскохозяйственного производства. В начале 1960-х гг. правительству пришлось значительно повысить розничные цены на мясо-молочные продукты, а в 1963 г. — прибегнуть к импорту зерна. Отставание сельского хозяйства грозило стать причиной социальной напряженности, что побудило политическое руководство искать новые пути для ускорения его развития.

«Многочисленные, порой надуманные перестройки, — оценивал сложившуюся в сельском хозяйстве ситуацию мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС, — порождали обстановку нервозности и суетни, лишали руководителей перспективы, подрывали у них веру в свои силы. Вместо кропотливой, вдумчивой работы, глубокого анализа положения дел нередко допускалась практика администрирования и командования колхозами и совхозами»⁶⁶⁰. На пленуме указывалось, что причины ухудшения положения дел в сельском хозяйстве следует искать прежде всего в игнорировании законов экономического развития, распространении волюнтаристских методов руководства этой отраслью⁶⁶¹.

Ущемление социальных прав крестьянства, резкое отставание деревни от города по условиям жизни консервировали архаичный уровень аграрного производства, его низкую технологическую культуру и обернулись большими издержками социального, экономического и нравственного характера.

Ликвидация мелких населенных пунктов, миграция сельского населения в города, резкое сокращение поголовья скота в личной собственности населения, запустение и утрата больших площадей сельскохозяйственных угодий нанесли непоправимый ущерб аграрному сектору экономики республики. Разрушались корневые условия национального бытия, которые питали весь уклад сельской жизни, национальную культуру, нормы поведения. Как справедливо отмечает Е. Б. Никитаева, «разрушение семейно-усадебного уклада жизни можно было бы считать следствием раскрестьянивания, если бы оно не было самостоятельным направлением государственной аграрной политики»⁶⁶².

Трансформация аграрного сектора в республике произошла раньше, чем в других регионах Севера. Это объяснялось как экономической слабостью колхозов республики, так и быстрым индустриальным развитием Карелии, усилением концентрации и специализации промышленного и аграрного производства. Именно через преобразование колхозов в совхозы на Европейском Севере шло насыщение сельского хозяйства капиталами, необходимое для выравнивания уровня развития аграрной подсистемы с промышленной составляющей экономики⁶⁶³.

К началу 1960-х гг. в Карелии завершилась история колхозного крестьянства. Но поскольку замена формы собственности осуществлялась в рамках старого хозяйственного механизма, она не могла привести к повышению эффективности производства.

Комплекс проблем, стоявших перед аграрным сектором экономики страны в 1950-е гг., во многом, хотя и в измененном виде, сохранился и поныне. Это прежде всего вопросы учета региональных особенностей сельского хозяйства, национальных и культурных традиций, вмешательства или невмешательства государства в экономические процессы обеспечения ценового паритета между сельским хозяйством и другими отраслями экономики. Возрождение российской деревни в числе важнейших мер требует закрепления людей на селе путем осуществления социальных мероприятий, создания в деревне системы жизнеобеспечения, близкой к городскому уровню.

В современных условиях особенно важно рациональное сочетание государственных, коллективных и индивидуальных хозяйств при поддержке государства, что позволяет учесть специфику природно-климатических особенностей республики, многообразие сельскохозяйственных угодий, сложившиеся традиции и другие факторы. В связи с

этим особое значение приобретает учет исторического опыта осуществления аграрной политики государства в 1950-е гг.

...Постепенно приходит осознание того, что необходима выработка собственного пути экономического развития, опирающаяся на отечественный опыт... В отличие от опасного отрицания предшествующего опыта нужен подвижный синтез прошлого и настоящего, создание на этой основе площадки для практической деятельности...»⁶⁶⁴. Думается, что именно в этом русле должен идти дальнейший поиск историков-аграрников.

Примечания

- ¹ Сельское хозяйство Республики Карелия. Стат. сб. Петрозаводск, 2009. С. 17.
- ² Забабурова Н. Н. Продовольственная безопасность Республики Карелия и аграрная политика // Региональная экономика: проблемы и перспективы развития. Труды Петрозаводского государственного ун-та. Сер. экономика. Петрозаводск, 2000. С. 105.
- ³ Иванов Н. С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов – 50-е годы) // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 417.
- ⁴ Безнин М. А., Димони Т. М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 81.
- ⁵ Клементьев Е. И. Проблемы социального и экономического развития карельской деревни в послевоенный период. 1945 – конец 1950-х годов. Препринт доклада на заседании Ученого совета Института языка, литературы и истории 26 декабря 1985 года. Петрозаводск, 1985. С. 4–5.
- ⁶ Губанов Г. П. Региональные проблемы сочетания государственного регулирования и рыночных отношений в агросистеме // 50 лет Карельскому научному центру Российской академии наук. Юбилейная науч. конф. Тез. докл. Петрозаводск, 1996. С. 263.
- ⁷ Волков И. М. Сельское хозяйство и крестьянство СССР в послевоенные годы в работах советских историков // Проблемы истории современной советской деревни, 1946–1973. М., 1975; Данилов В. П. Изучение аграрной истории советского общества // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 5. М., 1985. С. 491–520; Советская историография. М., 1996; Волков И. М. Деревня СССР в 1945–1953 годах в новейших исследованиях историков (конец 1980-х – 1990-е годы) // Отечественная история. 2000. № 6. С. 115–124 и др.
- ⁸ Игнатовский П. А. Социально-экономические изменения в советской деревне. М., 1966; Он же. Крестьянство и экономическая политика партии в деревне. М., 1971; Островский В. Б. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967; Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. М., 1972; Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970 гг.). М., 1972; Тюрина А. П. Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства (1946–1958 гг.). М., 1973; Она же. Социально-экономическое развитие советской деревни 1965–1980. М., 1982; Вылцан М. А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958). М., 1976; Венжер В. Г. Социально-экономические перспективы развития колхозного строя. М., 1979 и др.
- ⁹ Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. М.; Вологда, 1991 и др.; Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М., 1992; Попов В. П. Экономическая политика Советского государства.

1946–1953 гг. Тамбов, 2000; Он же. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. № 3. С. 61–76; Никонов А. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995; Данилов В. П. Аграрные реформы и крестьянство России (1861–1994 гг.) // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1995; Иванов Н. С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов – 50-е годы) // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 417–435; Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998; Шмелев Г. И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М., 2000; Зеленин И. Е. Аграрная политика Хрущева и сельское хозяйство М., 2001; Буздалов И. Н. Аграрная теория: концептуальные основы, исторические тенденции, современные представления. М., 2005; Шестаков В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М., 2006 и др.

¹⁰ Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье... С. 222, 224, 225–226.

¹¹ Никитаева Е. Б. Российская деревня в 60–70-х годах // Социально-политический журнал. 1996. № 6. С. 247–248.

¹² Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Матер. междунар. конф. М., 1996; Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. М., 2000.

¹³ Димони Т. М. Социальный протест в колхозной деревне. 1945–1960 гг. (на материалах Европейского Севера России). Дис. ...канд. ист. наук. Вологда, 1996; Безнин М. А., Димони Т. М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 81–99.

¹⁴ Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.

¹⁵ Изюмова Л. В. Повинности колхозного крестьянства на Европейском Севере России в конце 1930-х – 1950-е гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Вологда, 2001; Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда, 2001.

¹⁶ Зима В. Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 109–125; Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118–147; Его же. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2005.

¹⁷ Кознова И. Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000. С. 35.

¹⁸ Алексеев А. И. Многоликая деревня (население и территория). М., 1990.

¹⁹ Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия. М., 1992.

²⁰ Гордон А. В. Хозяйствование на земле — основа крестьянского мировосприятия // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 57–74.

²¹ Безнин М. А., Димони Т. М. Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов. Вологда, 2005; Они же. Проблемы трансформации социальной структуры российской деревни 1930–1980-х годов. Вологда, 2007; Димони Т. М. Модернизация аграрной экономики на Европейском Севере России в 1930 — первой половине 1960-х гг.: Автореф. дис. ...докт. ист. наук. Ярославль, 2007; Безнин М. А., Димони Т. М. Протобуржуазия в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда, 2008 и др.

²² Артемова О. В. Крестьянский двор на Европейском Севере (вторая половина 1930-х — 1940-е годы): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Вологда, 1997; Моисеева И. Ю. Социально-экономические взаимоотношения государства и крестьянства в 1946–1952 гг. (По материалам Горьк. обл.): Автореф. дис. ...докт. ист. наук. Н. Новгород, 2000; Безнин М. А., Карпов С. Г., Савина Н. В. Приусадебное хозяйство колхозников Европейского Севера России в 1960–1980-х годах. Вологда, 2001; Милохин Д. В. Аграрная политика Советского государства и материальное положение колхозников в послевоенный период (на материалах Коми АССР). Докл. на заседании Коми НЦ УРО РАН. Сыктывкар, 2002; Милохин Д. В., Сметанин А. Ф. Коми колхозная деревня в послевоенные годы, 1946–1958. Социально-экономические аспекты развития. М., 2005; Ломшин В. А., Надькин Т. Д. Деревня Мордовии в послевоенные годы. Саранск, 2006; Ельчанинова О. Ю. Сельское население Среднего Поволжья в период реформ, 1953–1965 гг. Самара, 2006; Надькин Т. Д. Сталинская аграрная революция и крестьянство: (на материалах Мордовии). Саранск, 2006; Стрельцова Т. П. Амурская деревня: противоречия и трудности послевоенного развития: 1946–1965 гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Владивосток, 2006; Пинаева Д. А. Колхозное крестьянство Чувашии в 1953–1985 гг.: исторический опыт и уроки: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Чебоксары, 2008 и др.

²³ Дроздов В. В. Экономические реформы Н. С. Хрущева в оценке зарубежных авторов // Россия и современный мир. 1996. № 3. С. 158–159, 163.

²⁴ Дроздов В. В. Современные буржуазные концепции истории советской экономики. М., 1990. С. 92.

²⁵ Климин И. И. Критика буржуазных фальсификаций аграрной политики КПСС (1946–1980 гг.). Л., 1985. С. 37.

²⁶ Полищук В. Д. Критика буржуазной фальсификации аграрной политики КПСС на современном этапе (по материалам западногерманской литературы 60-х — середины 70-х гг.). Изд. Саратовского ун-та, 1982. С. 70.

²⁷ Богденко М. Л. Совхозы СССР. 1951–1958. М., 1972. С. 145.

²⁸ Историческая наука в условиях перестройки. Круглый стол // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 45.

²⁹ Аганбегян А. Г. Программа коренной перестройки // ЭКО. 1987. № 11. С. 5–6.

³⁰ Благих И. А. Хозяйственные реформы Н. С. Хрущева: Волонтаризм или необходимость? // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Вып. 1. Ч. 1. М., 1993. С. 190–214; Зеленин И. Е. Указ. соч.; Кириченко О. И. Исторические условия проведения и социальные проблемы аграрной реформы 50-х – 60-х гг. в СССР: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Майкоп, 2004; Нечипас Ю. В. Эволюция аграрной политики СССР в 1945–1984 гг.: Автореф. дис. ...докт. ист. наук. М., 2005; Дрындин В. Л., Криворотов А. Ф. Попытки реформирования аграрной и промышленной сфер РФ (1953–1964 гг.) в контексте специфики отечественной истории. Оренбург, 2006; Арутюнов Э. К. Российская деревня на завершающем этапе индустриальной модернизации: 1953–1985 гг.: Автореф. дис. ...докт. ист. наук. М., 2006; Андреев С. Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1964 гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 2007 и др.

³¹ «Второй и важнейший этап» (об укрупнении колхозов в 50-е – начале 60-х годов) // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 28.

³² Количественные методы в исследованиях по истории рабочего класса и крестьянства. Сб. науч. трудов. Свердловск, 1991.

³³ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001; История экономики Карелии. В трех книгах. Кн. 2. Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.). Петрозаводск, 2005.

³⁴ Клементьев Е. И. Проблемы социального и экономического развития карельской деревни в послевоенный период. 1945 – конец 1950-х годов. Препринт доклада на заседании Ученого совета Института языка, литературы и истории 26 декабря 1985 года. Петрозаводск, 1985; Он же. Основные тенденции развития сельской поселенческой сети в послевоенные годы. Препринт доклада на заседании Ученого совета Института языка, литературы и истории 30 декабря 1988 г. Петрозаводск, 1988; Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии. 1945–1960. Историко-социологические очерки. Л., 1988; Кожанов А. А. Изменения в этническом составе сельского населения Карельской АССР в послевоенный период (1945–1979 гг.) // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 5–20.

³⁵ Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978.

³⁶ Вавулинская Л. И. Документы государственных архивов Карелии по аграрной истории 1950–1960-х годов // Проблемы археографии и источниковедения отечественной истории. Межвуз. сб. науч. трудов. Вологда, 1999. С. 193–197; Она же. Сельское хозяйство Беломорской Карелии в послевоенные годы (1946–1970) // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 141–152; Она же. Актуальные проблемы аграрной истории Карелии (вторая половина 1940–1950-х гг.) // Гуманитарные исследования в Карелии. Сб. ст. к 70-летию Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН. Петрозаводск, 2000. С. 60–65; Она же. Колхозная деревня

Северо-Западного Приладожья в послевоенные годы (1945 – начало 1950-х гг.) // Приладожье и Русский Север: история, традиции, современность. М., 2003. С. 31–33; Она же. Проблемы колхозной деревни 1945–1950-х гг. в отечественной исторической литературе // Изучение истории России: наиболее актуальные историографические тенденции. Матер. 33-й Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2004. С. 187–189; Она же. Реформирование аграрного сектора экономики Карелии в 1950-е гг. // Проблемы развития гуманитарной науки на Северо-Западе России: опыт, традиции, инновации. Матер. науч. конф., посвященной 10-летию РГНФ. 29 июня – 2 июля 2004 г. Т. 2. Петрозаводск, 2004. С. 210–213; Она же. Приусадебное хозяйство колхозников в 1950-х годах (на материалах Карелии) // Сельская Россия: прошлое и настоящее (исторические судьбы северной деревни). Матер. Всерос. науч.-практич. конф. (Республика Коми, с. Усть-Цильма, 10–13 июля 2006 г.). М.; Сыктывкар, 2006. С. 126–130; Она же. Социально-демографические изменения в колхозной деревне Карелии в 1945 – конце 1950-х гг. // Историческая демография. М.; Сыктывкар, 2007. С. 155–158; Она же. Проблемы социально-демографического развития колхозной деревни во второй половине 1940-х – 1950-е гг. (на материалах Карелии) // Социально-демографические проблемы Поволжья в этническом измерении. Матер. Всерос. науч. конф., г. Саранск, 22–23 мая 2007 г. / МГУ им. Н. П. Огарева; [отв. ред. проф. Н. М. Арсентьев]. Саранск, 2007. С. 116–121; Она же. Роль партийных, советских организаций и спецорганов Карелии в реализации аграрной политики государства в послевоенные годы (1945 – конец 1950-х) // Двинская земля. Вып. 5. Матер. пятых межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений, посвященных 90-летию города Котласа. 17–18 марта 2007 года. Котлас, 2007. С. 195–203; Она же. Колхозы и бюрократия во второй половине 1940-х – 1950-е гг. (на материалах Карелии) // Бюрократия и бюрократы в России XIX и XX веках: общее и особенное. Материалы XII Всерос. науч.-теоретич. конф. Москва, РУДН, 29–30 мая 2008 г. М., 2008. С. 107–115; Она же. Налоговая политика государства и положение колхозов во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. (на материалах Карелии) // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Матер. XI Всерос. науч.-практич. конф. (Республика Карелия, Водлозерский национальный парк, 4–9 августа 2008 г.). М., 2008. С. 85–88; Она же. Советская аграрная политика и реформы управления сельским хозяйством в 1950-е гг. (на материалах Карелии) // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования. Сб. науч. статей. СПб.; К.; Мн., 2008. С. 312–335.

³⁷ Поляков С. Н. Партийная организация Карелии в борьбе за развитие сельского хозяйства (1959–1961 гг.) // Науч. конф. по итогам работ за 1965 год {Петрозаводский ИЯЛИ} Май 1966 года. Секция историч. наук. Тез. докл. Петрозаводск, 1966. С. 38.

³⁸ Очерки истории Карелии. Т. 2. Петрозаводск, 1964; Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974; Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983.

³⁹ Рябухин П. С. Межрайонные экономические связи Карело-Финской ССР и пути их рационализации. Дис. ...канд. эконом. наук. Петрозаводск, 1953; Носова Н. В. Эффективность реформирования аграрного сектора Республики Карелия: Автореф. дис. ...канд. эконом. наук. СПб.; Пушкин, 2000.

⁴⁰ Карельская АССР. М., 1956; Карельская АССР: Природа, хозяйство. Петрозаводск, 1986.

⁴¹ Петропавловский И. А. Больше продукции животноводства при меньших затратах. Петрозаводск, 1963; Гуляев М. С. Пути ликвидации убыточности совхозов // Вопросы животноводства и кормовой базы Северо-Запада РСФСР. Ученые записки Петрозаводского государственного ун-та. Т. 12. Вып. 2. Сельскохозяйственные науки. 1964. Петрозаводск, 1964. С. 196–201; Он же. Проблемы интенсификации сельского хозяйства Карелии // Развитие науки в Карелии за 50 лет Советской власти. Петрозаводск, 1970. С. 25–33; Специализация сельского хозяйства Карелии. Петрозаводск, 1971; Бакунович В. Н. Развитие сельского хозяйства Карелии в 1965–1985 годах. Препринт докл. на заседании Ученого совета Отдела экономики. 28 декабря 1987 г. Петрозаводск, 1987.

⁴² Потахин С. Б. Население и хозяйство колхозов Суоярвского района в послевоенный период (на примере Корписельгского сельского совета) // Суоярвский район (Республики Карелия): экономика, ресурсы, охрана природы. Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2000. С. 10–14; Он же. Сельское хозяйство // Природные комплексы Вепской волости: особенности, современное состояние, охрана и использование. Петрозаводск, 2005. С. 225–230.

⁴³ Клементьев Е. И. Карелы: Этнографический очерк. Петрозаводск, 1991; Бирин В. Н. Брак и семья сельского населения Карельской АССР в 1950–1970-е годы. Петрозаводск, 1992; Строгальщикова З. И. Языковая политика в Карелии и судьба коренных народов // Карелы. Финны: Проблемы этнической истории. М., 1992. С. 4–15.

⁴⁴ Федорович Г. А. Из опыта работы партийной организации Карелии по восстановлению народного образования в 1946–1950 гг. // Матер. науч. конф. кафедр обществ. наук, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Петрозаводск, 1967. С. 29–36; Он же. Восстановление и развитие системы народного образования в Карелии в 1946–1950 гг. // Вопросы истории Европейского Севера (Великий Октябрь и социалистическое строительство). Межвуз. сб. Петрозаводск, 1986. С. 161–171; Вавулинская Л. И. Общеобразовательная школа в Карелии в послевоенные годы (1945 – начало 1950-х) // Педагогический вуз в XXI веке. Матер. междунар. конф. 13–15 ноября 2001 года. Петрозаводск, 2002. С. 137–139; Она же. Общеобразовательная школа и вопросы языковой политики в Карелии во второй половине 1940-х – в 1950-е годы // Вопросы истории Европейского Севера. Проблемы развития культуры: вторая половина XIX–XX вв. Сб. науч. статей. Петрозаводск, 2002. С. 161–173 и др.

⁴⁵ Анхимов Н., Перминов А. Сельское хозяйство Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1949; Дерибин Ф. И. Артельное хозяйство растет и крепнет. Петрозаводск, 1959; Калабин И. Г. Сельское хозяйство Карелии. Петрозаводск, 1960; Костин И. Быль и боль Заонежья. Петрозаводск, 1990; Лукьянов В. Колхозы Заонежья. Вып. 12. Петрозаводск, 2004; Он же. Трагическое Заонежье. Документальная повесть. Петрозаводск, 2004; Гушин Б. А. Кижские колхозники (1944–1958 гг.). Очерк // Север. 2006. № 5–6. С. 151–161; Он же. Кижские колхозники (1944–1958 гг.) // Кижский вестник. Вып. 11. Петрозаводск, 2007. С. 23–51.

⁴⁶ Страницы истории комсомола Карелии: Документы и материалы. Петрозаводск, 1978. Карелия в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. 1944–1950: Документы и материалы. Петрозаводск, 1988; История Карелии в документах и материалах. Советский период. Петрозаводск, 1992; Советские Карелии. 1917–1992: Документы и материалы. Петрозаводск, 1993; Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики. 1941–1956 гг. Петрозаводск, 1999.

⁴⁷ Национальный архив Республики Карелия (НА РК), ф. Р-24, оп. 8, д. 10, л. 43–46.

⁴⁸ Миросердов В. В. Аграрная политика и проблемы развития АПК. М., 1990. С. 5.

⁴⁹ Попов В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. № 3. С. 62.

⁵⁰ Наухацкий В. В. Аграрная политика в СССР в 1965–1990 годах: проблемы разработки и реализации. Ростов-на-Дону, 1996. С. 173.

⁵¹ Наухацкий В. В. Указ. соч. С. 58.

⁵² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917–1922 годы. М., 1983. С. 254.

⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 278.

⁵⁴ Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 229.

⁵⁵ Никитаева Е. Б. Исчезающая деревня // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 437; Шмелев Г. И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М., 2000. С. 210.

⁵⁶ Рязанов В. Т. Указ. соч. С. 51.

⁵⁷ Гордеев И. А. Политика Советского государства в послевоенной деревне и развитие личных хозяйств крестьян // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Материалы к Всероссийской науч. конф., посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вологда, 1995. С. 222.

⁵⁸ Боффа. Дж. История Советского Союза. В двух томах. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964. М., 1990. С. 311.

⁵⁹ Наухацкий В. В. Указ. соч. С. 18.

- ⁶⁰ Безнин М. А. Крестьянский двор Российского Нечерноземья в 1950–1965 годах // Отечественная история. 1992. № 3. С. 16.
- ⁶¹ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 68.
- ⁶² Карелия в годы восстановления... С. 85–86.
- ⁶³ Куприянов Г. Отчетный доклад на II съезде Компартии (большевиков) Карело-Финской ССР о работе ЦК КП (б) КФССР. Петрозаводск, 1949. С. 88.
- ⁶⁴ Там же. С. 104–105.
- ⁶⁵ Карелия в годы восстановления... С. 85–86.
- ⁶⁶ Ленинское знамя. 1947. 13 июня.
- ⁶⁷ Карельский государственный архив новейшей истории (КГАНИ), ф. 8, оп. 59, д. 218, л. 14.
- ⁶⁸ Там же, л. 15.
- ⁶⁹ НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 254, л. 2, 5.
- ⁷⁰ Там же, л. 2.
- ⁷¹ Известия. 1947. 28 декабря.
- ⁷² НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 110, л. 32; ф. П-8, оп. 1, д. 2525, л. 22–23.
- ⁷³ Там же, ф. Р-1394, оп. 6, д. 2279, л. 283–284.
- ⁷⁴ Там же, д. 253, л. 56.
- ⁷⁵ Там же, л. 52.
- ⁷⁶ Там же, ф. П-3, оп. 10, д. 28, л. 13-а.
- ⁷⁷ Вавулинская Л. И. Из истории Советов Карелии (1930–1960-е гг.) // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 181.
- ⁷⁸ НА РК, ф. Р-1215, оп. 1, д. 340, л. 5.
- ⁷⁹ Там же, ф. Р-1394, оп. 6, д. 880, л. 151–153.
- ⁸⁰ Там же, ф. П-8, оп. 1, д. 2525, л. 54.
- ⁸¹ Лукьянов В. Колхозы Заонежья... С. 31.
- ⁸² Аксютин Ю. В., Волобуев О. В. XX съезд КПСС: новации и догмы. М., 1991. С. 13.
- ⁸³ Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974. С. 402.
- ⁸⁴ НА РК, ф. Р-698, оп. 16, д. 8, л. 334.
- ⁸⁵ Пыжиков А. Социально-психологические аспекты общественной жизни в годы «оттепели» // Свободная мысль. 2003. № 6. С. 107.
- ⁸⁶ НА РК, ф. П-3, оп. 66, д. 3, л. 46–47.
- ⁸⁷ Там же, оп. 10, д. 56, л. 4.
- ⁸⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М., 1985. С. 308.
- ⁸⁹ Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958. Т. 2. М., 1958. С. 219–220.
- ⁹⁰ КГАНИ, ф. 8, оп. 66, д. 10, л. 69.
- ⁹¹ Безнин М. А., Димони Т. М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х — 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 82.

⁹² Изюмова Л. В. Повинности колхозного крестьянства на Европейском Севере России в конце 1930-х — 1950-е гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Вологда, 2001. С. 20.

⁹³ Советская деревня в первые послевоенные годы (1946—1950). М., 1978. С. 266.

⁹⁴ Благих И. А. Хозяйственные реформы Н. С. Хрущева: волюнтаризм или необходимость? // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Вып. 1. Ч. 1. М., 1993. С. 198.

⁹⁵ КГАНИ, ф. 8, оп. 66, д. 10, л. 69—70.

⁹⁶ Иванов Н. С. Раскрестьянивание деревни... С. 417—418.

⁹⁷ Архив Информационного центра МВД по РК (АИЦ МВД РК), ф. 3, оп. 12. д. 63, л. 97—98, 169, 209.

⁹⁸ Изюмова Л. В. Указ. соч. С. 16.

⁹⁹ КГАНИ, ф. 8, оп. 86, д. 618, л. 51—54.

¹⁰⁰ НА РК, ф. П-3, оп. 9, д. 118, л. 5; ф. Р-698, оп. 18, д. 2, л. 118 об.

¹⁰¹ КГАНИ, ф. 8, оп. 18, д. 268, л. 65; оп. 66, д. 18, л. 32.

¹⁰² История Карелии с древнейших времен... С. 672.

¹⁰³ Попов В. П. Паспортная система в СССР... С. 12.

¹⁰⁴ НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 2432, л. 6—7.

¹⁰⁵ Попов В. П. Паспортная система в СССР... С. 11; Он же. Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. № 6. С. 189.

¹⁰⁶ Попов В. П. Паспортная система советского крепостничества... С. 189, 201.

¹⁰⁷ Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974. С. 366; Сельское хозяйство Карелии. Стат. сб. Петрозаводск, 2005. С. 10.

¹⁰⁸ НА РК, ф. Р-1394, оп. 7, д. 347, л. 1—2; КГАНИ, ф. 8, оп. 99, д. 82, л. 238.

¹⁰⁹ НА РК, ф. Р-3435, оп. 2, д. 241, л. 28.

¹¹⁰ Там же, ф. Р-1411, оп. 8, д. 28, л. 84.

¹¹¹ Там же, ф. Р-2717, оп. 4, д. 317, л. 1; Гоппоева Е. П. Заселение бывших финских территорий после Зимней войны // Проблемы развития гуманитарной науки на Северо-Западе России: опыт, традиции, инновации. Матер. науч. конф., посвященной 10-летию РГНФ. 29 июня — 2 июля 2004 г. Т. 1. Петрозаводск, 2004. С. 94—96.

¹¹² НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 1467, л. 4—5; КГАНИ, ф. 8, оп. 15, д. 327, л. 69.

¹¹³ НА РК, ф. Р-1394, оп. 3, д. 1023, л. 3—5.

¹¹⁴ Там же, оп. 6, д. 2110, л. 122.

¹¹⁵ Ленинское знамя. 1946. 6 апреля.

¹¹⁶ НА РК, ф. Р-2717, оп. 4, д. 317, л. 3; ф. Р-1394, оп. 6, д. 2110, л. 123.

¹¹⁷ Там же, ф. П-8, оп. 1, д. 109, л. 7.

¹¹⁸ История Карелии с древнейших времен... С. 685.

¹¹⁹ Карелия в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства... С. 82—83; КГАНИ, ф. 8, оп. 18, д. 40, л. 120.

¹²⁰ Очерки истории Карельской организации КПСС. С. 384.

¹²¹ НА РК, ф. Р-1394, оп. 8, д. 99, л. 7.

¹²² Лукьянов В. Колхозы Заонежья. Вып. 12. Петрозаводск, 2004. С. 30.

- ¹²³ КГАНИ, ф. 8, оп. 82, д. 115, л. 28.
- ¹²⁴ НА РК, ф. Р-2717, оп. 6, д. 79, л. 21, 22.
- ¹²⁵ Там же, оп. 4, д. 604, л. 86.
- ¹²⁶ Там же, ф. Р-1394, оп. 7, д. 460, л. 194.
- ¹²⁷ Там же, ф. П-1552, оп. 1, д. 829, л. 1; ф. Р-1394, оп. 6, д. 2110, л. 125; ф. Р-1215, оп. 23, д. 18, л. 112.
- ¹²⁸ Там же, ф. Р-1215, оп. 23, д. 18, л. 112.
- ¹²⁹ Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Указ. соч. С. 79; КГАНИ, ф. 8, оп. 99, д. 82, л. 239.
- ¹³⁰ КГАНИ, ф. 8, оп. 99, д. 93, л. 3–4.
- ¹³¹ Там же, д. 10, л. 115.
- ¹³² НА РК, ф. Р-2717, оп. 6, д. 68, л. 2.
- ¹³³ Там же, ф. Р-698, оп. 16, д. 8, л. 3.
- ¹³⁴ КГАНИ, ф. 8, оп. 100, д. 134, л. 43.
- ¹³⁵ НА РК, ф. Р-698, оп. 16, д. 8, л. 3, 8.
- ¹³⁶ Там же, ф. Р-845, оп. 4, д. 10, л. 13; д. 25, л. 44.
- ¹³⁷ КГАНИ, ф. 8, оп. 93, д. 65, л. 27–30; оп. 99, д. 82, л. 5, 239.
- ¹³⁸ Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда... С. 82.
- ¹³⁹ Клементьев Е. И. Проблемы социального и экономического развития карельской деревни... С. 4.
- ¹⁴⁰ НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 2110, л. 118.
- ¹⁴¹ Куприянов Г. Отчетный доклад на II съезде Компартии (большевиков) Карело-Финской ССР... С. 70.
- ¹⁴² КПСС в резолюциях... Т. 8. М., 1985. С. 141.
- ¹⁴³ Куприянов Г. Отчетный доклад... С. 70.
- ¹⁴⁴ Клементьев Е. И. Проблемы социального и экономического развития карельской деревни в послевоенный период... С. 33–34.
- ¹⁴⁵ КГАНИ, ф. 8, оп. 86, д. 83, л. 101.
- ¹⁴⁶ НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 2530, л. 1.
- ¹⁴⁷ Клементьев Е. И. Проблемы социального и экономического развития карельской деревни... С. 3; НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 1422, л. 90.
- ¹⁴⁸ НА РК, ф. Р-1831, оп. 3, д. 944, л. 15; д. 1254, л. 4, 108; ф. Р-2717, оп. 4, д. 604, л. 32, 33.
- ¹⁴⁹ Карельская АССР. 60 лет: Стат. сб. Петрозаводск, 1980. С. 40.
- ¹⁵⁰ Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1983. С. 202.
- ¹⁵¹ Ленинское знамя. 1945. 7 марта, 16 июня.
- ¹⁵² История Карелии в документах и материалах. Советский период. Петрозаводск, 1992. С. 282.
- ¹⁵³ История Карелии с древнейших времен... С. 713.
- ¹⁵⁴ Пятая сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР. 16–19 июля 1946 года. Стенограф. отчет. Петрозаводск, 1946. С. 27.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 29, 30.

- ¹⁵⁶ Благих И. А. Хозяйственные реформы Н. С. Хрущева... С. 197.
- ¹⁵⁷ Клементьев Е. И. Проблемы социального и экономического развития... С. 17.
- ¹⁵⁸ НА РК, ф. Р-690, оп. 11, д. 585, л. 178–179.
- ¹⁵⁹ Ленинское знамя. 1948. 31 января.
- ¹⁶⁰ Некрасова И. М. Развитие электрификации сельского хозяйства в 1945–1965 гг. // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970 гг.). М., 1972. С. 108.
- ¹⁶¹ Клементьев Е. И. Проблемы социального и экономического развития... С. 20.
- ¹⁶² НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 1766, л. 150–153.
- ¹⁶³ КГАНИ, ф. 8, оп. 100, д. 344, л. 27.
- ¹⁶⁴ КГАНИ, оп. 4, д. 106, л. 55; оп. 19, д. 256, л. 23; НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 813, л. 84.
- ¹⁶⁵ История Карелии с древнейших времен... С. 716.
- ¹⁶⁶ НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 1518, л. 30.
- ¹⁶⁷ Куприянов Г. Отчетный доклад... С. 70.
- ¹⁶⁸ Карелия в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства... С. 93–94.
- ¹⁶⁹ НА РК, ф. Р-659, оп. 11, д. 300, л. 108; ф. Р-1394, оп. 6, д. 1125, л. 151–152.
- ¹⁷⁰ Там же, ф. Р-1831, оп. 3, д. 2268, л. 9; д. 2759, л. 9; ф. Р-659, оп. 11, д. 300, л. 141.
- ¹⁷¹ Народное хозяйство Карельской АССР. Стат. сб. Петрозаводск, 1957. С. 49, 51; НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 2047, л. 29, 30.
- ¹⁷² Народное хозяйство Карельской АССР. Стат. сб. Петрозаводск, 1957. С. 42.
- ¹⁷³ КГАНИ, ф. 8, оп. 69, д. 44, л. 104; НА РК, ф. Р-700, оп. 25, д. 135, л. 8, 9, 11.
- ¹⁷⁴ КГАНИ, ф. 8, оп. 66, д. 3, л. 37.
- ¹⁷⁵ Там же, оп. 99, д. 82, л. 2.
- ¹⁷⁶ История Карелии с древнейших времен... С. 716.
- ¹⁷⁷ НА РК, ф. Р-698, оп. 18, д. 2, л. 104.
- ¹⁷⁸ Подсчитано по данным: НА РК, ф. Р-698, оп. 18, д. 2, л. 80, 126.
- ¹⁷⁹ КПСС в резолюциях... Т. 8. М., 1985. С. 142–143.
- ¹⁸⁰ Криводед В. В. КПСС и колхозное крестьянство в 1945–1959 гг. Ростов, 1984. С. 121.
- ¹⁸¹ Безнин М. А. Крестьянский двор Российского Нечерноземья... С. 18.
- ¹⁸² Родина советская. 1917–1987: Исторический очерк. М., 1987. С. 342.
- ¹⁸³ Лукьянов В. Колхозы Заонежья... С. 30.
- ¹⁸⁴ НА РК, ф. Р-1215, оп. 1, д. 333, л. 14.
- ¹⁸⁵ Куприянов Г. Отчетный доклад... С. 75.
- ¹⁸⁶ Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., 1992. С. 204.
- ¹⁸⁷ НА РК, ф. Р-698, оп. 16, д. 8, л. 2–3; История Карелии с древнейших времен... С. 718.

- ¹⁸⁸ НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 1523, л. 28.
- ¹⁸⁹ Там же, д. 463, л. 1.
- ¹⁹⁰ Там же, д. 2126, л. 120.
- ¹⁹¹ КГАНИ, ф. 8, оп. 86, д. 82, л. 60–62.
- ¹⁹² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. 1917–1967 гг. Т. 3. 1941–1952 годы. М., 1968. С. 428–432.
- ¹⁹³ КГАНИ, ф. 8, оп. 38, д. 21, л. 47.
- ¹⁹⁴ Там же, оп. 19, д. 224, л. 29; НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 789, л. 32–34.
- ¹⁹⁵ КГАНИ, ф. 8, оп. 19, д. 224, л. 29.
- ¹⁹⁶ Там же, оп. 38, д. 10, л. 34.
- ¹⁹⁷ Там же, оп. 49, д. 11, л. 53.
- ¹⁹⁸ Куприянов Г. Отчетный доклад... С. 54.
- ¹⁹⁹ КГАНИ, ф. 8, оп. 49, д. 12, л. 112; д. 19, л. 20; Вавулинская Л. И. Олонец в послевоенные годы // Олонец. Историко-краеведческие очерки в двух частях. Ч. 2. Петрозаводск, 1999. С. 75–76.
- ²⁰⁰ НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 1772, л. 51–53.
- ²⁰¹ КГАНИ, ф. 8, оп. 38, д. 10, л. 34; НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 813, л. 328–329.
- ²⁰² Димони Т. М. Модернизация аграрной экономики на Европейском Севере России в 1930 – первой половине 1960-х гг.: Автореф. дис. ...докт. ист. наук. Ярославль, 2007. С. 9.
- ²⁰³ Безнин М. А. Крестьянский двор Российского Нечерноземья... С. 18; Иванов Н. С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов – 50-е годы)... С. 427.
- ²⁰⁴ НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 1762, л. 1–2; д. 2126, л. 122.
- ²⁰⁵ КГАНИ, ф. 8, оп. 19, д. 242, л. 6.
- ²⁰⁶ Куприянов Г. Отчетный доклад... С. 81; НА РК, ф. Р-698, оп. 18, д. 2, л. 115 об.
- ²⁰⁷ НА РК, ф. Р-700, оп. 25, д. 135, л. 56; ф. Р-659, оп. 11, д. 300, л. 109; ф. П-3, оп. 9, д. 118, л. 1.
- ²⁰⁸ КГАНИ, ф. 8, оп. 99, д. 81, л. 13; НА РК, ф. Р-851, оп. 1, д. 229, л. 21; ф. Р-1831, оп. 3, д. 3127, л. 99.
- ²⁰⁹ Лукьянов В. Колхозы Заонежья... С. 31.
- ²¹⁰ КГАНИ, ф. 8, оп. 99, д. 82, л. 240.
- ²¹¹ Там же, л. 3; НА РК, ф. Р-1831, оп. 3, д. 2759, л. 220.
- ²¹² КГАНИ, ф. 8, оп. 99, д. 82, л. 2.
- ²¹³ Там же, л. 242.
- ²¹⁴ Там же, л. 240–241.
- ²¹⁵ Там же, д. 110, л. 7–8.
- ²¹⁶ Там же, л. 8.
- ²¹⁷ Вавулинская Л. И. Колхозная деревня Северо-Западного Приладожья в послевоенные годы (1945 – начало 1950-х гг.) // Приладожье и Русский Север: история, традиции, современность. Матер. науч.-практич. конфер. Лодейное Поле, 8–12 июля 2002 года. М., 2003. С. 32.
- ²¹⁸ НА РК, ф. Р-1394, оп. 7, д. 507, л. 14–15; ф. Р-1831, оп. 3, д. 9968, л. 153.

- ²¹⁹ Второй и важнейший этап (об укрупнении колхозов в 50-е — начале 60-х годов) // Отечественные архивы. 1994. С. 31.
- ²²⁰ КГАНИ, ф. 8, оп. 75, д. 11, л. 16–17.
- ²²¹ КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 215.
- ²²² КГАНИ, ф. 8, оп. 66, д. 3, л. 34, 43.
- ²²³ НА РК, ф. Р-1831, оп. 3, д. 1456, л. 2.
- ²²⁴ Очерки истории Карельской организации КПСС. С. 393; НА РК, ф. Р-1831, оп. 3, д. 1456, л. 2, 3.
- ²²⁵ Аксютин Ю. В., Волобуев О. В. XX съезд КПСС: новации и догмы. М., 1991. С. 154.
- ²²⁶ Карелия в годы восстановления... С. 97.
- ²²⁷ НА РК, ф. Р-1831, оп. 3, д. 2759, л. 153–154.
- ²²⁸ КГАНИ, ф. 8, оп. 10, д. 69, л. 68; НА РК, ф. Р-1831, оп. 3, д. 1456, л. 2.
- ²²⁹ Сельское хозяйство Карелии. Стат. сб. Петрозаводск, 2005. С. 10; НА РК, ф. Р-698, оп. 18, д. 2, л. 133, 205.
- ²³⁰ НА РК, ф. Р-1215, оп. 1, д. 1118, л. 61–62.
- ²³¹ КГАНИ, ф. 8, оп. 93, д. 110, л. 27–29.
- ²³² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. 1929–1940 годы. М., 1967. С. 520.
- ²³³ Зима В. Ф. Второе «раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х — начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 116–118.
- ²³⁴ Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство страны // Отечественная история. 2000. № 1. С. 80.
- ²³⁵ Иванов Н. С. Раскрестьянивание деревни... С. 418.
- ²³⁶ Лукьянов В. Колхозы Заонежья... С. 31.
- ²³⁷ НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 811, л. 121.
- ²³⁸ См.: Безнин М. А. Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье... С. 9, 12.
- ²³⁹ Гордеев И. А. О роли личных хозяйств колхозников в жизни страны и деревни в послевоенные годы // Северо-Запад в аграрной истории России. Межвуз. тематич. сб. науч. трудов. Калининград, 1995. С. 125; Димони Т. М. Социальный протест в колхозной деревне 1945–1960 гг. (на материалах Европейского Севера России). Дис. ...канд. ист. наук. Вологда, 1996. С. 83.
- ²⁴⁰ НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 803, л. 221–222.
- ²⁴¹ Там же, д. 477, л. 18–19.
- ²⁴² Народное хозяйство Карельской АССР. Стат. сб. Петрозаводск, 1957. С. 49, 51; НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 2047, л. 29, 30.
- ²⁴³ НА РК, ф. П-1552, оп. 1, д. 630, л. 22, 23; ф. Р-1394, оп. 6, д. 2047, л. 29.
- ²⁴⁴ Там же, ф. Р-1394, оп. 6, д. 2047, л. 30.
- ²⁴⁵ Пыжиков А. Военные приоритеты мирного времени: экономическое развитие СССР в 1945–1953 гг. // Вопросы экономики. 2001. № 5. С. 144.
- ²⁴⁶ Димони Т. М. Модернизация аграрной экономики... С. 29.
- ²⁴⁷ НА РК, ф. Р-851, оп. 1, д. 229, л. 599, 604, 613.

- ²⁴⁸ Народное хозяйство Карельской АССР. Стат. сб. Петрозаводск, 1985. С. 36.
- ²⁴⁹ XX съезд КПСС и его исторические реальности. М., 1991. С. 109.
- ²⁵⁰ КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 304, 311–312, 317.
- ²⁵¹ Островский В. Б. Колхозное крестьянство СССР... С. 45.
- ²⁵² КГАНИ, ф. 8, оп. 93, д. 65, л. 12.
- ²⁵³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. С. 19–60, 428–434; НА РК, ф. Р-690, оп. 11, д. 208, л. 43–44.
- ²⁵⁴ КГАНИ, ф. 8, оп. 99, д. 77, л. 50–51; д. 451, л. 16.
- ²⁵⁵ КПСС в резолюциях... Т. 8. М., 1985. С. 492–493.
- ²⁵⁶ КГАНИ, ф. 8, оп. 100, д. 12, л. 44.
- ²⁵⁷ Там же, л. 62; д. 299, л. 130.
- ²⁵⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам... Т. 4. С. 288–290.
- ²⁵⁹ Морозов В. О. Совершенствование оплаты труда колхозников (1953–1958 гг.) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970 гг.). М., 1972. С. 293.
- ²⁶⁰ НА РК, ф. Р-1831, оп. 3, д. 2874, л. 110; ф. Р-690, оп. 11, д. 566, л. 50, 73.
- ²⁶¹ Решения партии и правительства... Т. 4. С. 290.
- ²⁶² НА РК, ф. П-3, оп. 10, д. 54, л. 14; Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье... С. 226.
- ²⁶³ Островский В. Б. Колхозное крестьянство СССР... С. 45.
- ²⁶⁴ История советского крестьянства. В 4-х т. Т. 4. Крестьянство в годы упорения и развития социалистического общества 1945 – конец 1950-х гг. М., 1988. С. 213.
- ²⁶⁵ Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии... С. 72.
- ²⁶⁶ НА РК, ф. Р-698, оп. 16, д. 8, л. 74–75.
- ²⁶⁷ Там же, ф. П-3, оп. 8, д. 93, л. 6.
- ²⁶⁸ Там же, ф. Р-690, оп. 11, д. 452, л. 254.
- ²⁶⁹ Ленинское знамя. 1955. 20 апреля.
- ²⁷⁰ КГАНИ, ф. 8, оп. 99, д. 81, л. 10–11.
- ²⁷¹ Вылцан М. А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958). М., 1976. С. 127.
- ²⁷² НА РК, ф. Р-690, оп. 11, д. 569, л. 175–176.
- ²⁷³ Там же, л. 178–179.
- ²⁷⁴ Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Указ. соч. С. 65.
- ²⁷⁵ Подсчитано по данным: НА РК, ф. П-3, оп. 11, д. 175, л. 63–64.
- ²⁷⁶ НА РК, ф. Р-690, оп. 11, д. 586, л. 25.
- ²⁷⁷ Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Указ. соч. С. 75–76, 209.
- ²⁷⁸ КГАНИ, ф. 8, оп. 99, д. 453, л. 66–67.
- ²⁷⁹ НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 2701, л. 184–185.

- ²⁸⁰ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. 1953–1957 годы. М., 1958. С. 18.
- ²⁸¹ КГАНИ, ф. 8, оп. 100, д. 344, л. 8, 10.
- ²⁸² Некрасова И. М. Развитие электрификации сельского хозяйства в 1945–1965 гг. ... С. 116.
- ²⁸³ Валентик И. Я. Семилетка Карелии в действии. Цифры и факты. Петрозаводск, 1963. С. 21; Клементьев Е. И. Проблемы социального и экономического развития карельской деревни... С. 21.
- ²⁸⁴ НА РК, ф. П-1230, оп. 64, д. 39, л. 187; КГАНИ, ф. 8, оп. 93, д. 73, л. 27.
- ²⁸⁵ НА РК, ф. Р-1831, оп. 3, д. 2759, л. 151.
- ²⁸⁶ Там же, ф. П-1230, оп. 66, д. 6, л. 96; д. 77, л. 22, 24, 28.
- ²⁸⁷ Ленинское знамя. 1954. 12 марта.
- ²⁸⁸ КГАНИ, ф. 8, оп. 99, д. 453, л. 182.
- ²⁸⁹ НА РК, ф. П-1230, оп. 67, д. 1, л. 16.
- ²⁹⁰ КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 499–504.
- ²⁹¹ КГАНИ, ф. 8, оп. 100, д. 54, л. 59–60.
- ²⁹² НА РК, ф. Р-1215, оп. 25, д. 44, л. 6–10.
- ²⁹³ КГАНИ, ф. 8, оп. 101, д. 41, л. 7.
- ²⁹⁴ Там же, оп. 99, д. 453, л. 201–205.
- ²⁹⁵ Там же, л. 196–197.
- ²⁹⁶ Там же, д. 340, л. 14.
- ²⁹⁷ НА РК, ф. Р-690, оп. 11, д. 442, л. 78.
- ²⁹⁸ Там же, ф. П-3, оп. 9, д. 118, л. 5.
- ²⁹⁹ Тюрина А. П. Укрепление колхозов и МТС кадрами руководителей и специалистов (1951–1958 гг.) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970 гг.). М., 1972. С. 254.
- ³⁰⁰ Там же, с. 258.
- ³⁰¹ НА РК, ф. П-3, оп. 9, д. 50, л. 62.
- ³⁰² Там же, д. 194, л. 50.
- ³⁰³ Там же, д. 595, л. 4.
- ³⁰⁴ Там же, ф. П-3, оп. 10, д. 103, л. 59; Клементьев Е. И. Проблемы социального и экономического развития карельской деревни... С. 26.
- ³⁰⁵ НА РК, ф. Р-690, оп. 11, д. 595, л. 3; Клементьев Е. И. Проблемы социального и экономического развития карельской деревни... С. 30.
- ³⁰⁶ Олонецкая губерния – Карельская Трудовая Коммуна – Республика Карелия. 1838–2001. Стат. сб. Петрозаводск, 2002. С. 77.
- ³⁰⁷ Клементьев Е. И. Проблемы социального и экономического развития карельской деревни... С. 34–35.
- ³⁰⁸ КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 305–306.
- ³⁰⁹ Миросердов В. В. Аграрная политика и проблемы развития АПК. М., 1990. С. 68.
- ³¹⁰ Криводед В. В. КПСС и колхозное крестьянство... С. 126; Марьяхин Г. Л. Очерки истории налогов с населения СССР... М., 1964. С. 219, 220.

- ³¹¹ Марьяхин Г. Л. Указ. соч. С. 220.
- ³¹² Там же. С. 221.
- ³¹³ Безнин М. А. Личное подсобное хозяйство колхозников Российского Нечерноземья в первой половине и середине 50-х гг. // Социально-экономическое развитие северной деревни (советский период). Межвуз. сб. науч. трудов. Вологда, 1988. С. 147.
- ³¹⁴ Таблица составлена на основании: Карельская АССР. 60 лет: Стат. сб. Петрозаводск, 1980. С. 44–45; Народное хозяйство Карельской АССР: Стат. сб. Петрозаводск, 1985. С. 33–34; Народное хозяйство Карельской АССР в девятой пятилетке: Стат. сб. Петрозаводск, 1976. С. 66–67; Сельское хозяйство Карелии: Стат. сб. Петрозаводск, 2005. С. 16; НА РК, ф. Р-659, оп. 11, д. 3468, л. 2; ф. Р-700, оп. 22, д. 468, л. 79–80; оп. 25, д. 135, л. 28; ф. Р-659, оп. 11, д. 888, л. 13.
- ³¹⁵ НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 2042, л. 13–15.
- ³¹⁶ Димони Т. М. Социальный протест в колхозной деревне... С. 65, 66, 69.
- ³¹⁷ КГАНИ, ф. 8, оп. 93, д. 67, л. 14–15.
- ³¹⁸ Димони Т. М. Социальный протест в колхозной деревне... С. 65, 66, 69.
- ³¹⁹ Там же, с. 67.
- ³²⁰ Там же, с. 68–69.
- ³²¹ НА РК, ф. П-3, оп. 7, д. 14, л. 1–3.
- ³²² Там же, ф. Р-659, оп. 11, д. 300, л. 115; Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда... С. 183.
- ³²³ НА РК, ф. Р-851, оп. 1, д. 229, л. 613.
- ³²⁴ Конституция (Основной Закон) Карельской АССР. Принята Верховным Советом КАССР 20 августа 1956 г. Петрозаводск, 1957. Ст. 7, 9, 10.
- ³²⁵ История колхозного права. Сб. законодат. мат. СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. 2 (1937–1958 гг.). М., 1959. С. 450–451.
- ³²⁶ КПСС в резолюциях... Т. 9. М., 1986. С. 190–192; Сборник решений по сельскому хозяйству. М., 1963. С. 305.
- ³²⁷ История советского крестьянства... Т. 4. С. 273.
- ³²⁸ Милохин Д. В., Сметанин А. Ф. Коми колхозная деревня в послевоенные годы, 1946–1958: Социально-экономические аспекты развития. М., 2005. С. 88.
- ³²⁹ Карельская АССР за 50 лет. Стат. сб. Петрозаводск, 1967. С. 58; НА РК, ф. 659, оп. 9, д. 109, л. 7.
- ³³⁰ Таблица составлена на основании: Народное хозяйство Карельской АССР. С. 36; Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии... С. 183.
- ³³¹ Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда... С. 183–184.
- ³³² Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву... С. 78–79.
- ³³³ Безнин М. А. Крестьянский двор Российского Нечерноземья в 1950–1965 гг. ...С. 21.
- ³³⁴ КПСС в резолюциях... Т. 9. С. 289–290.
- ³³⁵ НА РК, ф. Р-690, оп. 11, д. 340, л. 53–54.

- ³³⁶ Там же, ф. П-3, оп. 10, д. 35. л. 73–74.
- ³³⁷ Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство страны... С. 81.
- ³³⁸ Таблица составлена на основании: Безнин М. А. Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. Вологда, 1989. С. 9, 12–19.
- ³³⁹ Безнин М. А. Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье... С. 9, 17.
- ³⁴⁰ НА РК, ф. Р-1831, оп. 3, д. 3127, л. 99; ф. Р-698, оп. 16, д. 8, л. 119.
- ³⁴¹ Там же, ф. Р-659, оп. 11, д. 300, л. 204.
- ³⁴² Дерибин Ф. И. Артельное хозяйство растет и крепнет. Петрозаводск, 1959. С. 5.
- ³⁴³ Указ. соч. С. 9.
- ³⁴⁴ Там же, с. 8, 11, 13, 17.
- ³⁴⁵ Костин И. Быль и боль Заонежья. Петрозаводск, 1990. С. 53.
- ³⁴⁶ НА РК, ф. П-3, оп. 10, д. 54, л. 14–15.
- ³⁴⁷ Там же, ф. Р-2717, оп. 3, д. 109, л. 33.
- ³⁴⁸ История Карелии с древнейших времен до наших дней... С. 723.
- ³⁴⁹ НА РК, ф. Р-2717, оп. 3, д. 109, л. 1, 15.
- ³⁵⁰ Там же, ф. Р-698, оп. 16, д. 8, л. 119.
- ³⁵¹ Боровик В. Село: вычерпали до дна? // Диалог. 1990. № 17. С. 53.
- ³⁵² КГАНИ, ф. 8, оп. 100, д. 12, л. 22.
- ³⁵³ НА РК, ф. П-3, оп. 7, д. 17, л. 2.
- ³⁵⁴ Там же, ф. Р-659, оп. 11, д. 14, л. 38.
- ³⁵⁵ Богденко М. Л. Основные проблемы развития совхозов в 1954–1965 гг. // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970 гг.). М., 1972. С. 163.
- ³⁵⁶ КГАНИ, ф. 8, оп. 100, д. 19, л. 83–91.
- ³⁵⁷ НА РК, ф. Р-2717, оп. 5, д. 1417, л. 1–6.
- ³⁵⁸ Там же, ф. П-1230, оп. 67, д. 12, л. 47.
- ³⁵⁹ История Карелии с древнейших времен... С. 723.
- ³⁶⁰ Лукьянов В. Колхозы Заонежья... С. 35.
- ³⁶¹ КГАНИ, ф. 8, оп. 99, д. 82, л. 239–240.
- ³⁶² НА РК, ф. Р-851, оп. 1, д. 229, л. 21.
- ³⁶³ Там же, ф. Р-698, оп. 16, д. 8, л. 5.
- ³⁶⁴ Там же, ф. П-3, оп. 7, д. 17, л. 3.
- ³⁶⁵ Там же, ф. Р-659, оп. 11, д. 300, л. 210.
- ³⁶⁶ КГАНИ, ф. 8, оп. 100, д. 61, л. 1.
- ³⁶⁷ Там же, оп. 99, д. 82, л. 240; оп. 100, д. 134, л. 43, 44.
- ³⁶⁸ НА РК, ф. Р-698, оп. 16, д. 8, л. 99.
- ³⁶⁹ Там же, ф. Р-700, оп. 25, д. 135, л. 56.
- ³⁷⁰ Таблица составлена по данным сводных годовых отчетов сельскохозяйственных колхозов Карелии. См.: ф. Р-698, оп. 18, д. 2, л. 36, 72 об., 87 об., 103 об., 127 об., 164, 202, 227 об., 253.

- ³⁷¹ НА РК, ф. Р-698, оп. 16, д. 564, л. 168.
- ³⁷² Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву... С. 53.
- ³⁷³ НА РК, ф. П-3, оп. 9, д. 118, л. 1.
- ³⁷⁴ Димони Т. М. Социальный протест в колхозной деревне... С. 49.
- ³⁷⁵ Димони Т. М. Указ. соч. С. 53.
- ³⁷⁶ НА РК, ф. П-3, оп. 8, д. 32, л. 70.
- ³⁷⁷ Там же, оп. 8, д. 32, л. 70.
- ³⁷⁸ Там же, ф. Р-690, оп. 11, д. 218, л. 160.
- ³⁷⁹ КГАНИ, ф. 8, оп. 79, д. 181, л. 3–4.
- ³⁸⁰ Там же, оп. 99, д. 58, л. 101–103.
- ³⁸¹ Там же, д. 110, л. 22.
- ³⁸² Там же, д. 431, л. 42.
- ³⁸³ Карельская АССР. М., 1956. С. 209–210.
- ³⁸⁴ КГАНИ, ф. 8, оп. 99, д. 444, л. 4, 20.
- ³⁸⁵ НА РК, ф. П-1230, оп. 67, д. 1, л. 17.
- ³⁸⁶ Там же, д. 12, л. 41.
- ³⁸⁷ Там же, оп. 66, д. 43, л. 8, 12.
- ³⁸⁸ Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974. С. 409.
- ³⁸⁹ НА РК, ф. П-1230, оп. 66, д. 43, л. 4.
- ³⁹⁰ Там же, ф. Р-1831, оп. 3, д. 2760, л. 1.
- ³⁹¹ Там же, ф. Р-1394, оп. 6, д. 2702, л. 2–4.
- ³⁹² Там же, л. 2.
- ³⁹³ Там же, ф. Р-2717, оп. 6, д. 97, л. 57.
- ³⁹⁴ Там же, ф. Р-698, оп. 16, д. 8, л. 1.
- ³⁹⁵ Там же, ф. П-3, оп. 7, д. 14, л. 1–3.
- ³⁹⁶ Очерки истории Карельской организации КПСС... С. 414.
- ³⁹⁷ НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 2698, л. 88–93.
- ³⁹⁸ Там же, ф. П-3, оп. 7, д. 17, л. 1.
- ³⁹⁹ Там же, оп. 8, д. 50, л. 44.
- ⁴⁰⁰ Там же, л. 2.
- ⁴⁰¹ НА РК, ф. Р-698, оп. 18, д. 2, л. 205, 219, 245, 268; ф. П-3, оп. 10, д. 69, л. 68.
- ⁴⁰² Там же, ф. Р-690, оп. 11, д. 175, л. 101.
- ⁴⁰³ Там же, ф. Р-698, оп. 16, д. 9, л. 2.
- ⁴⁰⁴ Там же, д. 8, л. 215.
- ⁴⁰⁵ Там же, ф. П-3, оп. 10, д. 69, л. 76.
- ⁴⁰⁶ Там же, ф. Р-698, оп. 16, д. 9, л. 1–5.
- ⁴⁰⁷ Там же, д. 10, л. 54; д. 177, л. 25.
- ⁴⁰⁸ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. С. 727.
- ⁴⁰⁹ НА РК, ф. Р-2717, оп. 3, д. 109, л. 51–52.
- ⁴¹⁰ Чмыга А. Ф. О практике преобразования колхозов в совхозы // Вестник Московского ун-та. 1984. № 1. С. 27.
- ⁴¹¹ НА РК, ф. Р-698, оп. 16, д. 566, л. 144 об.

- ⁴¹² XXIII съезд КПСС. Стенографич. отчет. Т. 1. М., 1966. С. 67.
- ⁴¹³ Денисов Ю. Аграрная политика Н. Хрущева: итоги и уроки // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 121.
- ⁴¹⁴ Сметанин А. Ф. К интерпретации развития северной аграрной подсистемы в 1960–1980-е годы // Крестьянство Европейского Севера России в XVII–XX веках. Проблемы изучения. Труды ИЯЛИ. Вып. 54. Сыктывкар, 1993. С. 87.
- ⁴¹⁵ НА РК, ф. Р-2717, оп. 9, д. 109, л. 7.
- ⁴¹⁶ Там же, д. 310, л. 368.
- ⁴¹⁷ Там же, ф. Р-690, оп. 11, д. 317, л. 356.
- ⁴¹⁸ Там же, д. 453, л. 107.
- ⁴¹⁹ Там же, д. 208, л. 43–44.
- ⁴²⁰ Там же, д. 456, л. 78.
- ⁴²¹ Там же, д. 453, л. 73-а.
- ⁴²² Там же, д. 250, л. 75–76, 165–166.
- ⁴²³ Там же, оп. 10, д. 54, л. 6–7.
- ⁴²⁴ Там же, л. 9.
- ⁴²⁵ Там же, Р-690, оп. 11, д. 471, л. 195–196; 209–212; ф. П-3, оп. 10, д. 54, л. 22–27.
- ⁴²⁶ Там же, ф. Р-690, оп. 11, д. 1426, л. 3.
- ⁴²⁷ Там же, д. 705, л. 307.
- ⁴²⁸ Там же, ф. П-3, оп. 10, д. 569, л. 349.
- ⁴²⁹ Там же, оп. 5, д. 862, л. 1.
- ⁴³⁰ Там же, ф. Р-1831, оп. 3, д. 2759, л. 219.
- ⁴³¹ КГАНИ, ф. 8, оп. 100, д. 134, л. 44.
- ⁴³² Милюсердов В. В. Аграрная политика и проблемы развития АПК... С. 63–64.
- ⁴³³ НА РК, ф. П-1230, оп. 64, д. 39, л. 155.
- ⁴³⁴ КГАНИ, ф. 8, оп. 99, д. 81, л. 36–38.
- ⁴³⁵ Былцан М. А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя... С. 169.
- ⁴³⁶ КГАНИ, ф. 8, оп. 100, д. 54, л. 75–76.
- ⁴³⁷ НА РК, ф. Р-690, оп. 11, д. 13, л. 11–13.
- ⁴³⁸ Там же, д. 595, л. 9.
- ⁴³⁹ Там же, ф. П-3, оп. 7, д. 17, л. 2.
- ⁴⁴⁰ Там же, оп. 5, д. 1424, л. 5.
- ⁴⁴¹ Там же, ф. Р-659, оп. 11, д. 300, л. 211.
- ⁴⁴² Там же, ф. Р-690, оп. 11, д. 217, л. 228.
- ⁴⁴³ Там же, ф. Р-698, оп. 16, д. 8, л. 270.
- ⁴⁴⁴ Там же, ф. Р-690, оп. 11, д. 217, л. 228.
- ⁴⁴⁵ Сборник решений по сельскому хозяйству. М., 1963. С. 283–284.
- ⁴⁴⁶ Ольшевская Г. К. К истории реорганизации МТС // Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973. М., 1975. С. 189, 190.
- ⁴⁴⁷ НА РК, ф. Р-698, оп. 16, д. 8, л. 339.
- ⁴⁴⁸ Там же, ф. Р-690, оп. 11, д. 343, л. 47.

- ⁴⁴⁹ Там же, ф. П-3, оп. 9, д. 50, л. 60–61.
- ⁴⁵⁰ Там же, ф. Р-690, оп. 11, д. 310, л. 253.
- ⁴⁵¹ Сборник решений по сельскому хозяйству... С. 297.
- ⁴⁵² НА РК, ф. Р-690, оп. 11, д. 442, л. 131–132.
- ⁴⁵³ Губенко М. П., Ольшевская Г. К. Некоторые проблемы развития сельского хозяйства РСФСР в годы семилетки // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970). М., 1972. С. 333–334.
- ⁴⁵⁴ НА РК, ф. П-3, оп. 9, д. 50, л. 45.
- ⁴⁵⁵ XX съезд КПСС и его исторические реальности. М., 1991. С. 126.
- ⁴⁵⁶ НА РК, ф. Р-659, оп. 11, д. 300, л. 161.
- ⁴⁵⁷ Народное хозяйство Карельской АССР. Стат. сб. Петрозаводск, 1957. С. 42.
- ⁴⁵⁸ Там же. С. 41; НА РК, ф. Р-2717, оп. 6, д. 97, л. 57.
- ⁴⁵⁹ 40 лет Карельской АССР. Стат. сб. Петрозаводск, 1960. С. 38; Карельская АССР за 50 лет. Стат. сб. Петрозаводск, 1957. С. 59, 61.
- ⁴⁶⁰ НА РК, ф. Р-659, оп. 11, д. 300, л. 175.
- ⁴⁶¹ Там же, ф. Р-690, оп. 11, д. 256, л. 61.
- ⁴⁶² Там же, ф. П-3, оп. 10, д. 69, л. 7, 8.
- ⁴⁶³ Там же, оп. 8, д. 93, л. 53.
- ⁴⁶⁴ Там же, ф. Р-2717, оп. 6, д. 97, л. 59.
- ⁴⁶⁵ Там же, ф. Р-698, оп. 16, д. 8, л. 98.
- ⁴⁶⁶ 40 лет Карельской АССР... С. 38.
- ⁴⁶⁷ Там же, с. 39.
- ⁴⁶⁸ Система ведения сельского хозяйства Северо-Западной зоны РСФСР. Л., 1968. С. 88.
- ⁴⁶⁹ 40 лет Карельской АССР... С. 39.
- ⁴⁷⁰ КГАНИ, ф. 8, оп. 100, д. 12, л. 30.
- ⁴⁷¹ Там же, л. 60.
- ⁴⁷² НА РК, ф. Р-689, оп. 11, д. 300, л. 179; ф. Р-659, оп. 11, д. 2295, л. 87.
- ⁴⁷³ КГАНИ, ф. 8, оп. 99, д. 81, л. 32.
- ⁴⁷⁴ Там же, оп. 100, д. 19, л. 137–142.
- ⁴⁷⁵ Карело-Финская ССР в послевоенные годы. Петрозаводск, 1955. С. 61.
- ⁴⁷⁶ НА РК, ф. Р-659, оп. 11, д. 318, л. 2.
- ⁴⁷⁷ Там же, д. 63, л. 49.
- ⁴⁷⁸ Там же, д. 2295, л. 99–100.
- ⁴⁷⁹ Там же, ф. Р-689, оп. 17, д. 356, л. 60.
- ⁴⁸⁰ Там же, ф. Р-659, оп. 11, д. 2295, л. 115; ф. Р-689, оп. 17, д. 356, л. 61.
- ⁴⁸¹ КГАНИ, ф. 8, оп. 100, д. 12, л. 3; НА РК, ф. П-1230, оп. 71, д. 17, л. 28.
- ⁴⁸² НА РК, ф. Р-698, оп. 16, д. 427, л. 1–2.
- ⁴⁸³ Там же, ф. Р-690, оп. 11, д. 345, л. 217–219.
- ⁴⁸⁴ Клементьев Е. И. Проблемы социального и экономического развития карельской деревни... С. 11.
- ⁴⁸⁵ Таблица составлена на основании: Народное хозяйство Карельской АССР. Стат. сб. Петрозаводск, 1957. С. 49–51; Карельская АССР за 50 лет. Стат. сб.

Петрозаводск, 1967. С. 63–64; Карельская АССР. 60 лет. Стат. сб. Петрозаводск, 1980. С. 44–45; Народное хозяйство Карельской АССР. Стат. сб. Петрозаводск, 1985. С. 33–34; НА РК, ф. Р-659, оп. 11, д. 888, л. 18; д. 2880, л. 26.

⁴⁸⁶ НА РК, ф. Р-698, оп. 16, д. 8, л. 4.

⁴⁸⁷ Там же, ф. П-3, оп. 10, д. 28, л. 14.

⁴⁸⁸ Там же, ф. Р-700, оп. 22, д. 520, л. 3.

⁴⁸⁹ Там же, ф. Р-659, оп. 11, д. 2295, л. 44.

⁴⁹⁰ Там же, л. 43.

⁴⁹¹ Игнатовский П. А. Социально-экономические изменения в советской деревне. М., 1966. С. 74.

⁴⁹² Система ведения сельского хозяйства Северо-Западной зоны РСФСР... С. 90.

⁴⁹³ Там же, с. 91.

⁴⁹⁴ Специализация сельского хозяйства Карелии. Петрозаводск, 1971. С. 238–239; НА РК, ф. П-3, оп. 10, д. 54, л. 6–7; Ленинская правда. 1963. 9 июля.

⁴⁹⁵ НА РК, ф. Р-659, оп. 11, д. 782, л. 2.

⁴⁹⁶ Волков И. М. Сельское хозяйство и крестьянство СССР в послевоенные годы в работах советских историков // Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973 гг. М., 1975. С. 124.

⁴⁹⁷ Никитаева Е. Б. Российская деревня в 60–70-х годах // Социально-политический журнал. 1996. № 6. С. 244.

⁴⁹⁸ НА РК, ф. П-3, оп. 13, д. 8, л. 59.

⁴⁹⁹ Там же, ф. Р-689, оп. 17, д. 423, л. 124.

⁵⁰⁰ Там же, л. 105–106.

⁵⁰¹ Там же, ф. Р-690, оп. 11, д. 456, л. 278, 281.

⁵⁰² Там же, ф. Р-698, оп. 16, д. 599, л. 56, 59.

⁵⁰³ Там же, л. 59.

⁵⁰⁴ Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии... С. 175.

⁵⁰⁵ НА РК, ф. П-3, оп. 11, д. 81, л. 38.

⁵⁰⁶ Там же.

⁵⁰⁷ Там же, оп. 18, д. 57, л. 81–82.

⁵⁰⁸ Там же, ф. Р-690, оп. 11, д. 182, л. 114.

⁵⁰⁹ Там же, ф. П-3, оп. 9, д. 22, л. 11.

⁵¹⁰ Там же, ф. Р-690, оп. 11, д. 445, л. 119.

⁵¹¹ Северный курьер. 2001. 9 февраля.

⁵¹² НА РК, ф. Р-698, оп. 16, д. 87, л. 149.

⁵¹³ 40 лет Карельской АССР... С. 40, 42.

⁵¹⁴ Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 105–106.

⁵¹⁵ НА РК, ф. Р-2717, оп. 4, д. 604, л. 117–118; КГАНИ, ф. 8, оп. 15, д. 520, л. 1.

⁵¹⁶ КГАНИ, ф. 8, оп. 99, д. 82, л. 239; НА РК, ф. Р-698, оп. 16, д. 8, л. 3.

⁵¹⁷ История Карелии с древнейших времен... С. 686.

⁵¹⁸ Покровская И. П. Указ. соч. С. 138.

- ⁵¹⁹ НА РК, ф. Р-1215, оп. 1, д. 1241, л. 1, 10; История Карелии с древнейших времен... С. 686.
- ⁵²⁰ Безнин М. А. Раскрестьянивание России // Крестьянское хозяйство: история и современность. Вологда, 1992. Ч. 1. С. 107–108.
- ⁵²¹ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 251.
- ⁵²² Покровская И. П. Население Карелии... С. 131.
- ⁵²³ Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда... С. 27.
- ⁵²⁴ Староверов В. И. Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма. М., 1978. С. 302.
- ⁵²⁵ НА РК, ф. П-3, оп. 18, д. 56, л. 95.
- ⁵²⁶ Там же, ф. Р-2717, оп. 6, д. 97, л. 58; ф. Р-698, оп. 18, д. 2, л. 121, 190.
- ⁵²⁷ Там же, ф. Р-2717, оп. 6, д. 97, л. 82.
- ⁵²⁸ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 152–159.
- ⁵²⁹ История Карелии с древнейших времен... С. 687.
- ⁵³⁰ НА РК, ф. П-3, оп. 12, д. 95, л. 49.
- ⁵³¹ Клементьев Е. И. Проблемы социального и экономического развития карельской деревни... С. 29.
- ⁵³² Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Указ. соч. С. 33.
- ⁵³³ Таблица составлена на основании сводных годовых отчетов сельскохозяйственных колхозов КФССР: НА РК, ф. Р-698, оп. 18, д. 2. л. 28, 68, 83, 99, 121, 156, 190, 219 об.,
- ⁵³⁴ КГАНИ, ф. 8, оп. 15, д. 520, л. 3.
- ⁵³⁵ Клементьев Е. И. Проблемы социального и экономического развития карельской деревни... С. 4.
- ⁵³⁶ Бирин В. Н. Брак и семья сельского населения Карельской АССР в 1950–1970-е годы. Петрозаводск, 1992. С. 158.
- ⁵³⁷ Алексеев А. И. Многоликая деревня (население и территория). М., 1990. С. 171–172.
- ⁵³⁸ История Карелии с древнейших времен... С. 687.
- ⁵³⁹ Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Указ. соч. С. 24–25, 31.
- ⁵⁴⁰ НА РК, ф. Р-1394, оп. 7, д. 284, л. 60; Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1983. С. 199.
- ⁵⁴¹ НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 1174, л. 39; д. 1540, л. 22.
- ⁵⁴² История Карелии с древнейших времен... С. 729.
- ⁵⁴³ Ленинское знамя. 1946. 20 января.
- ⁵⁴⁴ НА РК, ф. Р-2717, оп. 6, д. 97, л. 80–81.
- ⁵⁴⁵ КГАНИ, ф. 8, оп. 15, д. 520, л. 4; ф. Р-1411, оп. 8, д. 97, л. 64.
- ⁵⁴⁶ НА РК, ф. Р-698, оп. 18, д. 2, л. 240 об.
- ⁵⁴⁷ Ленинское знамя. 1945. 26 сентября.
- ⁵⁴⁸ Там же. 1946. 21 апреля.
- ⁵⁴⁹ Там же. 1945. 3 ноября, 11 ноября.
- ⁵⁵⁰ КГАНИ, ф. 8, оп. 42, д. 24, л. 81.

- ⁵⁵¹ НА РК, ф. Р-1394, оп. 7, д. 460, л. 106.
- ⁵⁵² Карелия в годы восстановления... С. 133.
- ⁵⁵³ НА РК, ф. Р-2717, оп. 6, д. 97, л. 74.
- ⁵⁵⁴ История Карелии с древнейших времен... С. 730.
- ⁵⁵⁵ НА РК, ф. Р-690, оп. 11, д. 1063, л. 37; Заседания Верховного Совета КАССР шестого созыва. Первая сессия. 22–23 марта 1963 г. Стенограф. отчет. Петрозаводск, 1963. С. 33.
- ⁵⁵⁶ НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 1461, л. 15.
- ⁵⁵⁷ Там же, ф. Р-1394, оп. 6, д. 302, л. 2, 3.
- ⁵⁵⁸ КГАНИ, ф. 8, оп. 66, д. 25, л. 196.
- ⁵⁵⁹ Жилищное строительство. Стат. сб. Петрозаводск, 2005. С. 7.
- ⁵⁶⁰ НА РК, ф. Р-698, оп. 18, д. 2, л. 28, 229.
- ⁵⁶¹ Там же, л. 36, 180.
- ⁵⁶² Милохин Д. В. Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в послевоенные годы (1946–1958 гг.): Автореф. ...канд. ист. наук. Сыктывкар, 1999. С. 22.
- ⁵⁶³ Там же, с. 23.
- ⁵⁶⁴ Безнин М. А. Крестьянский двор Российского Нечерноземья в 1950–1965 годах. С. 18.
- ⁵⁶⁵ Димони Т. М. Указ. соч. С. 80.
- ⁵⁶⁶ Попов В. П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953). Сб. документов. М., 1993. С. 124.
- ⁵⁶⁷ Иванов Н. С. Указ. соч. С. 429.
- ⁵⁶⁸ Вербицкая О. М. Российское крестьянство... С. 79, 142–143.
- ⁵⁶⁹ НА РК, ф. П-3, оп. 10, д. 69, л. 60; Ф. Р-2717, оп. 3, д. 109, л. 15; ф. Р-698, оп. 16, д. 564, л. 86.
- ⁵⁷⁰ Там же, ф. Р-2717, оп. 3, д. 109, л. 33.
- ⁵⁷¹ Таблица составлена на основании данных: НА РК, ф. П-3, оп. 9, д. 118, л. 1; д. 69, л. 67; ф. Р-698, оп. 18, д. 2, л. 191 об., 244 об. 253; ф. Р-700, оп. 25, д. 135, л. 56.
- ⁵⁷² НА РК, ф. Р-700, оп. 25, д. 135, л. 55, 56; ф. Р-698, оп. 16, д. 564, л. 163.
- ⁵⁷³ Вербицкая О. М. Указ. соч. С. 142–143; НА РК, ф. П-3, оп. 9, д. 118, л. 1.
- ⁵⁷⁴ Иванов Н. С. Указ. соч. С. 430.
- ⁵⁷⁵ Там же, с. 429.
- ⁵⁷⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. № 15. Ст. 313.
- ⁵⁷⁷ Алексанов П. А. Развитие социального обеспечения советского крестьянства // Вопросы истории. 1974. № 9. С. 24.
- ⁵⁷⁸ НА РК, ф. Р-698, оп. 16, д. 564, л. 88; оп. 18, д. 2, л. 253 об.
- ⁵⁷⁹ Там же, ф. Р-690, оп. 11, д. 588, л. 201; ф. П-3, оп. 11, д. 81, л. 79–80.
- ⁵⁸⁰ Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. № 29. Ст. 340.
- ⁵⁸¹ НА РК, ф. Р-659, оп. 11, д. 8666, л. 108.
- ⁵⁸² Там же, ф. П-3, оп. 16, д. 74, л. 26.
- ⁵⁸³ Там же, д. 111, л. 43.
- ⁵⁸⁴ Безнин М. А., Димони Т. М. Социальный протест колхозного крестьянства... С. 82.

- ⁵⁸⁵ Безнин М. А., Димони Т. М. Указ. соч. С. 86.
- ⁵⁸⁶ Вербицкая О. М. Указ. соч. С. 152.
- ⁵⁸⁷ Иванов Н. С. Указ. соч. С. 431.
- ⁵⁸⁸ Там же.
- ⁵⁸⁹ Безнин М. А. Материальное положение рабочих и колхозников... С. 26.
- ⁵⁹⁰ Безнин М. А. Крестьянский двор на Европейском Севере в 1950–1965 гг. // Европейский Север: история и современность. Тезисы докл. Всеросс. науч. конфер. Петрозаводск, 1990. С. 84.
- ⁵⁹¹ НА РК, ф. Р-1411, оп. 8, д. 96, л. 184, 186.
- ⁵⁹² НА РК, ф. Р-2717, оп. 6, д. 97, л. 80–81.
- ⁵⁹³ Олонецкая губерния – Карельская Трудовая Коммуна – Республика Карелия 1838–2001. Стат. сб. Петрозаводск, 2002. С. 79.
- ⁵⁹⁴ Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия. М., 1992. С. 366.
- ⁵⁹⁵ Безнин М. А., Димони Т. М. Социальный протест колхозного крестьянства... С. 91.
- ⁵⁹⁶ НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 2126, л. 122.
- ⁵⁹⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. С. 290–297.
- ⁵⁹⁸ НА РК, ф. Р-1831, оп. 3, д. 2759, л. 151.
- ⁵⁹⁹ Там же, ф. П-8, оп. 1, д. 4011, л. 34, 40.
- ⁶⁰⁰ НА РК, ф. Р-310, оп. 2, д. 4, л. 75–76.
- ⁶⁰¹ Там же, л. 60.
- ⁶⁰² Димони Т. М. Духовные традиции крестьянства Европейского Севера России в 1945–1960 гг. (проблемы взаимоотношений с властью) // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории. Вологда, 2000. С. 79.
- ⁶⁰³ Вавулинская Л. И. Взаимоотношения православной церкви и государства во второй половине 1940 – начале 1960-х гг. (на материалах Карелии) // Православие в Карелии. Материалы республиканской научной конференции (24–25 октября 2000 г.). Петрозаводск, 2000. С. 200.
- ⁶⁰⁴ Там же.
- ⁶⁰⁵ НА РК, ф. Р-310, оп. 1, д. 12, л. 144, 171–173; д. 19, л. 3, 4, 7; д. 47, л. 137.
- ⁶⁰⁶ Вавулинская Л. И. Взаимоотношения православной церкви и государства... С. 200–201.
- ⁶⁰⁷ НА РК, ф. Р-310, оп. 1, д. 18, л. 32.
- ⁶⁰⁸ Вавулинская Л. И. Взаимоотношения православной церкви и государства... С. 201.
- ⁶⁰⁹ Там же. С. 202.
- ⁶¹⁰ Камкин А. В. и др. Общественно-религиозная активность сельского православного населения Европейского Севера в 1918 – начале 1950-х гг. // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории. Вологда, 2000. С. 41.

⁶¹¹ Вавулинская Л. И. Общеобразовательная школа в Карелии в послевоенные годы (1945 — начало 1950-х) // Педагогический вуз в XXI веке. Матер. междунар. конф. 13–15 ноября 2001 года. Петрозаводск, 2002. С. 137.

⁶¹² Там же.

⁶¹³ НА РК, ф. Р-1192, оп. 3, д. 39, л. 18.

⁶¹⁴ Вавулинская Л. И. Общеобразовательная школа в Карелии в послевоенные годы... С. 138.

⁶¹⁵ НА РК, ф. Р-1192, оп. 3, д. 7, л. 1; д. 205^а, л. 60–61.

⁶¹⁶ Вавулинская Л. И. Проблемы национальной школы в Карелии во второй половине 1940–1960-х годов // Бубриховские чтения: Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. Сб. научных статей. Петрозаводск, 2002. С. 271–272.

⁶¹⁷ Там же. С. 272.

⁶¹⁸ НА РК, ф. Р-1394, оп. 7, д. 460, л. 130, 131.

⁶¹⁹ КГАНИ, ф. 8, оп. 8, д. 97, л. 65.

⁶²⁰ История Карелии с древнейших времен... С. 738.

⁶²¹ НА РК, ф. Р-2717, оп. 5, д. 1457, л. 78.

⁶²² Там же, ф. Р-690, оп. 11, д. 310, л. 477.

⁶²³ НА РК, ф. Р-2717, оп. 5, д. 1457, л. 79; Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 470.

⁶²⁴ Карелия в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства... С. 30.

⁶²⁵ КГАНИ, ф. 8, оп. 3, д. 15, л. 5, 6, 19.

⁶²⁶ Там же, л. 14.

⁶²⁷ Карелия в годы восстановления... С. 114–115.

⁶²⁸ НА РК, ф. Р-2150, оп. 2, д. 83, л. 80.

⁶²⁹ Ленинское знамя. 1954. 21 мая.

⁶³⁰ НА РК, ф. Р-2994, оп. 1, д. 29, л. 34.

⁶³¹ Там же, ф. Р-700, оп. 22, д. 9, л. 56.

⁶³² КГАНИ, ф. 8, оп. 3, д. 15, л. 9, 10; Ленинское знамя. 1953. 6, 8, 15 декабря.

⁶³³ Безнин М. А., Димони Т. М. Социальный протест колхозного крестьянства... С. 81.

⁶³⁴ НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 2002, л. 71–74.

⁶³⁵ Там же, д. 1463, л. 74.

⁶³⁶ Там же, д. 1241, л. 42.

⁶³⁷ Там же, ф. Р-1394, оп. 6, д. 1585, л. 170–171.

⁶³⁸ Иванов Н. С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов — 50-е годы) // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 423.

⁶³⁹ НА РК, ф. Р-1831, оп. 8, д. 13, л. 70–71; ф. Р-1215, оп. 23, д. 18, л. 113.

⁶⁴⁰ Таблица составлена на основании данных: НА РК, ф. Р-698, оп. 18, д. 2, л. 68, 83, 99, 121, 156, 190, 219 об., 243 об.

⁶⁴¹ Решения партии и правительства... Т. 3. М., 1968. С. 336–341.

⁶⁴² НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 2110, л. 115–117; КГАНИ, ф. 8, оп. 66, д. 18, л. 83.

⁶⁴³ Димони Т. М. Социальный протест в колхозной деревне... С. 94.

⁶⁴⁴ Там же.

- ⁶⁴⁵ Там же. С. 99.
- ⁶⁴⁶ Там же. С. 79.
- ⁶⁴⁷ НА РК, ф. П-3, оп. 9, д. 118, л. 1.
- ⁶⁴⁸ Там же, ф. П-8, оп. 1, д. 2067, л. 5.
- ⁶⁴⁹ Безнин М. А., Димони Т. М. Социальный протест колхозного крестьянства... С. 85.
- ⁶⁵⁰ Там же.
- ⁶⁵¹ Димони Т. М. Социальный протест в колхозной деревне... С. 86.
- ⁶⁵² XX съезд КПСС и его исторические реальности. С. 110.
- ⁶⁵³ Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева... С. 87.
- ⁶⁵⁴ 40 лет Карельской АССР... С. 42.
- ⁶⁵⁵ НА РК, ф. Р-690, оп. 11, д. 442, л. 78.
- ⁶⁵⁶ Лукьянов В. Колхозы Заонежья... С. 35.
- ⁶⁵⁷ XX съезд КПСС и его исторические реальности... С. 133.
- ⁶⁵⁸ Народное хозяйство Карельской АССР. Стат. сб. к 50-летию образования СССР. С. 52.
- ⁶⁵⁹ НА РК, ф. П-3, оп. 11, д. 81, л. 58.
- ⁶⁶⁰ Пленум ЦК КПСС. 24–26 марта 1965 г. Стенограф. отчет. М., 1965. С. 7.
- ⁶⁶¹ Там же. С. 7–8, 15, 31–32.
- ⁶⁶² Никитаева Е. Б. Российская деревня в 60–70-х ... С. 248.
- ⁶⁶³ Димони Т. М. Модернизация аграрной экономики на Европейском Севере... С. 31.
- ⁶⁶⁴ Соколов А. К. Конец советской истории // Россия на рубеже XXI века. Оглядываясь на век минувший. М., 2000. С. 268–269.

Список использованных источников и литературы

Архивные фонды

Архив Информационного центра Министерства внутренних дел по Республике Карелия (АИЦ МВД РК)

Ф. 3 – Спецпоселенцы

Ф. 40 – Секретариат МВД КАССР (КФССР)

Карельский государственный архив новейшей истории (КГАНИ)

Ф. 8 – ЦК КП (б) КФССР

Национальный архив Республики Карелия (НА РК)

Ф. П-3 – Карельский обком КПСС

Ф. П-8 – ЦК КП (б) КФССР

Ф. Р-24 – Главное управление по делам литературы и издательств КФССР

Ф. Р-310 – Уполномоченный по делам Русской Православной Церкви

Ф. Р-580 – Министерство здравоохранения и социального обеспечения

КАССР

Ф. Р-659 – Статистическое управление КАССР

Ф. Р-689 – Президиум Верховного Совета КАССР

Ф. Р-690 – Совет Министров КАССР

Ф. Р-698 – Министерство сельского хозяйства КАССР

Ф. Р-700 – Госплан КАССР

Ф. Р-704 – Олонецкий районный совет, райисполком

Ф. Р-851 – Коллекция «Материалы научно-исследовательских и проектных учреждений»

Ф. Р-1951 – Военный комиссариат КФССР

Ф. Р-1192 – Наркомат (Министерство) просвещения КФССР

Ф. Р-1215 – Президиум Верховного Совета КФССР

Ф. П-1230 – Петрозаводский городской комитет КПСС

Ф. Р-1394 – Совнарком (Совет Министров) КФССР

Ф. Р-1411 – Статистическое управление КФССР

Ф. П-1552 – Олонецкий райком партии

Ф. Р-1604 – Прокуратура КФССР

Ф. Р-1654 – Наркомат (Министерство) совхозов КФССР

Ф. Р-1690 – Машинотракторные станции КАССР (КФССР)

Ф. Р-1780 – Управление по делам сельского и колхозного строительства при Совнарком КФССР

Ф. Р-1831 – Наркомат (Министерство) сельского хозяйства КФССР

Ф. Р-1930 – Наркомат финансов КФССР

Ф. Р-2716 – Наркомат лесной промышленности КФССР

Ф. Р-2717 – Госплан КФССР

Ф. Р-2796 – Министерство здравоохранения КФССР

Ф. Р-2994 – Министерство культуры КФССР

Ф. Р-3070 – Инспектура комиссии по сортоиспытанию сельскохозяйственных культур по КАССР

Ф. Р-3149 — Управление по переселению и оргнабору при Совете Министров КФССР

Ф. 3435 — Личный фонд Г. Н. Куприянова (первого секретаря ЦК Компартии республики)

Опубликованные источники

Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. № 15; 1964. № 29.

XX съезд КПСС. Стенографич. отчет. Т. 2. М., 1956.

XXIII съезд КПСС. Стенографич. отчет. Т. 1. М., 1966.

Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сб. док. в 4 т. Т. 3, 4. М., 1958.

Жилищное строительство: Стат. сб. Петрозаводск, 2005.

Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства Карело-Финской ССР на 1946—1950 гг. Петрозаводск, 1946.

Заседания Верховного Совета Карело-Финской ССР 4-го созыва, 4-я сессия (20 августа 1956 г.). Стенографич. отчет. Петрозаводск, 1956.

Заседания Верховного Совета КАССР шестого созыва. Первая сессия. 22—23 марта 1963 г. Стенографич. отчет. Петрозаводск, 1963.

История Карелии в документах и материалах. Советский период. Петрозаводск, 1992.

История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР, 1917—1958. В 2 т. Т. 2 (1937—1958 гг.). М., 1959.

История Карелии в документах и материалах. Советский период. Петрозаводск, 1992.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963.

Карелия в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. 1944—1950. Документы и материалы. Петрозаводск, 1988.

Карельская АССР за 50 лет: Стат. сб. Петрозаводск, 1967.

Карельская АССР. 60 лет: Стат. сб. Петрозаводск, 1980.

Карельская организация КПСС. Хроника: 1895—1987. Петрозаводск, 1988.

Конституция (Основной Закон) Карельской АССР. Принята Верховным Советом КАССР 20 августа 1956 г. Петрозаводск, 1957.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т. 2, 7, 8, 9. М., 1983—1986.

Куприянов Г. Отчетный доклад на II съезде Компартии (большевиков) Карело-Финской ССР о работе ЦК КП(б) КФССР 24 апреля 1949 г. Петрозаводск, 1949.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42.

Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961.

Народное хозяйство Карельской АССР: Стат. сб. Петрозаводск, 1957.

Народное хозяйство Карельской АССР: Стат. сб. к 50-летию образования СССР. Петрозаводск, 1972.

Народное хозяйство Карельской АССР в девятой пятилетке: Стат. сб. Петрозаводск, 1976.

Народное хозяйство Карельской АССР: Стат. сб. Петрозаводск, 1985.

Народное хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1956.

Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики. 1941–1956 гг. Петрозаводск, 1999.

Олонецкая губерния – Карельская Трудовая Коммуна – Республика Карелия. 1838–2001: Стат. сб. Петрозаводск, 2002.

Пленум ЦК КПСС. 24–26 марта 1965 г. Стенографич. отчет. М., 1965.

Попов В. П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953). Сб. докл. М., 1993.

Пятая сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР. 16–19 июля 1946 года. Стенографич. отчет. Петрозаводск, 1946.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. 1917–1967 гг. Т. 2. 1929–1940. М., 1967; Т. 3. 1941–1952 гг. М., 1968; Т. 4. 1953–1961. М., 1968.

Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958. Т. 2. М., 1958.

Сборник решений по сельскому хозяйству. М., 1963.

Сельское хозяйство Карелии: Стат. сб. Петрозаводск, 2005.

Сельское хозяйство Республики Карелия. Стат. сб. Петрозаводск, 2009.

Советы Карелии, 1917–1992: Док. и матер. Петрозаводск, 1993.

Сорок лет Карельской АССР: Стат. сб. Петрозаводск, 1960.

Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.

Хрущев Н. С. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. М., 1953.

Юбилейная сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР. 24 июля 1948 г. Стенографич. отчет. Петрозаводск, 1949.

Периодическая печать

Известия. 1947 г.

Ленинская правда. 1955–1963 гг.

Ленинское знамя. 1944–1955 гг.

Комсомолец. 1952–1959 гг.

Молодой большевик. 1945–1951 гг.

Северный курьер. 2001 г.

Литература

Аграрные реформы и кооперация: Исторические вехи. Петрозаводск, 2007.

Аксенов Ю. С. Путь к коммунизму: утопии и реалии // Вопросы истории КПСС. 1990. № 7. С. 109–121.

Аксютин Ю. В., Волобуев О. В. XX съезд КПСС: новации и догмы. М., 1991.

Алексанов П. А. Развитие социального обеспечения советского крестьянства // Вопросы истории. 1974. № 9. С. 18–32.

Алексеев А. И. Многоликая деревня (население и территория). М., 1990.

Анхимов Н., Перминов А. Сельское хозяйство Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1949.

Артемова О. В. Крестьянский двор на Европейском Севере (вторая половина 1930-х — 1940-е годы): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Вологда, 1997.

Арутюнов Э. К. Российская деревня на завершающем этапе индустриальной модернизации: 1953–1985 гг.: Автореф. дис. ...докт. ист. наук. М., 2006.

Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971.

Бакунович В. Н. Развитие сельского хозяйства Карелии в 1965–1985 годах. Препринт докл. на заседании Ученого совета Отдела экономики. 28 декабря 1987 г. Петрозаводск, 1987.

Безнин М. А. Личное подсобное хозяйство колхозников Российского Нечерноземья в первой половине и середине 50-х гг. // Социально-экономическое развитие северной деревни (советский период). Межвуз. сб. науч. трудов. Вологда, 1988. С. 138–167.

Безнин М. А. Материальное благосостояние колхозной семьи в Нечерноземье в первой половине 50-х гг. // Социально-экономическое развитие северной деревни (советский период). Межвуз. сб. науч. трудов. Вологда, 1988. С. 35–71.

Безнин М. А. Материальное положение рабочих и колхозников 1950–1965 гг. (Методические рекомендации и материалы к спецсеминару по истории советского общества. Ч. 11). Вологда, 1989.

Безнин М. А. Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. (Методические рекомендации и материалы к спецсеминару по истории советского общества). Вологда, 1989.

Безнин М. А. Колхозное население в Российском Нечерноземье в 1950–1965 гг. (Методические рекомендации и материалы к спецсеминару по истории советского общества). Ч. 1–2. Вологда, 1990.

Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. М.; Вологда, 1991.

Безнин М. А. Крестьянский двор Российского Нечерноземья в 1950–1965 гг. // Отечественная история. 1992. № 3. С. 16–29.

Безнин М. А., Димони Т. М. Крестьянство и власть в России в конце 1930-х — 1950-е годы // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Матер. междунар. конф. Москва 14–15 июня 1994 г. М., 1996. С. 155–166.

Безнин М. А., Димони Т. М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х — 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 81–99.

Безнин М. А., Димони Т. М. К вопросу об имущественной и социальной дифференциации крестьянства во второй половине XX в. // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории. Вологда, 2000. С. 111–120.

Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х гг. Вологда, 2001.

Безнин М. А., Димони Т. М. Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов. Вологда, 2005.

Бердинских В. А. Крестьянская цивилизация в России. М., 2001.

Бирин В. Н. Брак и семья сельского населения Карельской АССР в 1950–1970-е годы. Петрозаводск, 1992.

Благих И. А. Хозяйственные реформы Н. С. Хрущева: волонтаризм или необходимость? // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Вып. 1. Ч. 1. М., 1993. С. 190–214.

Богденко М. Л. Основные проблемы развития совхозов в 1954–1965 гг. // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970 гг.). М., 1972. С. 157–202.

Богденко М. Л. Совхозы СССР. 1951–1958. М., 1972.

Болгов А. Е. Проблемы современного сельского хозяйства. Учеб. пособие. Петрозаводск, 2006.

Боровик В. Село: вычерпали до дна? // Диалог. 1990. № 17. С. 49–57.

Боффа Дж. История Советского Союза. В 2-х т. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрушев. 1941–1964. М., 1990.

Буздалов И. Н. Аграрная теория: концептуальные основы, исторические тенденции, современные представления. М., 2005.

Вавулинская Л. И. Из истории Советов Карелии (1930–1960-е гг.) // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 168–188.

Вавулинская Л. И. Олонец в послевоенные годы // Олонец. Историко-краеведческие очерки в двух частях. Ч. 2. Петрозаводск, 1999. С. 73–86.

Вавулинская Л. И. Взаимоотношения православной церкви и государства во второй половине 1940 – начале 1960-х гг. (на материалах Карелии) // Православие в Карелии. Материалы республиканской научной конференции (24–25 октября 2000 г.). Петрозаводск, 2000. С. 198–206.

Вавулинская Л. И. Проблемы национальной школы в Карелии во второй половине 1940–1960-х годов // Бубриховские чтения: Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. Сб. научных статей. Петрозаводск, 2002. С. 271–277.

Вавулинская Л. И. Общеобразовательная школа в Карелии в послевоенные годы (1945 – начало 1950-х) // Педагогический вуз в XXI веке. Материалы междунар. конф. 13–15 ноября 2001 года. Петрозаводск, 2002. С. 137–139.

Вавулинская Л. И. Колхозная деревня Северо-Западного Приладожья в послевоенные годы (1945 – начало 1950-х гг.) // Приладожье и Русский Север: история, традиции, современность. М., 2003. С. 31–33.

Валентик И. Я. Семилетка Карелии в действии. Цифры и факты. Петрозаводск, 1963.

Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия. М., 1992.

Вербицкая О. М. Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР в 1946–1958 годах // Вопросы истории. 1986. № 12. С. 13–25.

Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х годов. М., 1992.

Винокурова Р. Ф. Основные этапы развития колхозного производства в 1946—1970 гг. // Проблемы истории современной советской деревни. 1946—1973. М., 1975. С. 154—159.

Волков И. М. Колхозы СССР в годы четвертой пятилетки (1946—1950 гг.) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946—1970). М., 1972. С. 41—71.

Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946—1950 гг. М., 1972.

Волков И. М. Сельское хозяйство и крестьянство СССР в послевоенные годы в работах советских историков // Проблемы истории современной советской деревни. 1946—1973 гг. М., 1975. С. 102—129.

Волков И. М. Деревня СССР в 1945—1953 годах в новейших исследованиях историков (конец 1980-х — 1990-е годы) // Отечественная история. 2000. № 6. С. 115—124.

«Второй и важнейший этап» (об укрупнении колхозов в 50-е — начале 60-х годов) // Отечественные архивы. 1994. С. 27—50.

Вылцан М. А. Восстановление и развитие материально-технической базы сельского хозяйства в 1946—1958 гг. // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946—1970 гг.). М., 1972. С. 72—100.

Вылцан М. А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945—1958). М., 1976.

Гленко Г. В. К вопросу о приоритетах регионального экономического развития // Труды Петрозаводского государственного ун-та. Серия: экономика. Петрозаводск, 2000. С. 3—8.

Глумная М. Н., Изюмова Л. В. Денежные платежи северного крестьянства в 1930-х — начале 1950-х гг. // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории. Вологда, 2000. С. 52—77.

Гопноева Е. П. Заселение бывших финских территорий после Зимней войны // Проблемы развития гуманитарной науки на Северо-Западе России: опыт, традиции, инновации. Матер. науч. конф., посвященной 10-летию РГНФ. 29 июня — 2 июля 2004 г. Т. 1. Петрозаводск, 2004. С. 94—96.

Гордеев И. А. О роли личных хозяйств колхозников в жизни страны и деревни в послевоенные годы // Северо-Запад в аграрной истории России. Межвуз. тематич. сб. науч. трудов. Калининград, 1995. С. 123—128.

Гордеев И. А. Политика Советского государства в послевоенной деревне и развитие личных хозяйств крестьян // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Матер. к Всероссийской науч. конф., посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вологда, 1995. С. 222—223.

Губанов Г. П. Региональные проблемы сочетания государственного регулирования и рыночных отношений в агросистеме // 50 лет Карельскому научному центру Российской академии наук. Юбилейная науч. конф. Тез. докл. Петрозаводск, 1996. С. 262—265.

Губенко М. П., Ольшевская Г. К. Некоторые проблемы развития сельского хозяйства РСФСР в годы семилетки // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970). М., 1972. С. 331–354.

Гуляев М. С. Резервы повышения фондоотдачи в совхозах Карелии // Вопросы растениеводства и животноводства Карелии. Петрозаводск, 1969. С. 12–17.

Гущин Б. А. Кижские колхозники (1944–1958 гг.). Очерк // Север. 2006. № 5–6. С. 151–161.

Гущин Б. А. Кижские колхозники (1944–1958 гг.). // Кижский вестник. Вып. 11. Петрозаводск, 2007. С. 23–51.

Данилов В. П. Изучение аграрной истории советского общества // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 5. М., 1985. С. 491–520.

Данилов В. П. Аграрные реформы и крестьянство России (1861–1994 гг.) // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1995.

Данилов В. П. Крестьяноведение. Теория, история, современность. М., 1996.

XX съезд КПСС и его исторические реальности. М., 1991.

Демографическое развитие СССР в послевоенный период. М., 1984.

Денисов Ю. П. Развитие колхозной демократии (1946–1970 годы). Изд. Ростовского ун-та, 1975.

Денисов Ю. Аграрная политика Н. Хрущева: итоги и уроки // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 115–122.

Дерибин Ф. И. Артельное хозяйство растет и крепнет. Петрозаводск, 1959.

Димони Т. М. Социальный протест в колхозной деревне 1945–1960 гг. (на материалах Европейского Севера России): Дис. ...канд. ист. наук. Вологда, 1996.

Димони Т. М. Духовные традиции крестьянства Европейского Севера России в 1945–1960 гг. (проблемы взаимоотношений с властью) // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории. Вологда, 2000. С. 78–94.

Димони Т. М. Модернизация аграрной экономики на Европейском Севере России в 1930 – первой половине 1960-х гг.: Автореф. дис. ...докт. ист. наук. Ярославль, 2007.

Дмитренко Т. П., Кузакова В. И. Шефская помощь рабочего класса труженикам села (1946–1967 гг.) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970 гг.). М., 1972. С. 203–228.

Дроздов В. В. Современные буржуазные концепции истории советской экономики. М., 1990.

Дроздов В. В. Экономические реформы Н. С. Хрущева в оценке зарубежных авторов // Россия и современный мир. 1996. № 3. С. 154–172.

Дрындин В. Л., Криворотов А. Ф. Попытки реформирования аграрной и промышленной сфер РФ (1953–1964 гг.) в контексте специфики отечественной истории. Оренбург, 2006.

Забабурова Н. Н. Продовольственная безопасность Республики Карелия и аграрная политика // Региональная экономика: проблемы и перспективы

развития. Труды Петрозаводского государственного ун-та. Серия: экономика. Петрозаводск, 2000. С. 105–111.

Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство страны // Отечественная история. 2000. № 1. С. 76–93.

Зеленин И. Е. Аграрная политика Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001.

Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118–147.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005.

Зима В. Ф. Второе раскулачивание (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 109–125.

Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.

Зубкова Е. Ю. Общество и реформы 1945–1964. М., 1993.

Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. М., 2000.

Иванов Н. С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов – 50-е годы) // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 417–435.

Игнатовский П. А. Социально-экономические изменения в советской деревне. М., 1966.

Игнатовский П. А. Крестьянство и экономическая политика партии в деревне. М., 1971.

Изюмова Л. В. Повинности колхозного крестьянства на Европейском Севере России в конце 1930-х – 1950-е гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Вологда, 2001.

История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.

История советского крестьянства. В 4-х т. Т. 4. Крестьянство в годы упорядочения и развития социалистического общества 1945 – конец 50-х гг. М., 1988.

История мировой экономики. Хозяйственные реформы 1920–1990 гг. М., 1995.

История социалистической экономики СССР. Т. 5. М., 1978.

История экономики Карелии. В трех книгах. Книга 2. Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.). Петрозаводск, 2005.

Кабанов В. В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997.

Калабин И. Г. Сельское хозяйство Карелии. Петрозаводск, 1960.

Камкин А. В., Спасенкова И. В., Тимофеева Я. Б., Бахтенков Е. В. Общественно-религиозная активность сельского православного населения Европейского Севера в 1918 – начале 1950-х гг. // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории. Вологда, 2000. С. 36–51.

Канев Г. В., Беляев В. В., Степанова Г. И. Экономическая эффективность сельского хозяйства Европейского Севера. М., 1974.

Карело-Финская ССР в послевоенные годы. Петрозаводск, 1955.

- Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983.
- Карельская АССР. М., 1956.
- Карельская АССР: Природа, хозяйство. Петрозаводск, 1986.
- Клементьев Е. И.* Проблемы социального и экономического развития карельской деревни в послевоенный период. 1945 — конец 1950-х годов. Препринт доклада на заседании Ученого совета Института языка, литературы и истории 26 декабря 1985 года. Петрозаводск, 1985.
- Клементьев Е. И.* Основные тенденции развития сельской поселенческой сети в послевоенные годы. Препринт доклада на заседании Ученого совета Института языка, литературы и истории 30 декабря 1988 г. Петрозаводск, 1988.
- Клементьев Е. И., Кожанов А. А.* Сельская среда и население Карелии 1945—1960 гг. Историко-социологические очерки. Л., 1988.
- Климин И. И.* Критика буржуазных фальсификаций аграрной политики КПСС (1946—1980 гг.). Л., 1985.
- Кожанов А. А.* Изменения в этническом составе сельского населения Карельской АССР в послевоенный период (1945—1979 гг.) // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 5—20.
- Кознова И. Е.* XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000.
- Количественные методы в исследованиях по истории рабочего класса и крестьянства. Сб. науч. трудов. Свердловск, 1991.
- Костин И.* Быль и боль Заонежья. Петрозаводск, 1990.
- Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993.
- Криводед В. В.* КПСС и колхозное крестьянство в 1945—1959 гг. Изд. Ростовского ун-та, 1984.
- Кулакова Л. М.* Влияние институциональных преобразований в агросфере на социально-экономическое развитие сельских территорий (на примере Республики Карелия) // Петрозаводск - 300: Карелия в процессе перемен. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2004. С. 73—81.
- Ломиш В. А., Надькин Т. Д.* Деревня Мордовии в послевоенные годы. Саранск, 2006.
- Лукьянов В.* Колхозы Заонежья. Вып. 12. Петрозаводск, 2004.
- Лукьянов В.* Трагическое Заонежье. Документальная повесть. Петрозаводск, 2004.
- Мазур Л. Н.* Протоколы общих собраний колхозников как источник по истории крестьянства (методика анализа) // Количественные методы в исследованиях по истории советского рабочего класса и крестьянства. Сб. науч. трудов. Свердловск, 1991. С. 95—113.
- Марьяхин Г. Л.* Очерки истории налогов с населения СССР. М., 1964.
- Машенков В. Ф., Бондаренко Л. В.* Советская деревня: труд, быт, досуг. М., 1986.
- Методология и методика системного изучения советской деревни. Новосибирск, 1980.
- Миграция сельского населения. М., 1970.

- Милосердов В. В.* Аграрная политика и проблемы развития АПК. М., 1990.
- Милохин Д. В.* Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в послевоенные годы (1946–1958 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Сыктывкар, 1999.
- Милохин Д. В.* Аграрная политика Советского государства и материальное положение колхозников в послевоенный период (на материалах Коми АССР). Доклад на заседании Коми научного центра УрО Российской академии наук. Сыктывкар, 2002.
- Милохин Д. В.* Аграрная политика Советского государства в 1953–1958 годах (Коми региональный аспект) // Вклад репрессированных в освоение Европейского Севера России и Приуралья. Материалы регион. научного симпозиума (Сыктывкар, 19 октября 2001 г.). Сыктывкар, 2004. С. 82–92.
- Милохин Д. В., Сметанин А. Ф.* Коми колхозная деревня в послевоенные годы, 1946–1958: Социально-экономические аспекты развития. М., 2005.
- Морозов В. О.* Совершенствование оплаты труда колхозников (1953–1958 гг.) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970 гг.). М., 1972. С. 287–306.
- Морозов К. А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1983.
- Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959. М., 2001.
- Население Советского Союза. 1922–1991. М., 1993.
- Наухацкий В. В.* Аграрная политика в СССР в 1965–1990 годах: проблемы разработки и реализации. Ростов-на-Дону, 1996.
- Некрасова И. М.* Развитие электрификации сельского хозяйства в 1945–1965 гг. // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970 гг.). М., 1972. С. 101–118.
- Нечипас Ю. В.* Эволюция аграрной политики СССР в 1945–1984 гг.: Автореф. дис. ...докт. ист. наук. М., 2005.
- Никитаева Е. Б.* Российская деревня в 60–70-х годах // Социально-политический журнал. 1996. № 6. С. 243–249.
- Никитаева Е. Б.* Исчезающая деревня // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 436–462.
- Никольский С. А.* Аграрный курс России. Мировоззрение реформаторов и практика аграрных реформ в социально-историческом, экономическом и философском контекстах. М., 2003.
- Никонов А. А.* Спираль многовековой драмы: Аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995.
- Носова Н. В.* Эффективность реформирования аграрного сектора Республики Карелия: Автореф. дис. ...канд. эконом. наук. СПб.; Пушкин, 2000.
- Ольшевская Г. К.* К истории реорганизации МТС // Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973. М., 1975. С. 186–191.
- Островский В. Б.* Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967.

- Очерки истории Карелии. Т. 2. Петрозаводск, 1964.
- Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974.
- Очерки экономических реформ. М., 1993.
- Покровская И. П.* Население Карелии. Петрозаводск, 1978.
- Полищук В. Д.* Критика буржуазной фальсификации аграрной политики КПСС на современном этапе (по материалам западногерманской литературы 60-х — середины 70-х гг.). Изд. Саратовского ун-та, 1982.
- Поляков С. Н.* Партийная организация Карелии в борьбе за развитие сельского хозяйства (1959—1961 гг.) // Науч. конф. по итогам работ за 1965 год {Петрозаводский ИЯЛИ} Май 1966 года. Секция историч. наук. Тезисы докл. Петрозаводск, 1966. С. 36—41.
- Попов А. А., Сметанин А. Ф.* Советская северная деревня в 60-е — первой половине 80-х годов. Сыктывкар, 1995.
- Попов В. П.* Паспортная система в СССР (1932—1976 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 3—13.
- Попов В.* Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. № 6. С. 185—202.
- Попов В. П.* Государственный резерв хлеба в СССР и социальная политика // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 24—33.
- Попов В. П.* Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. № 3. С. 61—76.
- Попов В. П.* Экономическая политика Советского государства. 1946—1953 гг. Тамбов, 2000.
- Пыжиков А.* Военные приоритеты мирного времени: Экономическое развитие СССР в 1945—1953 гг. // Вопросы экономики. 2001. № 5. С. 134—148.
- Пыжиков А. В., Данилов А. А.* Рождение сверхдержавы. 1945—1953 годы. М., 2002.
- Пыжиков А.* Социально-психологические аспекты общественной жизни в годы «оттепели» // Свободная мысль. 2003. № 6. С. 103—110.
- Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946—1970 гг.). М., 1972.
- Родина советская. 1917—1987: Исторический очерк. М., 1987.
- Россия на рубеже XXI века. Оглядываясь на век минувший. М., 2000.
- Русинов И. В.* Аграрная политика КПСС в 50-е — 1-й половине 60-х гг.: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 35—50.
- Русинов И. В.* «Неперспективная» деревня: от домыслов к истине // Вопросы истории КПСС. 1990. № 8. С. 50—63.
- Рязанов В. Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX—XX вв. СПб., 1998.
- Савин А. М., Ларионова В. Д.* Структурные изменения в сельском хозяйстве Карелии // Петрозаводск - 300: Карелия в процессе перемен. Сборник научных статей по материалам междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2004. С. 82—88.

Сельское хозяйство и крестьянство СССР в современной историографии. Кишинев, 1977.

Симуш П. И. Социальный портрет советского крестьянства. М., 1976.

Симуш П. И. Мир таинственный...Размышления о крестьянстве. М., 1991.

Система ведения сельского хозяйства Северо-Западной зоны РСФСР. Л., 1968.

Советская деревня в первые послевоенные годы (1946–1950). М., 1978.

Советская историография. М., 1996.

Современные концепции аграрного развития (теоретический семинар) // Отечественная история. 1994. № 2. С. 31–59.

Специализация сельского хозяйства Карелии. Петрозаводск, 1971.

Староверов В. И. Социально-демографические проблемы деревни. Методология, методика, опыт анализа миграции сельского населения. М., 1975.

Степанов А. Я. На путях духовного возрождения. Религия и атеизм в Карелии. Петрозаводск, 1986.

Сымонович Ч. Э. Изменения в социально-правовом положении колхозников в послевоенные годы // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое развитие деревни). Уфа, 1984. С. 218–225.

Сымонович Ч. Э. Советская деревня в 50–80-е годы (Взаимосвязь экономического и политического развития) // Вопросы истории. 1988. № 2. С. 11–25.

Ташпеков Г. Возрождение крестьянства — приоритетная государственная задача // Власть. 2002. № 3. С. 32–34.

Тюрина А. П. Укрепление колхозов и МТС кадрами руководителей и специалистов (1951–1958 гг.) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970 гг.). М., 1972. С. 229–262.

Тюрина А. П. Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства (1946–1958 гг.). М., 1973.

Тюрина А. П. К вопросу о преобразовании колхозов в совхозы // История СССР. 1983. № 5. С. 3–21.

Тюрина А. П. Противоречия и трудности развития агропромышленного комплекса // Механизм торможения: истоки, действие, пути преодоления. М., 1988. С. 108–123.

Чмыга А. Ф. О практике преобразования колхозов в совхозы // Вестник Московского ун-та. 1984. № 1. С. 22–36.

Шарова П. Н. Укрепление сельских партийных организаций в 1950–1965 гг. // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970 гг.). М., 1972. С. 263–287.

Шестаков В. А. Политика Н. С. Хрущева в аграрной сфере: преемственность и новации // Отечественная история. 2006. № 6. С. 106–119.

Шестаков В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х годов. М., 2006.

Шмелев Г. И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М., 2000.

Научное издание

Л. И. Вавулинская

**КОЛХОЗНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО
И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
В СЕРЕДИНЕ 1940-х – КОНЦЕ 1950-х ГОДОВ
(НА МАТЕРИАЛАХ КАРЕЛИИ)**

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

Фото на первой с. обложки: д. Тереки Кондопожского р-на (1956 г.).
Из фонда архива КарНЦ РАН (альбом этнографической экспедиции
Р. Ф. Тароевой в Кондопожский р-он — ф. 1, оп. 29, д. 420, л. 2),
на четвертой с. — фото А. Ю. Вавулинской

Редактор *М. А. Радостина*
Оригинал-макет *Е. Е. Давыдова*

Сдано в печать 17.05.10. Формат 60х84¹/₁₆. Гарнитура Newton.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 13,6. Усл.-печ. л. 13,5.
Изд. № 73. Тираж 300. Заказ 875

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50